

**Российское
психологическое
общество**

**ISSN 1812-1853 (Print)
ISSN 2411-5789 (Online)**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL**

Том 21 № 2

2024

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granhag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь

и литературный редактор

Ответственный редактор

Секретарь по рецензиям

– Вороная Виктория Дмитриевна
– Проненко Евгений Александрович
– Запорожец Диана Валерьевна

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: rospsihj.disk@gmail.com

Адрес издателя:

ООО "КРЕДО"
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Урал-Пресс
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2024

© ООО "КРЕДО", 2024

Веб-сайт: rpi.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии. Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий. Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки. Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, Ulrichsweb, ResearchBib, Directory of Open Access Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов. Редакция журнала является членом ассоциаций АНРИ, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

Содержание

Юридическая психология и психология безопасности

**Psychological Assessment of South Koreans' Perception on Unification Laws:
How Legal Psychology Impacts Perspectives on Korean Unification Policies.....6**

Dongkyu Kim, Jungbin Lim

Педагогическая психология

**Симптомы эмоционального выгорания матерей младших школьников:
роль установок на интенсивное родительство и стилей родительского
отношения.....22**

Татьяна М. Апанович, Анна Б. Серых

**Оценка влияния использования мобильных устройств на
образовательные результаты школьников:
мета-анализ второго порядка.....35**

Юлия Л. Проект, Елена Б. Спасская, Нина О. Иваннушкина, Ольга С. Бочарова

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

**Непроизвольное запоминание и контекстно-зависимое узнавание
лексической информации.....60**

Анна А. Золотухина, Оксана А. Сермакшева, Андрей Ю. Агафонов,
Алла А. Гудзовская, Александр К. Гришин, Ольга В. Крамаренко

Коррекционная психология

**Влияние факторов семейного воспитания на развитие цифровых навыков
ребенка с умственной отсталостью.....81**

Юлия А. Королева

Клиническая психология

**Родительское выгорание и проактивное совладающее поведение матерей,
воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра.....101**

Анна С. Кузьмина, Ирина Я. Стоянова, Кристина О. Кривошей,
Светлана Б. Лещинская

Социальная психология

Особенности эмоционального выгорания у военных врачей с разными моделями доверительных отношений.....119

Татьяна П. Скрипкина, Илья И. Херсонский

Смыслжизненные ориентации подростков с разными культурно-национальными особенностями.....133

Елена М. Фещенко, Галина Ф. Голубева, Валерий В. Спасенников, Армине А. Хангалдян

Организационная психология, психология труда

Функции производственных групп по отношению к их членам: роль структурно-количественных характеристик.....151

Андрей В. Сидоренков, Юлия В. Обухова, Анастасия А. Ерибекян, Даниил С. Игнатов

Общая психология, психология личности, философия и психология

Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ.....169

Ирина В. Абакумова, Евгения Н. Рядинская, Кристина Б. Богрова, Алексей А. Щетинин, Сергей В. Сотников

Образное мышление и образ мира младших школьников в визуальной образовательной среде.....184

Алла К. Белоусова, Юлия А. Мочалова, Екатерина В. Кряжкова

Проблемное использование смартфона: связи с эмоциональным интеллектом, уверенностью в себе и поведением в конфликтах у белорусов и россиян.....200

Виктор П. Шейнов, Нина А. Низовских, Антон С. Девицын

Выбор позиций взаимодействия: Темная и Светлая триады как предикторы поведения.....222

Владимир Г. Маралов, Марина А. Кудака, Ольга В. Смирнова

Самоуничжительный юмор в жизни и интернет-среде: онтологические предикторы и связь с самоотношением у молодых людей.....240

Виктория Д. Вороная, Евгений А. Проненко

Psychological Assessment of South Koreans' Perception on Unification Laws: How Legal Psychology Impacts Perspectives on Korean Unification Policies

Dongkyu Kim¹, Jungbin Lim^{2*}

¹Yonsei University, Seoul, Republic of Korea

²Sungkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea

*Corresponding author: jblim407@skku.edu

Abstract

Introduction. In order to implement the «Special Presidential Declaration for National Pride and Unification Prosperity», South Korea enacted and promulgated the «Inter-Korean Exchange and Cooperation Act» on August 1, 1990, expressing its commitment to a North Korea policy and unification policy based on constitutional rule of law. As a result, the Ministry of Unification currently is in charge of a total of 31 related statutes: 11 laws, 12 presidential decrees, and 8 ministerial decrees. However, despite South Korean's high public interest in North Korea and inter-Korean relations, there is a lack of public awareness regarding laws relevant to unification. This is partly because North Korea policy has primarily been led by the President and the executive branch, whereas the legislative body, the National Assembly, played a relatively minor role in inter-Korean and foreign relations. Effective rule of law reduces corruption, protects individuals from minor injustices, supports responsible governance, respects fundamental rights, and forms the foundation for a just, peaceful, and opportunistic community. In the context of unification, achieving an ideal unified state necessitates securing a legal system that ensures a fair society governed by rational and public rules, rather than arbitrary rule by leaders. **Methods.** This research conducted a survey on 225 South Korean citizens aged 19 and older using an online questionnaire to investigate their legal consciousness regarding unification-related laws. **Results.** Descriptive statistics revealed a low public awareness of unification-related laws, and low legal consciousness on the Unification law. Further correlational analysis revealed a positive correlation between cognitive and emotional dimensions of

legal consciousness and supportive attitudes towards unification and reconciliatory North Korea policies. **Discussion.** Based on these findings, it is suggested that the government could consider expanding the functions of the Unification Law Database operated by the Ministry of Unification and strengthening legal education in the curriculum conducted during the Unification Education Week by the National Institute for Unification Education.

Keywords

Korean unification, unification law, unification psychology, legal psychology, legal consciousness, legal culture, inter-group relations, legal attitude, legal awareness

For citation

Kim, D., Lim, J. (2024). Psychological Assessment of South Koreans' Perception on Unification Laws: How Legal Psychology Impacts Perspectives on Korean Unification Policies. *Russian Psychological Journal*, 21(2), 6–21. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.1>

Introduction

Article 4 of the Constitution of the Republic of Korea stipulates, “the Republic of Korea shall seek unification and shall formulate and carry out a policy of peaceful unification based on free and democratic order.” Similarly, Article 9 of the Socialist Constitution of the Democratic People’s Republic of Korea states, “The Democratic People’s Republic of Korea shall strive to ... reunify the country on the principle of independence, peaceful reunification, and great national unity.” Thus, both South and North Korea express a constitutional commitment to peaceful reunification (Cho, 2018).

However, inter-Korean relations face numerous challenges, including North Korea's missile launches, the nuclear issue, the closure of the Kaesong Industrial Complex, and intensifying United States (U.S.)-China competition. Despite the hopeful Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity, and Unification on the Korean Peninsula on April 27, 2018, North Korea has conducted numerous missile tests following the collapse of the Stockholm working-level talks. Many inter-Korean agreements have not been implemented and have become ineffective (Kim, 2021). One key issue is that inter-Korean relations have traditionally been viewed as a “political question” rather than a legal matter.

Article 4 of the Republic of Korea’s Constitution asserts that unification is a constitutional mandate to be achieved through a democratic system (Choi, 2022). To enhance the transparency and consistency of South Korea’s policies towards North Korea, it is necessary to emphasize the rule of law. Overcoming the stalemate in inter-Korean relations requires opportunities for change and development through legal research on unification. Social change is needed to lead to a more substantial transformation in

inter-Korean relations, which can be achieved by shifting perceptions towards the rule of law (Ji, 2005). Specifically, the legal consciousness regarding inter-Korean relations is essential to establish a new national psychological consciousness (Ji, 2005).

However, public awareness of the law should be assessed based on empirical investigation and analysis rather than abstract reasoning. Practical rule of law can be established when there is an accurate understanding of public legal awareness through empirical research, which then informs the drafting and amendment of laws and policy implementation (Kang & Cha, 2019).

This study examines the theoretical background of current legislations related to Korean unification (hereinafter "Unification Law") and legal consciousness. We assess public perception regarding awareness of laws related to Unification Law and the impact of legal consciousness on attitudes toward unification and preferences for North Korea policies. Further implications for the South Korean government's unification policy are subsequently derived.

Theoretical Background

Legal Culture and Legal Consciousness

Effective rule of law reduces corruption, protects people from injustice, ensures responsible governance, upholds fundamental rights, and lays the foundation for a community of justice, opportunity, and peace (Kang & Cha, 2019). Therefore, measuring and improving citizens' legal awareness is of great national importance (Kwak, 2011). However, according to the 2021 National Law Consciousness Survey conducted by the Korea Institute of Legislation, 43.3% of respondents stated that South Koreans "do not know" about the law, and about six out of ten respondents found legal terms and sentences "difficult to understand" (Kang & Cha, 2019). Although these figures have improved compared to 2019, when more than half of the respondents said they "do not know" about the law and seven out of ten found legal terms and sentences "difficult to understand," there remains a significant reluctance towards law and legal terminologies (Kang & Cha, 2019).

Generally, the three elements of the legal system are composed of substantive legal norms, legal systems, and legal culture (Im, 2015). Legal culture refers to the attitudes, values, and opinions commonly found within a society towards the law or legal system (Im, 2015). Specifically, it encompasses the perceptions and understanding of individuals and groups towards the law, as well as attitudes towards the judicial system, from the perspectives of legal sociology and legal anthropology (Jung, 2014).

A crucial component of legal culture is legal consciousness (Yoo, 2024). Legal consciousness refers to the psychological aspect of legal phenomena, generally understood as intertwined with the broader legal culture of a country and the legal consciousness of

its citizens. For instance, a country's political system can be seen as a product of different historical and cultural contexts according to time and region (Park, 2009).

Legal culture based on legal consciousness has two primary effects: the social function of law and the creation and change of law (Yoo, 2024). The social function involves law controlling and integrating society, legitimizing community power, and handling conflicts. This function is essential for community members, and its legitimacy must be maintained by legal cultural conditions (Yoo, 2024). On the other hand, conflicts in legal consciousness can lead to changes in legal culture. Therefore, considering both the practical and formal aspects of legal consciousness regarding legal systems, procedures, and their necessity can drive new legal changes (Yoo, 2024).

Empirical Research on the Legal Consciousness of the Unification Law

Following democratization, the authoritative decisions of the government, including those of the president, have decreased, while the influence of public opinion in the decision-making process of foreign policy has increased. This is evident in the formation of policy towards North Korea. For example, when North Korea abuses South Korea's policies of tolerance, the resulting deterioration in domestic and international public opinion can weaken the foundation for advancing these policies, highlighting the importance of public sentiment (Hwang, 2011). Furthermore, preferences for policies towards North Korea can be restructured according to the socio-cultural context. For instance, during the Kim Dae-jung and Roh Moo-hyun administrations, sustained economic cooperation and private exchanges with North Korea led to a reduction in South Koreans' hostile perceptions of North Korea. Additionally, understanding the market order in the Kaesong Industrial Complex and the spread of South Korean pop culture also changed North Koreans' perceptions of South Korea (Hwang, 2017). Conversely, after the Panmunjom Declaration, the Inter-Korean Presidential Summit, and the U.S.-North Korea Presidential Summit alleviated South Korean citizens' security concerns regarding North Korean nuclear weapons and provocations. However, subsequent North Korean nuclear crises and deteriorating inter-Korean and U.S.-North Korea relations have hardened public perception of North Korea. Therefore, the formation of North Korean policy should consider not only the formal aspects of laws and procedures but also the changing public opinion based on social and cultural contexts (Lee & Jeong, 2019).

The development of the Unification Law also reflects social phenomena (Supreme Court of Korea, 1995). Traditionally, North Korea was viewed as a non-state entity. However, the Constitutional Court of South Korea recognized the "dual status" of North Korea as a "special party of inter-Korean relations," pursuing a common goal of peace and reunification, thereby acknowledging North Korea's legal status in the context of inter-Korean cooperation (Constitutional Court of Korea, 1992). The Constitutional Court has upheld the constitutionality of the "Inter-Korean Exchange and Cooperation Act" by recognizing North Korea's dual status as a non-state entity under Article 3 of the Constitution and as a party to dialogue and cooperation under Article 4 of the Constitution

(Constitutional Court of Korea, 1992). As such, laws and judicial precedents that regulate inter-Korean relations must evolve to adapt to social changes, considering how they are positioned in society and what changes they induce in the legal system.

In alignment with this direction, the South Korean government enacted and promulgated the Inter-Korean Exchange and Cooperation Act on August 1, 1990, to specifically execute the Special Presidential Declaration for National Pride and Unification Prosperity, expressing its commitment to promoting North Korea and unification policies based on the rule of law (Ji, 2005). As a result, the Ministry of Unification currently oversees 11 laws, 12 Presidential Decrees, and 8 Ministry of Unification decrees, totaling 31 related laws (Korean Law Information Center). Furthermore, the "Development of Inter-Korean Relations Act," established to promote the development of inter-Korean relations based on national consensus, according to the principles of transparency and trust, has contributed to enhancing policy transparency and promoting national consensus by being incorporated into the legal system and under the legislative control of the National Assembly.

However, the public's understanding of the Unification Law is insufficient, even though interest in North Korea and inter-Korean relations is high. This is because North Korea policy has predominantly been led by the president and the administration, with the National Assembly, the legislative body, having a very limited role in inter-Korean relations (Jhe, 2004).

To achieve an ideal unified state, a legal system must be secured to create a fair society according to reasonable and public rules through the "rule of law," not arbitrary rule by the ruler (Choi, 2022). Therefore, in terms of reunification policy, it is crucial to legalize agreements and domestic inter-Korean issues. This will promote unification and North Korea policy, and further inter-Korean unification, as processes grounded in laws based on national consensus.

Methods

Participants

Two hundred and forty participants of South Korean nationality participated in an online questionnaire in October 2021. The demographic composition of participants is presented in Table 1. All analysis was performed through IBM SPSS 22.

Table 1
Demographic Composition of Participants

Age	Male	Female	Other	Sum
20-29	68	32	8	108
30-39	28	24	0	52
40-49	44	36	0	80
Sum	140	93	8	240

Measures

Awareness on Unification Law

Legal consciousness is composed of cognitive, emotional, and behavioral dimensions. The cognitive dimension includes legal knowledge, understanding of the law, and awareness of the need for the law. The emotional dimension encompasses elements such as legal empathy, familiarity, and trust. Finally, the behavioral dimension involves perceptions of legal effectiveness and legal normativity (Choi et al., 2017).

To assess legal consciousness regarding Inter-Korean relations, this research first evaluated awareness of individual laws related to Inter-Korean exchange and cooperation, unification policy, unification education, and policy towards North Korea. Participants were asked of their awareness of the 11 laws relevant to Korean Unification policies.

Subsequently, standards from the scale developed by Choi et al. (2017) were used to measure legal consciousness across its three dimensions in relation to the Unification Law. The cognitive dimension was assessed with two questions: "The Unification Law has authority" and "The Unification Law is fair." The emotional dimension was also measured with two questions: "I feel familiar with the Unification Law" and "I trust the Unification Law." The behavioral dimension included: "The government is enforcing the Unification Law well" and "The government's unification and North Korea policy is implemented in accordance with the law."

Participants responded to each question on a 5-point scale (1 = strongly disagree, 5 = strongly agree).

Attitudes Toward Unification

According to the annual Understanding of the Unification Problem published by the National Institute for Unification Education under the Ministry of Unification, discourse on the necessity of Korean unification can be categorized into three main types: ethnic nationalism discourse, universal value discourse, and benefit of unification discourse (Kim & Lim, 2021).

The ethnic nationalism discourse argues that unification is essential because South and North Koreans are part of the same nation and share a unified national identity. The universal value discourse posits that unification is desirable for all Koreans to enjoy universal values such as international peace, human rights, freedom, welfare, human dignity, and respect for human rights. The benefit of unification discourse emphasizes the various advantages that unification can bring, potentially transforming the Korean Peninsula into a "Korean Premium" (National Institute for Unification Education, 2022).

Attitudes towards unification were assessed using the Attitude Toward Unification of Korea (ATU-K) scale (Choi et al., 2021). This scale, developed from a social psychological perspective, measures individuals' attitudes towards Inter-Korean unification in terms of cognitive and emotional dimensions.

The cognitive dimension of the ATU-K scale categorizes expected outcomes of Inter-Korean unification into three sub-dimensions: "national strength," "identity preservation," and "peace promotion." These align respectively with the three types of unification discourse mentioned earlier. This framework helps to identify the primary motivations behind an individual's support for unification and discern which unification discourse prevails among the South Korean public.

Participants responded to categories assessing the strengthening of national power with statements like "Unification will develop the Korean economy," "Unification will enhance Korea's international stature," and "Unification will bolster Korea's military capabilities." Items addressing identity preservation included statements such as "Unification will safeguard the historical legacy of the Korean nation," "Unification will preserve the cultural identity of the Korean nation," and "Unification will promote the cultural heritage of the Korean nation." Statements focused on promoting peace included "Unification will mitigate the threat of war on the Korean peninsula," "Unification will contribute to peace in Northeast Asia," and "Unification will foster peace in the broader international community." Participants rated their level of concurrence with each statement on a 5-point scale (1 = strongly disagree to 5 = strongly agree).

Preferences toward Policies toward North Korea

Security and cooperation represent the dual pillars of South Korean policies towards North Korea that have been consistently pursued. This study draws on questions from a prior research by Park et al. (2019) and categorizes North Korea policies into reconciliatory and hardline approaches. To gauge preferences towards reconciliatory policies, participants were presented with statements such as "South Korea should provide humanitarian aid to vulnerable groups in North Korea (children, pregnant women, and the elderly) regardless of sanctions" and "The South Korean government should actively implement cooperation projects with North Korea that have the potential to lead to sanctions relief and seek support from the UN."

Conversely, to assess preferences towards hardline policies, statements included "Providing humanitarian aid to North Korea violates sanctions," "Support for North Korea could strengthen its military capabilities," and "Sanctions on North Korea should only be lifted upon complete denuclearization." Participants indicated their consent with each statement using a scale ranging from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree).

Results

Awareness of Unification Laws

Descriptive statistics on the awareness of individual laws constituting the Unification Law are presented in Table 2, and descriptive statistics on the cognitive, emotional, and behavioral dimensions of the Unification Laws are presented in Table 3.

Table 2
Descriptive Statistics on Awareness of Unification Laws

Name of Act/Law	Awareness (%)
Act on Finding the Truth of North Korea's Abduction During the Korean War and Restoring Honor of the Victims	2.7
Act on Support of Gaeseong Industrial Complex	5.3
Act On The Joint Board Of South And North Korea For The Compilation Of Gyeongmal-keunsajeon	5.3
Act On Compensation And Assistance To Victims Of Abduction By North Korea After Conclusion Of The Military Armistice Agreement	4.0
Development of Inter-Korean Relations Act	6.7
The Inter-Korean Exchange and Cooperation Act	10.7
Act On Confirmation of The Life or Death Of Inter-Korean Separated Families And Promotion Of Exchange	16.0
Inter-Korean Cooperation Fund Act	8.0
North Korean Defectors Protection And Settlement Support Act	14.7
North Korean Human Rights Act	8.0
Average	8.0

Table 3
Descriptive Statistics on Legal Consciousness on the Unification Law

Classification	Questionnaire	M	SD
Cognitive	I am well-aware of Unification Law	1.91	.98
	Terms used in Unification law can be easily understood.	2.28	.97
	Average	2.09	.85
Emotional	The Unification Law has authority.	2.37	.99
	The Unification Law is fair.	2.92	.94
	Average	2.65	.83
Behavioral	The government is enforcing the Unification Law well.	2.75	.92
	The government's unification and North Korea policy is implemented in accordance with the law.	2.81	1.03
	Average	2.83	.86

Attitudes Toward Unification

Descriptive statistics on attitudes towards unification based on discourses on the necessity of unification are presented in Table 4. The results show that participants support the necessity of unification based on the “peace promotion” discourse the most ($M=4.12$, $SD=1.02$), as the mainstream public opinion in South Korea.

Table 4
Descriptive Statistics on Attitudes Toward Unification

Classification	Questionnaire	M	SD
National Strength	Unification will help the development of Korea's economy	3.67	1.20.
	Unification will raise Korea's international status	3.98	1.17
	Unification will strengthen Korea's military power	3.98	1.14
	Average	3.87	1.04
Identity Preservation	Unification will preserve of the history of the Korean nation.	4,15	1.07
	Unification will maintain the identity of the Korean nation.	3.96	1.21
	Unification will develop the culture of the Korea nation.	4.00	1.17
	Average	4.04	1.07
Peace Promotion	Unification will resolve the threat of war on the Korean Peninsula	4.11	1.16
	Unification will contribute to peace in Northeast Asia	4.09	1.10
	Unification will help promote peace in the international community	4.15	1.05
	Average	4.12	1.02

Preferences Toward North Korea Policies

Descriptive statistics on preferences toward reconciliatory and hardline North Korea policies are presented in Table 5. The results show that while participants did not show a significant preference towards a single direction of North Korean policies, they show a generally positive attitude towards reconciliatory North Korean policy pursued by the Unification Law.

Table 5
Descriptive Statistics on Preferences Toward North Korea Policies

Classification	Questionnaire	M	SD
Reconciliatory Policies	Humanitarian support for vulnerable groups in North Korea such as children, pregnant women, and the elderly should be carried out regardless of sanctions.	3.77	1.09
	Our government should actively explore cooperation projects with North Korea that have the possibility of sanctions exemptions and request the support from the UN.	3.48	1.20
	Average	3.62	1.04
Hardline Policies	Humanitarian aid to North Korea is a violation of sanctions.	2.52	1.04
	Support to North Korea will be used to enhance its military power.	3.67	.93
	Sanctions on North Korea must not be eased until complete denuclearization of North Korea.	3.57	1.19
	Average	3.25	.86

Correlation Between Legal Consciousness and Attitudes

To explore the relationship between the legal consciousness of the Unification Law and attitudes towards unification measured through the ATU-K scale, and preferences toward reconciliatory/hardline North Korean policies, a correlation analysis was conducted. The results show a significant correlation between legal consciousness in the cognitive and

emotional dimensions and attitudes towards unification, but there was no significant correlation in the behavioral dimension. More specifically, higher degrees of legal consciousness in the cognitive and emotional dimensions were positively correlated with positive attitudes towards unification in support of strengthening national power ($r = .25$, $r = .35$) and preserving identity ($r = .23$, $r = .38$) and a higher degree of support towards reconciliatory North Korea policies ($r = .33$, $r = .40$). On the other hand, the degree of legal consciousness in the behavioral dimension did not show any significant correlation with any other measured variables. The overall results are presented in Table 6.

Table 6
Correlation of Legal Consciousness of the Unification Law and Attitudes Towards Unification and Preferences Toward North Korea Policies

		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Cognitive Dimension	-	.58**	.30*	.25*	.23*	.16	.33**	-.15
2	Emotional Dimension		-	.49**	.35**	.38*	.19	.40**	-.14
3	Behavioral Dimension			-	.21	.20	.15	.14	.01
4	National Strength				-	.70**	.66**	.41**	-.27*
5	Identity Preservation					-	.64**	.45**	-.17
6	Peace Promotion						-	.37**	-.25*
7	Reconciliatory policies							-	-.59*
8	Hardline policies								-

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$

Discussion

Legal Consciousness of the Unification Relations Act

The issue of Korean Unification is complex and ongoing, with the government's approach often termed the "sunshine policy," focused on engagement and reconciliation towards achieving reunification. Public support and a robust legal framework are seen as crucial for maintaining a consistent unification policy.

Public awareness and understanding of Unification laws are relatively low, averaging around 8%. Specific laws such as the "Act on Confirmation of the Life or Death of Inter-Korean Separated Families and Promotion of Exchange", the "North Korean Defectors Protection and Settlement Support Act", and the Inter-Korean Exchange and Cooperation Act have higher awareness rates at 16%, 14.7%, and 10.7%, respectively. In contrast, laws like the "Act on Compensation and Assistance to Victims of Abduction by North Korea after Conclusion of the Military Armistice Agreement," "Act on Finding the Truth of the Damage from North Korea's Abduction during the Korean War and Restoring Honor of the Victims," and the "Act on Support for Gaeseong Industrial Complex" have lower awareness rates ranging from 2.7% to 5.3%. The disparity in awareness is likely influenced by the frequency of encounters with North Korean defectors and separated families in society, and the duration of public discussion around these laws.

Participants also showed low levels of legal consciousness in the emotional dimension regarding the authority and fairness of the Unification law, and in the behavioral dimension regarding its enforcement. This highlights the need for improved dissemination of information about the Unification Act through accessible platforms like the Korean government's Database on a Unified Korea's Legal System. This database, managed jointly by the Ministry of Unification, Ministry of Justice, and Ministry of Government Legislation, categorizes legal data related to Inter-Korean affairs and unification, facilitating public understanding and interest in these areas.

Moreover, enhancing legal awareness through unification education is essential. The current curriculum, outlined by the National Institute for Unification Education's 2021 plan, includes subjects on peace, unification/peace economy, North Korea understanding/inter-Korean integration, and international relations. However, it lacks comprehensive education specifically on unification law. Efforts should include expanding education on topics such as Inter-Korean agreements, North Korea's legal status, and relevant international agreements and treaties through both in-person and online educational initiatives. These steps are critical for fostering greater public engagement and understanding of the legal frameworks underpinning Korean reunification efforts.

Legal Consciousness and Attitudes Toward Unification

The findings reveal that individuals with higher levels of legal consciousness in the emotional dimension exhibit more favorable attitudes towards Korean unification,

particularly in terms of supporting national strength and preserving national identity ($r = 0.23$, $r = 0.38$ respectively). This suggests that those who emotionally recognize the importance of Korean Unification laws are more inclined to endorse the economic and international benefits of unification, as well as to emphasize the maintenance and development of Korean national identity and culture.

Further implications suggest that enhancing emotional recognition of unification laws requires establishing a stable and consistent reunification policy grounded in a solid legal framework. Between 1971 and 2018, South and North Korea adopted 258 agreements and held 667 meetings (Inter-Korean Dialogue Statistics). However, many of these agreements and meetings have not been consistently implemented due to political and military factors. For instance, agreements such as the Basic Agreement between South and North, intended to establish various organizations and structures, were undermined by North Korea's nuclear threats and missile crises, diminishing their effectiveness (Kim, 2021).

In contrast, Germany's experience demonstrates that concrete legal and institutional frameworks for exchange and cooperation, independent of political fluctuations, significantly contributed to peace-building and tension reduction (Kwon, 2018). Therefore, mere rhetorical slogans must be translated into binding laws and institutions to uphold social values and ideals effectively.

To achieve this, ensuring the effective implementation of South-North agreements necessitates binding mechanisms, including ratification by the National Assembly, defining the scope of effectiveness under Article 23 of the Act on the Development of Inter-Korean Relations (pertaining to the validity of agreements between South and North), registration with the UN, and establishing dispute resolution procedures. Additionally, enhancing transparency, legitimacy, and consistency of policies towards North Korea through legal institutionalization is crucial (Kim, 2021).

Legal Consciousness on Preferences Toward North Korea Policies

Based on the categorization of North Korea policies into reconciliatory and hardline approaches, the findings indicate a positive correlation between higher levels of legal consciousness in the emotional dimension and greater support for reconciliatory policies ($r = 0.40$).

Moreover, the *2020 Survey of Korean Attitudes on Unification* conducted by the Institute for Peace and Unification Studies at Seoul National University reveals that a significant proportion of the South Korean population consistently views North Korea as a "partner" for cooperation. Specifically, in 2020, 48.2% of respondents considered North Korea a partner, while 21% viewed it as a border, 14.8% as an enemy, 11.9% as support, and 4% as competition. Comparing these figures to data from 2007 onwards shows fluctuations over time, with the highest percentage viewing North Korea as a partner in 2008 (57.6%) and the lowest in 2015 (35.2%). These findings underscore the

importance of actively implementing economic, social, cultural, and other inter-Korean cooperation projects to enhance public recognition and emotional engagement with the laws of unification, crucial for effective policy implementation.

It is essential to note that public support for specific North Korea policies fluctuates over time. For instance, between 2007 and 2012, dissatisfaction with North Korea policies generally outweighed satisfaction. From 2013 to 2015, however, satisfaction began to surpass dissatisfaction. Thereafter, fluctuations continued, with peaks in satisfaction reaching a record high of 65.6% in 2018, followed by declines in subsequent years (Lee, 2020).

These variations indicate that perceptions of North Korea and satisfaction with North Korea policies do not always align. Therefore, policies ranging from military approaches and pressure tactics to those emphasizing tolerance, reconciliation, and cooperation are not mutually exclusive but should be strategically balanced to foster a stable North Korea policy environment.

Conclusion

The distinction between law and morality lies primarily in the enforceability of law. Unlike moral principles, which are voluntary and subjective, laws are binding and mandatory for citizens. Consequently, if laws fail to reflect current societal realities, they risk losing relevance and becoming disconnected from the populace. Given that laws evolve alongside social changes and vary across different periods, accurate measurement of these shifts through legal consciousness is crucial. This measurement informs continuous improvements in legal frameworks, ensuring they remain aligned with societal needs and values (Kim, 2016).

The South Korean government's official approach to unification is outlined in the Basic Agreement for Inter-Korean reconciliation, cooperation, and exchange, structured across three stages: harmony and cooperation (Stage 1), Inter-Korean union (Stage 2), and the completion of a unified nation (Stage 3) (Kim, 2021). This plan formally adopts the "National Community Unification Plan" as its unification policy, institutionalizing it at the Inter-Korean union stage (Stage 2). This involves systematizing legal and institutional mechanisms and establishing various Inter-Korean union bodies such as the Joint Summit Meeting, Joint Advisory Council, Joint Executive Council, Joint Parliament, Joint Court, and Joint Audit Office.

Notably, as Inter-Korean integration deepens during Stage 2, the establishment of a Joint Court holds particular significance. This court is envisioned to uphold the primacy of agreements and decisions made jointly between South and North Korea, thereby laying the groundwork for a unified legal community.

In anticipation of the dynamic nature of Inter-Korean relations, it is essential to develop a range of legal institutions capable of operating effectively under fluctuating circumstances. Whether progressing through a gradual, step-by-step unification process akin to Germany's experience or navigating swiftly changing conditions, thorough review and preparation of diverse legal issues—whether quantitative agreements or explicit normalization and unification agreements—are imperative.

References

- Case No. 1992-Hun-Na-48, *Constitutional Court of Korea*. (1992).
- Case No. 1995-Do-1148, *Supreme Court of Korea*. (1995).
- Cho, J. (2018). A Study on Legal Character and Conclusion Process of Inter-Korean Unification Agreement. *Korea International Law Review*, 49, 123–141.
- Choi, E. (2022). Roles and Tasks of Laws for Social Integration Between South and North Korea: Focusing on the Establishment of 'The Rule of Law'. *Journal of Peace and Unification Studies*, 14(1), 155–193. <https://doi.org/10.35369/jpus.14.1.202206.155>
- Choi, H., Park, J., Kwon, Y., & Lee, H. Development and Validation of Attitude toward Unification of Korea (ATU-K). *Korean Psychological Journal of Culture and Social Issues*, 27(3), 259–284. <https://doi.org/10.20406/kjcs.2021.8.27.3.259>
- Choi, Y., Kim, D., Chae, G. (2017). *A Study on the Legal Consciousness of North Korean Refugees*. Korean Institute of Criminology. (In Korean)
- Hwang, J. (2017). After 20 Years: North Korea Policy Since the Conservative-Progressive Debate. *Unification Policy Studies (UPS)*, 26(1), 29–49. <https://doi.org/10.33728/ups.2017.26.1.002>
- Hwang, S. (2011). Dialogue Between International Politics and Policy toward North Korea: Focusing on National Interests. *Legislation and Policy Studies*, 9(1), 107–130. <https://doi.org/10.22809/nars.2017.9.1.005>
- Im, H. (2015). Korean Law-abiding Policy from The View of Legal Culturalism. *The Journal of Next-Generation Humanities and Social Sciences*, 11, 21-40. <https://doi.org/10.22538/jnghss.2015.11.21>
- Jhe, S. (2004). The Question of According Domestic Legal Effect to Inter-Korean Agreements. *Korean Lawyers Association Journal (KLAJ)*, 53(4), 44–88.
- Ji, B. (2005). Legal Understanding of the Development of Inter-Korean Relations. National Institute for Unification Education. (In Korean)
- Jung, Y. (2014). The Role of Court and Lawyers in the Change of Legal Culture- The Revitalization of Court-Annexed Civil Mediation. *Kangwon Law Review (KWLR)*, 42, 443–475. <https://doi.org/10.18215/kwlr.2014.42.443>
- Kang, H. & Cha, H. (2019). *2019 National Legal Awareness Survey*. Korea Legislation Research Institute. (In Korean)
- Kim, B. (2020, October 4). *North Korea Recognition, Era of Disconnection, Change of Unification Consciousness* [Conference presentation]. 79th Institute for Peace and Unification Studies (IPUS) Conference, Seoul, Republic of Korea.
- Kim, D. (2021). The Legal Characteristics and the Means for Effective Implementation of Inter-Korean Agreements. *Unification & Law*, 45, 76-105. <https://doi.org/10.36514/unilaw.2021.45.76>
- Kim, D. & Lim, J., (2021). *South Korean Younger Generations' Prejudice Towards North Korean Residents and Its Implications for Inter-Korean Social Integration*. 40th Korean Unification Research Paper Contest Award Proceedings (pp.5-16). National Institute for Unification Education. (In Korean)
- Kim, J. (2006). *Korean Legal Culture: Understanding, Structure and Change*, Nanam Publishing House. (In Korean)
- Kim, M. (2016). *A Research on the Legal Consciousness of Korean Legal Experts in 2016*. Korea Legislation Research Institute.
- Kwak, H. (2011). A Study on the Tendency in Legal Consciousness Studies. *Journal of Law-Related Education*, 6(2), 1–22. <https://doi.org/10.29175/klrea.6.2.201112.1>
- Kwon, H. (2018). *Social and Cultural Cooperation and Legal and Policy Development for Inter-Korean Social Integration*. Korea Legislation Research Institute. (In Korean)

- Lee, J. (2020, October 4). *North Korea Recognition, Era of Disconnection, Change of Unification Consciousness* [Conference presentation]. 79th IPUS Conference, Seoul, Republic of Korea.
- Lee, S. & Jeong, H. (2019). Korean People's "New Security Perception": Change and Continuity. *21st Century Political Science Review*, 29(2), 73–98. <http://doi.org/10.17937/topsr.29.2.201906.73>
- Ministry of Unification. (2021). *2021 Unification White Paper* [White paper]. https://www.unikorea.go.kr/books/whitepaper/whitepaper/white_2021/index.html
- Ministry of Unification. (2022). *2022 Unification White Paper* [White paper]. https://www.unikorea.go.kr/books/whitepaper/whitepaper/white_2022/index.html
- Ministry of Unification. (n.d.). *Inter-Korean Dialogue Statistics*. Retrieved June 28, 2024 from <https://dialogue.unikorea.go.kr/ukd/b/be/usrCmsStat/List.do?tab=1&gn=1>
- Ministry of Unification. (n.d.). *Korean Law Information Center*. Retrieved June 28, 2024 from <https://www.law.go.kr/LSW/lsAstSc.do?cptOfiCd=1250000#cptOfi1250000>
- NationalInstituteforUnificationEducation.(2021, March2).*2021UnificationEducationPlan*.<https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/pds/pdsatcl/view.do?id=20503&mid=SM00000532>
- Park, J., Lee, M., Choi, H., Kwon, Y., Sloman, S., & Halperin, E. (2019). *2019 Annual Reports of Attitude of Koreans toward Peace and Reconciliation*. Korea Institute for National Unification.
- Park, S. (2009). A study on self-defense in Anglo-American criminal law. *SungKyunkwan Law Review*, 21(1), 169-188. <https://doi.org/10.17008/skklr.2009.21.1.008>
- Yoo, E. (2024). Comparative Study of Changes in Legal Consciousness of Koreans Before and After COVID-19: Focusing on the Normativity of Law and the Perception of Fundamental Rights, *Soongsil Law Review*, 59, 163-195. <https://doi.org/10.35867/ssulri.2024.59..006>

Received: April 16, 2024

Revision received: June 21, 2024

Accepted: June 21, 2024

Author Contributions

Dongkyu Kim – conceptualization, methodology, literature review, project administration, first draft.

Jungbin Lim – methodology, survey oversight, statistical analysis, data visualization, review & editing.

Author Details

Dongkyu Kim – Graduate Student, Yonsei Graduate School of Public Administration, Seoul, Republic of Korea, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5599-4290>

Jungbin Lim – Graduate Student, Department of Psychology, Sungkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-8422-2817>

Conflict of Interest Information

The authors have no conflicts of interest to declare.

Научная статья

УДК 159.944

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.2>

Симптомы эмоционального выгорания матерей младших школьников: роль установок на интенсивное родительство и стилей родительского отношения

Татьяна М. Апанович*, Анна Б. Серых

Балтийский Федеральный Университет им. Иммануила Канта, Калининград,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: apanovich.tm@mail.ru

Аннотация

Введение. Симптомы эмоционального выгорания (ЭВ) матерей младших школьников связаны с определённым стилем родительского отношения и установками на интенсивное родительство. Матерям, обращающимся за психологической помощью по вопросам обучения и воспитания младших школьников, свойственно ЭВ, обусловленное конфликтующими родительскими установками, находящими воплощение в стилях родительского отношения. **Методы.** Целью экспериментального исследования является определение у матерей младших школьников выраженности установок на интенсивное родительство как предиктора развития ЭВ и стилей родительского отношения во взаимосвязи с ЭВ. Выборка была сформирована из числа женщин, поступивших с запросом на психологическую помощь в многопрофильную клинику «Новомед-дети» г. Калининграда и составила 158 человек. Использовались: опросник установок на интенсивное родительство (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire); опросник «Родительское отношение» Варга-Столина; методика Л. И. Базалевой «Эмоциональное выгорание матерей»; дополнительно для диагностики эмоциональной сферы был применён «Цветовой тест» Люшера. Применялись методы математико-статистического анализа: факторный с варимакс-вращением, U-критерий Манна-Уитни. **Результаты.** Выявлено, что в большей степени подвержены ЭВ матери младших школьников с выраженными установками на эссенциализм, интенсивную стимуляцию и трудность, имеющие низкую удовлетворённость от родительства. Описаны стили родительского отношения с характерными для них симптомами ЭВ матерей: «отвержение», «инфантилизация» – высокий уровень ЭВ; «авторитарная гиперсоциализация»,

«симбиоз» – средний уровень ЭВ; «принятие» и «социальная кооперация» – низкий уровень ЭВ. **Обсуждение результатов.** Полученные данные служат основой для разработки интегративной модели формирования устойчивости к ЭВ матерей и могут быть использованы в работе по преодолению родительского стресса и родительской неудовлетворённости.

Ключевые слова

эмоциональное выгорание матерей, интенсивное родительство, стили родительского отношения, родительские установки, младшие школьники

Для цитирования

Апанович, Т. М., Серых, А. Б. (2024). Симптомы эмоционального выгорания матерей младших школьников: роль установок на интенсивное родительство и стилей родительского отношения. *Российский психологический журнал*, 21(2), 22–34. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.2>

Введение

Развитие современного общества предполагает применение инновационных стратегий раскрытия потенциала личности и её гармонизации, интенсификацию системы образования. В современных условиях актуальной выступает проблема участия семьи в социально-психологической адаптации ребёнка к школьному обучению (Баева, Лактионова, 2017).

Учение – ведущая деятельность младшего школьного возраста. Если ребенок не чувствует себя компетентным в учебной деятельности, его личностное развитие искажается (Выготский, 2019). Для формирования у детей адекватной самооценки и чувства компетентности в первые годы школьного обучения необходимо создание учителем и родителями атмосферы психологического комфорта и поддержки (Гошин, Григорьев, Мерцалова, 2019). Многие матери, обратившиеся за психологической помощью с ребёнком младшего школьного возраста, в конфиденциальной беседе с психологом признаются, что очень любят своего ребёнка, видят в нём смысл своей жизни и желают для него только добра; но при этом часто срываются на крик, могут ударить ребёнка, испытывают злость, постоянное раздражение, тревогу, вину или опустошённость в связи с теми или иными аспектами взаимодействия с ребёнком, обострившимися на фоне адаптации к требованиям школьной жизни. Возможно, матери с высокими требованиями к себе и к ребёнку – с установками на интенсивное родительство – зачастую испытывают хронический стресс, сопровождающийся эмоциональным выгоранием (далее – ЭВ). Хронический стресс матери не может благоприятно сказываться на адаптации ребёнка. Неразрешенные психологические

трудности, неудовлетворенность различными аспектами взаимодействия, высокая тревожность, испытываемые матерью, могут отрицательно сказаться на ее отношении к ребенку и выступить преградой для оказания ему адекватной эмоциональной поддержки, столь необходимой в первые годы школьного обучения (Камакина, 2021; Карабанова, 2017; Молостова, 2016; Филиппова, 2002).

Опираясь на исследования Ю. В. Мисюк, Н. Ю. Молостовой, К. Н. Поливановой (2015), Р. В. Овчаровой, М. С. Астоянц, Д. Е. Бойко, под «установками на интенсивное родительство» у женщин мы понимаем подход к воспитанию, делающий упор на детоцентричность, активную включённость матерей во все сферы жизни и развития детей. Помимо позитивных аспектов данного феномена, мы склонны уделять внимание тенденции к формированию родительского перфекционизма, способствующего более высокому уровню родительского стресса.

Концептуализации понятий родительского стресса и способов совладания с ним посвящён наш теоретический обзор (Апанович, 2023), в котором мы полагаем родительский стресс как причиной, так и следствием нарушения детско-родительских отношений, кумулятивное воздействие которого способно привести к возникновению эмоционального выгорания у родителя.

Теоретическим обоснованием понятия «эмоциональное выгорание» для нас послужила модель, предложенная Л. А. Базалева. Данная модель наиболее полно раскрывает многомерность конструкта ЭВ, основными составляющими которого являются: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений и социальная изоляция (Базалева, 2010).

Факторы, связанные с родителями и семьёй, влияют на эффективность психологической коррекции детей и подростков (Серых, Лифинцева, 2014). Высокий уровень родительского стресса может являться препятствием эффективной работе психолога при запросе на психологическую поддержку и коррекцию ребёнка. В числе «родительских» факторов, способствующих успеху психологической работы с детьми, называют: родительскую самоэффективность, относящуюся к представлениям отца и матери касательно своей родительской компетентности; вовлечённость родителей в психокоррекционный процесс и сотрудничество с детским психологом; приверженность родителей к психотерапии и др. Наличие же у родителей психопатологий, высокий уровень родительского стресса, повышенная враждебность и критичность в отношении к ребенку – факторы, которые оказывают негативное влияние на процесс психологической работы с детьми и подростками.

Цель исследования

Цель нашего исследования: Выявление матерей с симптомами ЭВ среди родителей, обратившихся за психологической поддержкой и коррекцией детей младшего школьного возраста. Также наша цель – установление взаимосвязи между уровнем ЭВ, степенью выраженности установок интенсивного материнства и стилем родительского отношения.

Нами было выдвинуто предположение о влиянии на ЭВ матерей младших школьников не только стилей родительского отношения, но и установок на интенсивное родительство, связанных с идеями эссенциализма, детоцентризма и стимулирования. Мы предположили, что у матерей, устойчивых к выгоранию, имеется личностный ресурс, позволяющий выбирать эффективные стратегии совладания с родительским стрессом и не квалифицировать ситуации взаимодействия с ребёнком как фрустрирующие.

Методы

Исследование проводилось на базе многопрофильной клиники «Новомед-дети» г. Калининград в 2022–2023 гг.

Выборка

В исследовании приняли участие 158 матерей детей младшего школьного возраста, обратившихся за помощью к детскому психологу. Все дети – с нормальным онтогенезом.

Данная выборка была сформирована от общего количества обращений, составившего 420 запросов матерей, также воспитывающих детей дошкольного и подросткового возраста, в том числе с нарушенным онтогенезом, врождёнными неврологическими и соматическими заболеваниями.

Социально-демографические характеристики выборки

Выборку составили 158 женщин в возрасте от 29 до 57 лет ($M = 38$ лет), 83 матери с единственным ребёнком (52%), 64 матери – с 2 детьми (41%), 11 матерей имели 3 и более детей (7%).

93 из 158 матерей воспитывают ребёнка в полной семье (59%), 65 (41%) воспитывают ребёнка в одиночку (по причине развода, вне брака, длительных (3–6 мес.) постоянных командировок партнёра).

Также 14 женщин (9%) воспитывают ребёнка, зачатого методом ЭКО, а 19 смогли стать матерями только после 2 и более неудачных беременностей (12%).

5 женщин являются приёмными матерями для своего ребёнка (3%). Являются работающими 118 матерей (75%).

Социально-демографические характеристики детей

87 мальчиков (55%) и 71 девочка (45%) в возрасте от 6 до 9 лет ($m = 7$ лет), учащиеся 1–3 классов 16 муниципальных и частных образовательных учреждений г. Калининграда, в том числе 8 школ, 5 гимназий, 3 лицеев. 131 ребёнок (83%) посещает дополнительные кружки и секции интеллектуальной, спортивной и/или творческой направленности.

Методики

В соответствии с изложенными теоретическими обоснованиями выдвинутой гипотезы, методами исследования стали: опрос, беседа; мы использовали:

1. **«Опросник установок на интенсивное родительство»** (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire, M. Liss, H. H. Schiffrin, V. H. Mackintosh, H. Miles-McLean M. J. Erchull, 2013; в адаптации Ю. В. Мисиюк, А. И. Прихидько, П.С. Погачевой, 2020–2022);
2. **«Опросник родительского отношения»** (Варга, Столин, 1988);
3. Методика **«Эмоциональное выгорание матерей»** (Базалева, 2010);
4. **Восьмицветовой тест Люшера** (Люшер, 1970), позволяющий избежать социально желательных ответов при оценке испытуемыми своего актуального эмоционального состояния.

Для обработки результатов применялись методы математико-статистического анализа: факторный с варимакс-вращением, U-критерий Манна-Уитни («Statistica 7.0»).

Результаты

Выявлено, что сформировавшиеся симптомы ЭВ (выше 30% от максимального балла по 12 шкалам) диагностируются у 96 (61%) из 158 матерей. Симптомами, общими для всех 96 матерей, являются: «Тревога» (71%), «Избирательное эмоциональное реагирование» (55%), «Экономия эмоций» (39%), «Деперсонализация» (34%).

Общий уровень выраженности установок на интенсивное родительство у матерей с симптомами ЭВ составляет $X_{ср} \pm \sigma = 58,14 \pm 5,54$, а у матерей без ЭВ – $X_{ср} \pm \sigma = 74,22 \pm 3,12$.

Показатель *детоцентризм*, т.е. определение ребёнка центром семейной системы, характеризующийся подстраиванием личных нужд матерей под нужды и потребности ребёнка, является основополагающим компонентом модели интенсивного родительства, тесно взаимосвязанным с остальными, такими как стимуляция, эссенциализм, трудность и удовлетворённость родительство. Данный показатель не имеет значимых различий между группами матерей с ЭВ ($X_{ср} \pm \sigma = 66,31 \pm 4,72$) и без ЭВ ($X_{ср} \pm \sigma = 61,27 \pm 3,48$).

Эссенциализм – установка, отражающая убеждённость в том, что женщины лучше всего выполняют родительские функции. Эссенциализм в наибольшей степени характерен для матерей, в одиночку занимающихся воспитанием младших школьников. Эссенциализм имеет значимые отличия по выраженности в группах матерей с ЭВ ($X_{ср} \pm \sigma = 76,81 \pm 7,64$) и без ЭВ ($X_{ср} \pm \sigma = 28,33 \pm 5,42$).

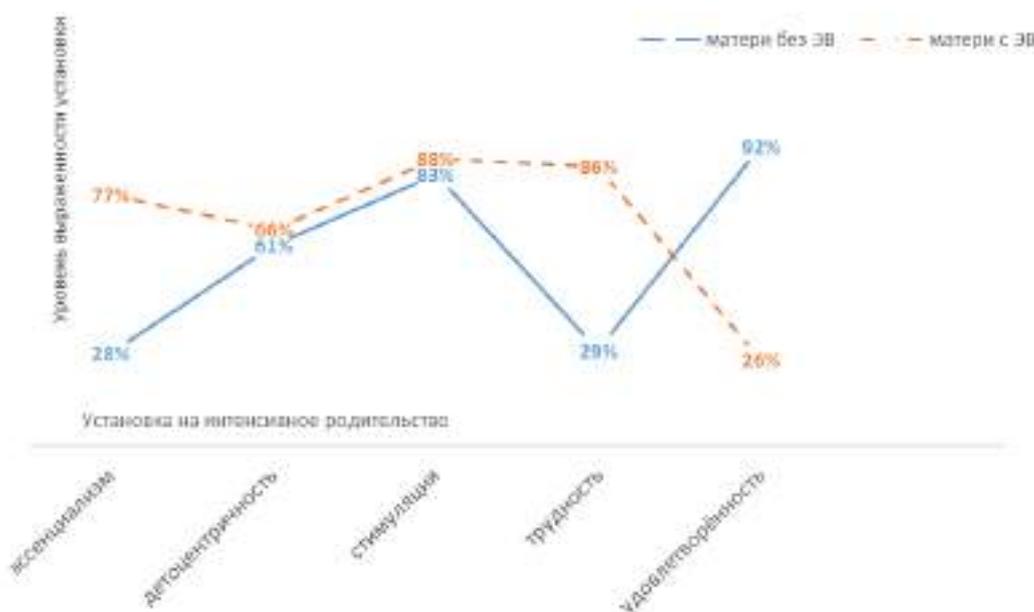
Одинаково высокими в обеих группах матерей являются результаты по шкале «Стимуляция»: $X_{ср} \pm \sigma = 83,11 \pm 6,72$ у матерей с ЭВ $X_{ср} \pm \sigma = 88,47 \pm 2,36$ – без ЭВ.

Это отражает общую тенденцию российских матерей, стремящихся всячески способствовать раннему развитию ребёнка. С началом школьного обучения стимуляция развития приобретает соревновательный характер, будучи подкреплена системой школьных требований и оценок успеваемости.

Матери с ЭВ считают выполнение родительских обязанностей очень *трудным* делом ($X_{\text{ср}} \pm \sigma = 85,54 \pm 1,35$), при этом низко оценивая *удовольствие* от родительства ($X_{\text{ср}} \pm \sigma = 26,14 \pm 5,52$). И напротив, матери без ЭВ убеждены, что забота о ребёнке и его нуждах приносит им большое *удовольствие* ($X_{\text{ср}} \pm \sigma = 91,64 \pm 0,58$) и не видят большой *трудности* в выполнении материнских обязательств ($X_{\text{ср}} \pm \sigma = 29,17 \pm 2,41$).

Рисунок 1

Различия в степени выраженности установок на интенсивное родительство у матерей с ЭВ и у матерей без ЭВ

Для определения значимости различий средних значений выраженности установок на интенсивное родительство (детоцентричность, эссенциализм, стимуляция, трудность, удовлетворённость) в двух выборках (матери с ЭВ и без ЭВ) был применён критерий Манна–Уитни, подтверждающий статистически значимые различия проявления признака в данных выборках ($U_{\text{эмп0}}$, $U_{\text{кр1}}$, при $p \leq 0,01$). Таким образом, установки на эссенциализм, высокую трудность родительства и низкую удовлетворённость от него, по всей вероятности, связаны с эмоциональным благополучием матерей младших школьников.

По результатам диагностики с помощью Восьмицветового теста Люшера группу матерей с ЭВ объединяют следующие характеристики психофизиологического состояния, варьирующие в зависимости от напряжённости симптомов ЭВ: стресс;

тревожность; функциональные нарушения психосоматического круга; негативно-протестные реакции; склонность к неожиданным деструктивным реакциям в состоянии аффекта; неудовлетворённость базовых потребностей; эмоциональная неустойчивость; подавленная потребность в самореализации; недостаток признания со стороны значимых окружающих; ригидность установок.

В отличие от матерей с ЭВ, среди матерей без ЭВ чаще регистрируются состояния, которым присущи: оптимистичность; лёгкое вживание в различные социальные роли; артистизм; дружелюбие; конформность установок; потребность в прочной и глубокой привязанности; деликатность в сфере межличностного общения; откликаемость на средовые воздействия; вдумчивый подход к решению проблем. Данное различие, вероятно, соотносится с более высоким уровнем развития у матерей без ЭВ социальной креативности, компонента социально-психологической компетентности как свойства личности, способствующего совладанию с родительским стрессом (Ильиных, 2011; Лунёва, 2012; Мешкова, Ениколопов, Жаринова, Муковнина, 2022).

По результатам Опросника Варга-Столина матери, в родительском отношении проявляющие *принятие и социальную кооперацию*, составили 39% рассматриваемой выборки (62 матери). Они склонны принимать ребёнка таким, какой он есть, уважать индивидуальность ребёнка и проявлять симпатию к нему. Способности ребёнка высоко оцениваются, поощряется его инициатива и самостоятельность. Безусловное *принятие и кооперация* позволяют родителю проводить много времени с ребёнком, одобрять его интересы и планы без ущерба для собственного эмоционального благополучия. Данная группа матерей в наименьшей степени подвержена выгоранию: общий уровень ЭВ этих матерей составляет в среднем 7% от максимально возможного.

Матери с ЭВ демонстрируют следующие типы родительского отношения:

1. *Отвержение* – ребёнок воспринимается плохим, неприспособленным, неудачливым. Родителю кажется, что ребёнок не добьётся успеха в жизни из-за трудного характера, дурных наклонностей, низких способностей, в том числе физических, интеллектуальных, творческих. Ребёнка часто критикуют, считают неблагодарным, просят психолога изменить его. *Отвержение* характерно для 12% рассматриваемой выборки (19 матерей). Общий уровень ЭВ является высоким, в среднем 82% от максимально возможного. Факторный анализ с варимакс-вращением позволил из 12 симптомов, заданных шкалами опросника ЭВ, выявить у матерей с данным стилем родительского отношения четыре главных компонента: «Эмоционально-нравственная дезориентация» (факторные нагрузки до 0,91), «Избирательное эмоциональное реагирование» (факторные нагрузки до 0,84), «Редукция материнского взаимодействия» (факторные нагрузки до 0,76), «Деперсонализация» (факторные нагрузки до 0,72).

2. *Авторитарная гиперсоциализация* – родитель с данным стилем отношения требует от ребёнка безоговорочного послушания и дисциплины. Он старается навязать ребёнку свою волю во всём, не в состоянии встать на его точку зрения. За проявление своеволия ребёнка сурово наказывают. Родитель пристально следит за социальными достижениями ребёнка, его индивидуальными особенностями, привычками. *Авторитаризм* по отношению к ребёнку проявляют 18% выборки (28 матерей). Общий уровень ЭВ – невысокий, в среднем 58% от максимально возможного. Ведущие симптомы ЭВ у матерей данной группы по результатам метода главных компонент: «Избирательное эмоциональное реагирование» (факторные нагрузки до 0,78), «Эмоциональный дефицит» (факторные нагрузки до 0,71), «Эмоциональная отстранённость» (факторные нагрузки до 0,66).

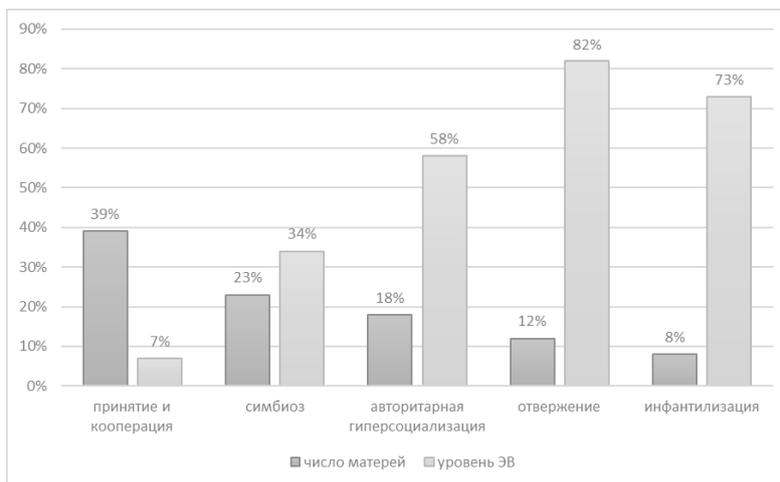
3. *Симбиоз* – родитель ощущает себя с ребёнком единым целым, в этом слиянии присоединяется к тревогам и страхам ребёнка, который кажется ему слабым и незащищённым, что, бывает, не соответствует действительной картине. Все потребности ребёнка удовлетворяются, ребёнок всячески ограждается от трудностей и неприятностей жизни, что существенно затрудняет необходимый процесс его автономии. Симбиоз демонстрируют 23% выборки (36 матерей). Общий уровень ЭВ является невысоким – 34% от максимально возможного. Основными симптомами ЭВ у симбиотических матерей по результатам метода главных компонент являются: «Тревога» (факторные нагрузки до 0,93), «Неудовлетворённость собой» (факторные нагрузки до 0,85) и «Психосоматические нарушения» (факторные нагрузки до 0,64).

4. *Инфантилизация* – в родительском отношении данного стиля имеются стремления инфантилизировать ребёнка, приписать ему личную и социальную несостоятельность. Интересы, увлечения и мысли ребёнка кажутся родителю несерьёзными, слишком детскими для его возраста. Ребёнок представляется неумелым, неуспешным, открытым дурному влиянию. Родитель досаждает на неудачи ребёнка, не доверяет ему. Инфантилизация ребёнка присуща 8% выборки (13 матерей). Общий уровень ЭВ – высокий, в среднем 73% от максимально возможного. Ярко выраженные симптомы ЭВ у матерей, инфантилизирующих своего ребёнка, по результатам метода главных компонент, это: «Экономия эмоций» (факторные нагрузки до 0,87) «Эмоционально-нравственная дезориентация» (факторные нагрузки до 0,82), «Эмоциональная отстранённость» (факторные нагрузки до 0,71), «Тревога» (факторные нагрузки до 0,63).

Стили родительского отношения и уровни ЭВ представлены на рисунке 2.

Рисунок 2

Стиль родительского отношения и уровень ЭВ матерей

Обсуждение результатов

Проведённое исследование подтверждает нашу гипотезу о том, что матери младших школьников, вовлеченные в идею интенсивного родительства, испытывают ЭВ. Сознательные установки интенсивного родительства зачастую вступают в противоречие с не критически усвоенными в детстве устойчивыми паттернами родительского поведения. Переживание матерями эмоционального выгорания вызывает необходимость оказания социально-психологической поддержки.

Выявлено, что такие стили родительского отношения, как принятие и социальная кооперация, в наибольшей степени характеризуются эмоциональным благополучием для матери.

Более подвержены ЭВ матери, проявляющие в отношении ребёнка «отвержение» и «инфантилизацию», в умеренной степени – «авторитарную гиперсоциализацию» и «симбиоз». При этом, уровень их ЭВ тем выше, чем более выражены установки на эссенциализм, трудность и низкую отдачу в родительской деятельности.

Полученные нами данные согласуются с результатами исследований современных отечественных и зарубежных авторов, отмечающих, что материнское выгорание становится всё более распространённым явлением в условиях возросших требований общества к качеству родительского труда (Акинкина, 2020; Мисюк, 2022; Mikolajczak, Aunola, Sorkkila & Roskam, 2023). Эмоциональное выгорание матерей отличается от послеродовой депрессии (Yakupova, Suarez, 2023) и может оказывать на развитие ребенка отдалённое влияние, изучение которого представляется перспективным для дальнейших психолого-педагогических исследований.

Поиск факторов, детерминирующих возникновение у матерей эмоционального истощения, в различных источниках имеет широкий диапазон вариативности.

Помимо внешних, т.е. социально-демографических, экономических, политических (Van Bakel, Van Engen & Peters, 2018; Nieves, Clements-Hickman & Davies, 2021; Favez, Max, Bader & Tissot, 2022) и связанных с нарушенным онтогенезом ребёнка факторов, также рассматриваются внутриличностные особенности матери: её социально-психологический тип, степень принятия материнской идентичности, предпочитаемые копинг-стратегии совладания со стрессом (Gallegos, Jacobvitz, Sasaki & Hazen, 2019; Lebert-Charron, Dorard, Boujut & Wendland, 2018; Raudasoja, Sorkkila & Aunola, 2023). Нами дополнительно был рассмотрен стиль родительского отношения как система паттернов взаимодействия между матерью и ребёнком, отражающая разнообразные чувства родителя к ребёнку, представления о его социально-психологической компетентности, поведенческие стереотипы, практикуемые в общении с ребёнком, которые чаще всего усваиваются матерями через преемственность межпоколенческой передачи (Bowen, 1978; Овчарова, 2006; Симоненко, 2014; Смирнова, Ханэлия, 2019; Столин, Соколова, Варга, 1989).

По результатам диагностики с помощью теста Люшера, наиболее распространёнными свойствами личности, способствующими эмоционально комфортному и продуктивному взаимодействию матерей с младшими школьниками, являются: оптимизм, артистичность, дружелюбие, вдумчивый подход к решению проблем, откликаемость на средовые воздействия. Вероятно, объединив эти свойства в единую структуру, мы можем сделать предположение о более развитой социальной креативности устойчивых к ЭВ матерей.

Преодоление эмоционального выгорания связано:

- 1) с получением матерью социально-психологической поддержки и достижением эмоционального равновесия;
- 2) с анализом соотношения и коррекцией родительских установок и стиля взаимоотношений с ребёнком;
- 3) с развитием социальной креативности матери как личностного ресурса совладания с родительским стрессом.

Полученные нами выводы позволяют выделять такие мишени психокоррекционной работы, как:

- развенчание непродуктивных установок (культы «идеальной матери», успеха и перфекционизма);
- проработка (поиск, осмысление и отреагирование) дисфункциональных паттернов семейной системы;
- расширение репертуара навыков межличностного взаимодействия в диаде мать-ребёнок за счёт развития социальной креативности.

Полученные нами результаты являются основой для разработки интегративной модели психотерапии эмоционально «выгорающих» матерей младших школьников, обратившихся с запросом на психологическую помощь и поддержку.

Представляет интерес дальнейшая разработка проблемы, например, в виде совершенствования диагностического инструментария, так как опросники, в отличие от проективных тестов, имеют ряд известных недостатков (например, фактор социальной желательности (особенно выраженный у матерей, стремящихся быть совершенными), а также преобладание в ответах об эмоциях когнитивного осмысления опыта в ущерб аффективной составляющей).

Заключение

Симптомы эмоционального выгорания проявляются более, чем у половины матерей (61%), обратившихся за психологической помощью с проблемами в обучении и воспитании младших школьников с нормальным онтогенезом. Группы матерей с эмоциональным выгоранием и без эмоционального выгорания значительно отличаются по выраженности установок на интенсивное родительство ($U_{эмп0}$, $U_{кр1}$, при $p \leq 0,01$). Из 12 симптомов ЭВ наибольшую факторную нагрузку в результате вращения получили: «Тревога», «Эмоциональная отстранённость», «Избирательное эмоциональное реагирование». Удаётся справиться с родительским стрессом и избежать эмоционального выгорания матерям младших школьников, обладающим оптимизмом, дружелюбием, откликаемостью к средовым воздействиям, принимающим своего ребёнка таким, какой он есть, и стремящимся вступить с ним в отношения социальной кооперации.

Литература

- Акинкина, Я. М. (2020). Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе. *Современная зарубежная психология*, 9(2), 117–122. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090210>
- Апанович, Т. М. (2023). Социальная креативность как фактор преодоления родительского стресса. *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*, 4(66), 194–201. <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2023-4-66-194-201>
- Астоянц, М. С., Бойко Д. Е. (2022). Специфика интенсивного материнства в монородительской семье. *Caucasian Science Bridge*, 4(18), 50–58. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.5>
- Баева, И. А., Лактионова, Е. Б. (2017). Образовательная среда как интегративное условие для развития личности. *Интегративный подход к познанию психологии человека: коллективная монография*. РГПУ им. А. И. Герцена.
- Базалева, Л. А. (2010). Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности. *Вестник Адыгейского государственного университета*, 3(1), 174–182.
- Выготский, Л. С. (2019). *Вопросы детской психологии*. Юрайт.
- Гошин, М. Е., Григорьев, Д. С., Мерцалова, Т. А. (2019). Типы родительской вовлечённости в образование и успеваемость школьников. *Вопросы психологии*, (2), 29–45.
- Ильиных, А. Е. (2011). Социальная креативность личности: психологическая структура. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 11(3), 74–77. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2011-11-3-74-77>

- Карабанова, О. А. (2017). Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект. *Современная зарубежная психология*, 6(2), 15–26. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060202>
- Камакина, О. Ю. (2021). Особенности социально-психологической адаптации младших школьников на ступени основного общего образования. *Общество: социология, психология, педагогика*, (8), 192–196. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.28>
- Лунёва, О. В. (2012). Основные модели социального интеллекта. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*, 18(1), 44–47.
- Мешкова, Н. В., Ениколопов, С. Н., Жаринова, Ю. И., & Муковнина, Д. Д. (2022). Овзаимосвязи видов социальной креативности с моральной идентичностью и толерантностью. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (4), 159–178. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.07>
- Мисиук, Ю. В. (2022). Изучение родительского стресса и способов совладания с ним у женщин в контексте интенсивного материнства. *Общество: социология, психология, педагогика*, (6), 110–115. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.6.15>
- Молостова, Н. Ю. (2016). Влияние стиля детско-родительских отношений на социальную уверенность младших школьников. *Коллекция гуманитарных исследований: психологические науки*, (1), 51–55.
- Поливанова, К. Н. (2015). Современное родительство как предмет исследования. *Психологическая наука и образование*, 7(2), 1–11. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>
- Овчарова, Р. В. (2006). *Родительство как психологический феномен*. Московский психолого-социальный институт.
- Серых, А. Б., Лифинцева, А. А. (2014). Влияние факторов, связанных с особенностями родителей, на эффективность психотерапии детей и подростков. *Национальный психологический журнал*, (2), 90–96.
- Симоненко, И. А. (2014). Идентификационные процессы в развитии ребенка как механизмы передачи травматического опыта в семье. *Гуманитарные социально-экономические и общественные науки*, (9), 998–1004.
- Смирнова, Т. П., Ханэлия, Н. В. (2019). Роль трансгенерационного фактора в психологическом благополучии и тревожности личности. *Общество: социология, психология, педагогика*, (1), 47–53. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.1.8>
- Столин, В. В., Соколова, Е. Т., Варга, А. Я. (1989). Психология развития ребенка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультативной практики. А. А. Бодалев, В. В. Столин (ред.). *Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования*. Москва.
- Филиппова, Г. Г. (2002). *Психология материнства*. Институт психотерапии.
- Bowen, M. (1978). *Family Therapy in Clinical Practice*. Jason Aronson.
- Favez, N., Max, A., Bader, M., & Tissot H. (2022). When not teaming up puts parents at risk: Coparenting and parental burnout in dual-parent heterosexual families in Switzerland. *Family Process*, (4). <https://doi.org/10.1111/famp.12777>
- Gallegos, M. I., Jacobvitz, D. B., Sasaki, T., & Hazen, N. L. (2019). Parents' perceptions of their spouses' parenting and infant temperament as predictors of parenting and coparenting. *Journal of Family Psychology*, 33(5), 542–553. <https://doi.org/10.1037/fam0000530>
- Lebert-Charron, A., Dorard, G., Boujut, E., & Wendland, J. (2018). Maternal burnout syndrome: Contextual and psychological associated factors. *Frontiers in Psychology*, 9(885). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00885>
- Mikolajczak, M., Aunola, K., Sorkkila, M., & Roskam, I. (2023). 15 years of parental burnout research: Systematic review and Agenda. *Current Directions in Psychological Science*, 32(4), 276–283.

- Nieves, H., Clements-Hickman, A., & Davies, C. (2021). Effect of a parent empowerment program on parental stress, satisfaction, and length of stay in the neonatal intensive care unit. *The Journal of Perinatal and Neonatal Nursing*, 35, 92-99. <https://doi.org/10.1097/JPN.0000000000000540>
- Raudasoja, M., Sorkkila, M., & Aunola, K. (2023). Self-Esteem, Socially Prescribed Perfectionism, and Parental Burnout. *Journal of Child and Family Studies*, 32, 1113–1120. <https://doi.org/10.1007/s10826-022-02324-y>
- Van Bakel, H. J. A., Van Engen, M. L., & Peters, P. (2018). Validity of the Parental Burnout Inventory among Dutch employees. *Frontiers in Psychology*, (9). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00697>
- Yakupova, V. A., & Suarez, A. (2023). Parental burnout, depression and emotional development of the preschoolers. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1207569>

Поступила в редакцию: 18.09.2023

Поступила после рецензирования: 29.01.2024

Принята к публикации: 24.05.2024

Заявленный вклад авторов

Татьяна Михайловна Апанович – формулирование идеи и цели статьи, подбор диагностического инструментария, сбор и обработка результатов, написание текста статьи.

Анна Борисовна Серых – теоретическое обоснование целей исследования, разработка методологии исследования, участие в интерпретации результатов, подготовка окончательного варианта статьи.

Информация об авторах

Татьяна Михайловна Апанович – соискатель, Институт образования и гуманитарных наук, Балтийский Федеральный Университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8344-6125>; РИНЦ Author ID: 1250308; SPIN-код РИНЦ: 3088-0219; e-mail: apanovich.tm@mail.ru

Анна Борисовна Серых – доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор Института образования и гуманитарных наук Балтийского Федерального Университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5217-7663>; Web of Science Researcher ID: A-6212-2016; Scopus Author ID: 56528199500; РИНЦ Author ID: 434329; SPIN-код РИНЦ: 8635-8372; e-mail: ASerykh@kantiana.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научный обзор

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.3>

Оценка влияния использования мобильных устройств на образовательные результаты школьников: мета-анализ второго порядка

Юлия Л. Проект*, Елена Б. Спасская, Нина О. Иваннушкина,
Ольга С. Бочарова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: proekt.jl@gmail.com

Аннотация

Введение. Использование мобильных устройств детьми и подростками стало обыденной практикой современности. Хотя мобильное обучение имеет ряд преимуществ, исследования показывают противоречивые результаты в оценке его эффективности. Новизна данного исследования состоит в обобщении результатов мета-анализов, оценивающих эффекты использования мобильных устройств школьниками в образовательном контексте. **Методы.** Цель исследования – выявление эффектов использования мобильных устройств в обучении на основе процедур мета-анализа второго порядка. Были проанализированы 29 мета-анализов, проведенных в период с 2014 по 2023 годы, с минимальным совпадением между первичными исследованиями. Были произведены систематический поиск источников и их оценка в соответствии с протоколом мета-обзора, анализ совпадений во включенных в первичные мета-анализы исследований, оценка наличия публикационных смещений, анализ влияния категориальных модераторов. **Результаты.** Использование мобильных устройств обучающимися оказывает среднее по эффекту влияние на их образовательные результаты ($g = 0,654$ (95% ДИ: $0,578-0,73$)). Статистически значимый результат выявлен при оценке гетерогенности средних размеров эффекта ($\tau^2 = 0,042$, $Q = 277,255$, $p < 0,001$; $I^2 = 86,95\%$). Анализ модераторов показал значимое влияние типа образовательного результата, предметной области обучения, типа публикации и локации первичных исследований. Противоречивые результаты обнаруживаются

при анализе средних размеров эффектов по различным ступеням образования. **Обсуждение результатов.** Полученный в ходе анализа средний размер эффекта характеризуется высокой степенью устойчивости в разные периоды цифровизации образования. Использование мобильных устройств школьниками может оказывать двойственное влияние на их учебную деятельность в зависимости от включения в этот процесс взрослых. Проблемные формы цифрового поведения связаны с ухудшением образовательных результатов. Использование гаджетов в учебных целях, напротив, способствует большей продуктивности обучения по сравнению с его традиционными формами. Мета-обзор обозначает дальнейшие направления исследований эффектов использования мобильных устройств школьниками в их учебной деятельности и может быть полезен при разработке программ воспитания цифровой культуры обучающихся.

Ключевые слова

мобильные устройства, мета-анализ второго порядка, мета-анализ, обучение, школьники, образовательные результаты, мобильное обучение, цифровое поведение

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00412, <https://rscf.ru/project/23-28-00412>

Для цитирования

Проект, Ю. Л., Спасская, Е. Б., Иванушкина Н.О., Бочарова, О.С. (2024). Оценка влияния использования мобильных устройств на образовательные результаты школьников: мета-анализ второго порядка. *Российский психологический журнал*, 21(2), 35–59. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.3>

Введение

Первые десятилетия XXI-го века стали поистине революционными для институтов образования по всему миру. Ускоряющийся темп технологических изменений влечет за собой стремительное обновление информации и ее качественные преобразования, динамические изменения на рынке труда, связанные с трансформацией функционала профессий, цифровизацию всех сторон жизни современного человека (Kamal et al., 2019; Nakano, 2022). Подобные изменения требуют от теоретиков и практиков образования обсуждения основных его проблем, в числе которых определение возможностей современных образовательных систем в подготовке своих выпускников к успешному функционированию в обществе (Zhao, 2020), самостоятельности в анализе реальных жизненных ситуаций и нахождения

оптимальных путей достижения поставленных целей, проявления гражданской позиции и ответственности за свою страну (Xu & Fang, 2022). Ученые признают, что проблема адаптации образования к кардинальным изменениям в обществе и мире в целом является ключевой (Фадель, Бялик, Триллин, 2018).

Одним из ответов на указанные вызовы времени становится цифровая трансформация образования. Целью цифровой трансформации образования является интеграция цифровых технологий в обучающие практики таким образом, чтобы способствовать достижению обучающимися требуемых образовательных результатов, в том числе посредством персонализации образования (Уваров, 2019). В этом плане особого внимания заслуживают мобильные технологии, использование которых в образовании имеет ряд преимуществ, связанных с их расширяющейся доступностью, адаптивностью, гибкостью и многообразием предоставляемых ими функций (Yu et al., 2022). Уже в настоящее время, только смартфонами в мире владеет более 6 миллиардов человек, и в будущем это число будет только увеличиваться (Ericsson Mobility Visualizer, 2023). Более того, по оценкам компании Mediascope CROSS WEB, в 2022 году в возрастной группе российских пользователей интернета от 12 до 17 лет в сети проводят в среднем около 6 часов 96% подростков, при этом в структуре их цифрового потребления 94% подключений к сети Интернет отводится на долю мобильных устройств (Бороздина, 2022). Расширяющиеся практики использования школьниками мобильных устройств (далее – МУ) открывают возможности использования данных инструментов в образовательных целях.

Исследования эффективности мобильного обучения начались на рубеже нынешнего столетия (Keegan, 2000) и интенсивно продолжают уже более двадцати лет. Накоплен значительный объем научных данных, однако они имеют крайне противоречивый характер. С одной стороны, показано, что мобильные технологии могут способствовать росту учебной мотивации школьников (Kärchner et al., 2022), повышению качества изучения иностранных языков (Чистова, Кроткова, 2018; Alfadil, 2020), естественно-научных предметов (Chang et al., 2020; Čevajka & Velmovská, 2022), математики (Biber et al., 2022) и информатики (Новиков, Стариченко, 2020), формированию представлений о возможностях МУ как инструмента образования (Капина, 2020; Sahin & Yilmaz, 2020). С другой стороны, исследователи подчеркивают риски и негативные эффекты использования школьниками мобильных технологий, выраженные в возможных проблемах с самоконтролем (Troll et al., 2020), использовании МУ в нерелевантных учебным задачам целях и отвлечении от учебы (Zhai et al., 2019; Yi et al., 2016), проблемах в поиске и оценке информации (Bezgodova et al., 2020), угрозах физическому и ментальному здоровью (Chau et al., 2022) и росту цифрового неравенства (Jin & Sabio, 2018; Selwyn et al., 2020). Отсутствие консенсуса в столь чувствительном вопросе привело к введению ограничений на использование гаджетов в школе в целом ряде стран (Новикова и др. 2020). Однако, как отмечает И. Ш. Мухаметзянов, безальтернативный запрет на использование МУ является самым простым и не всегда удачным решением проблемы адаптации школы и используемых ею педагогических технологий к новой цифровой реальности (Мухаметзянов, 2019).

Автор закономерно ставит вопрос о необходимости проведения тщательных исследований влияния МУ на человека (Мухаметзянов, 2019, с. 56).

В этой связи, важным направлением исследований становится проведение мета-анализов, призванных объединять результаты проведенных эмпирических исследований и определять на их основе значимые закономерности (Корнилов, Корнилова, 2010). Следует учесть, что к настоящему времени реализовано значительное число мета-аналитических исследований, направленных на изучение эффектов использования МУ в образовании. Большинство проведенных мета-анализов по исследованиям мобильного обучения демонстрируют положительные эффекты, варьирующиеся от 0,226 (Tamim et al., 2015) до 1,8 (Mihaylova et al., 2022). Вместе с тем, мета-анализы, направленные на выявление связи между практиками использования МУ обучающимися и их образовательными результатами, напротив, демонстрируют умеренно негативные эффекты, которые варьируются от -0,12 (Sunday et al., 2021) до -0,76 (Kärchner et al., 2022). Значимой представляется попытка обобщения результатов уже проведенных мета-анализов, посвященных различным аспектам изучения мобильных технологий в образовании и аспектам использования школьниками гаджетов. Обобщение результатов позволит определить генеральные линии влияния мобильных технологий в образовании на образовательные результаты обучающихся и выявить факторы, которые могут эти линии определять.

Инструментом для осуществления задачи обобщения результатов выступил мета-анализ второго порядка или мета-обзор, обращенный к уже существующим мета-анализам. Мета-обзор представляет собой мета-анализ статистически независимых и методологически сопоставимых мета-анализов первого порядка, направленных на изучение схожих отношений между переменными в разных исследовательских контекстах (Schmidt & Oh, 2013). Мета-анализы первого порядка позволяют снизить влияние выборочных ошибок эмпирических исследований, однако вероятность их влияния сохраняется. Сохраняющуюся по итогам мета-анализа ошибку принято обозначать как выборочную ошибку второго порядка. Нивелирование значения этой ошибки становится задачей мета-анализа второго порядка, что в свою очередь способствует снижению гетерогенности общего результата (Cooper & Koenka, 2012).

Цель исследования

Целью данного исследования является обобщение результатов мета-анализов, направленных на выявление влияния использования школьниками МУ на их образовательные результаты.

Достижение этой цели позволит ответить на ряд исследовательских вопросов, значимых в образовательном контексте и касающихся следующих аспектов:

- какова эффективность использования мобильного обучения по отношению к традиционным способам преподавания и как она проявляется на различных ступенях образования?

- как соотносятся эффекты влияния использования МУ в учебных и внеучебных целях на образовательные результаты школьников?
- существует ли различия в эффективности использования мобильного обучения при изучении различных школьных предметов?
- есть ли влияние характера публикации на транслируемые ей результаты?

Методы

Исследование базировалось на методологии проведения мета-анализов PRISMA (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses) (Moher et al., 2009; Liberati et al., 2009). Ввиду ограничения объема данной статьи и в целях повышения прозрачности исследовательских процедур все данные по проведенному мета-анализу размещены в открытом доступе на портале OSF (<https://osf.io/tyz95/>).

Стратегия поиска

Алгоритм поиска мета-анализов строился на использовании международных баз данных (EBSCO, Google Академия, ProQuest Dissertations and Theses; ResearchGate; РИНЦ). Ключевые слова для поиска мета-анализов приведены в дополнительных материалах к статье. Поиск источников также осуществлялся на основе просмотра цитируемых источников в найденных публикациях.

Выбор исследований, критерии включения и исключения

Согласно рекомендациям PRISMA, отбор мета-анализов и их оценка осуществлялись тремя исследователями независимо друг от друга на основании следующих критериев включения:

1. Публикации мета-анализов в период с 2010 по 2023 год.
2. Язык публикации – английский, русский.
3. Предметом мета-анализа должен быть эффект использования мобильных технологий школьниками, проявленный в их учебной деятельности и ее результатах.
4. В описании результатов мета-анализа должны включаться статистические данные, достаточные для расчета размера эффекта (например, d Коэна, g Хеджа, нижний предел (LL), верхний предел (UL) и стандартная ошибка (SE), в зависимости от величины этого воздействия и значения дисперсии).

Степень согласованности оценок исследователей была определена с использованием коэффициента межэкспертного согласия каппа Коэна ($k = 0,87–0,92$). Если между оценками исследователями возникали разногласия, они решались на основе консенсусных рейтингов.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Перечень собираемой информации включал год публикации, количество включенных в мета-анализ исследований, объем совокупной выборки и страны, тип и значение размера эффекта, стандартная ошибка, нижний и верхний пределы доверительного интервала, уровень образования, тип образовательного результата, учебные предметы, тип публикации, количество цитирований публикации, оценка цитируемости журнала. При наличии данных отдельно вносились статистические параметры, относящиеся к различным этапам обучения в школе (младшая, средняя, старшая школы).

По результатам первоначального поиска было найдено 427 источников (см. рис. 1).

Рисунок 1

Блок-схема процесса поиска, проверки публикаций, включения и исключения данных

В результате просмотра аннотаций было обнаружено 352 исследования, не являющиеся мета-анализами, или мета-анализы, не касающиеся образования. Оставшиеся 77 работ были изучены полностью. Критериями исключения публикаций стали текст публикации (не английский или русский – 2); не мобильные, а другие компьютерные технологии – 19; уровень профессионального или дошкольного образования – 8; специфичные выборки обучающихся (с инвалидностью или ОВЗ) – 2; отсутствие необходимых статистических данных и сведений о процедуре проведения мета-анализа – 11; отсутствие связи с образовательными результатами – 5.

В итоге были отобраны 30 публикаций мета-анализов, включая 36 размеров эффектов для различных типов образовательных результатов.

Анализ совпадений в исследованиях, включенных в первичные мета-анализы

Мета-анализ второго порядка в идеале предполагает обобщение мета-анализов, построенных на непересекающихся выборках первичных исследований. Однако на практике выполнить это условие крайне затруднительно и общей рекомендацией является сведение дублирования первичных исследований к минимуму (Cooper & Koenka, 2012). Общее число перекрываемых в различных мета-анализах первичных исследований составило 161 источник при общем числе 837 исследований, ставших первичной базой мета-анализа второго порядка, что составило 19,24%. Приемлемый уровень совпадения первичных исследований в мета-анализах, включенных в выборку, оценивался с помощью индексов простой охватываемой области (ОО) и скорректированной охватываемой области (СОО).

Индекс простой охватываемой области вычисляется по формуле:

$$ОО = \frac{N}{r * c} \quad (1)$$

Индекс СОО рассчитывается по формуле:

$$СОО = \frac{N - r}{r * c - r} \quad (2)$$

где: N – это общее число включенных в мета-анализ второго порядка первичных исследований (с учетом дублирования); r – число первичных публикаций без учета дублирования; и c – количество мета-анализов, включенных в мета-анализ второго порядка (Hennessy et al, 2020).

По оценкам D. Pieper и коллег, значения СОО свыше 15% считаются крайне высокими и характеризуют отсутствие независимости между включенными в мета-обзор исследованиями, что снижает его качество (Pieper et al, 2014). Результаты

расчета индексов показали высокий уровень перекрытия первичных исследований, включенных в мета-анализы между (Sung et al., 2016) и (Sung et al., 2015) значение индекса составило 35,40%, а также между (Sung et al., 2016) и (Yang, 2020) – 18,40%. В связи с этим, мета-анализ (Sung et al., 2016) был исключен из выборки.

Итогом стала выборка из 34 размера эффектов в соответствии с различными образовательными результатами, приведенными в 29 мета-анализах (см. табл. 1). Общий показатель индекса скорректированной охватываемой области составил 1,31%, что характеризует независимость включенных мета-анализов и близкое к нулю дублирование их результатов.

Таблица 1
Исследования, включенные в мета-обзор

Автор	Год	N	Уровень образования	Учебные предметы	Тип образовательных результатов	Тип публикации
Akçay et al., 2021	2021	22	начальное	Математика	Когнитивные (оценки, знания, кругозор и т.п.)	Статья
Chen, 2022	2022	29	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Лингвистика	Поведенческие (навыки, умения и т.п.)	Статья
Chen et al., 2022	2020	63	Начальное, среднее, полное среднее	Смешанные	Когнитивные	Тезисы
Cho et al., 2018	2018	20	Начальное, среднее, полное среднее	Лингвистика	Поведенческие	Статья
Feng et al., 2018	2018	34	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Смешанные	Не указаны	Тезисы
Garzón et al., 2023	2023	62	Все уровни образования	Лингвистика	Не указаны	Тезисы
Güler et al., 2022	2022	22	Все уровни образования	Математика	Когнитивные	Статья
Güzeller & Üstünel, 2016	2016	10	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Смешанные	Не указаны	Статья

Автор	Год	N	Уровень образования	Учебные предметы	Тип образовательных результатов	Тип публикации
Kärchner et al., 2022	2022	58	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Смешанные	Смешанные	Статья
Kates et al., 2018	2018	39	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Нет сведений	Негативные (оценки, выгорание и т.п.)	Статья
Lee et al., 2014	2014	44	Не указаны	Лингвистика	Не указаны	Тезисы
Lei et al., 2022	2022	41	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Естественно-научные предметы	Когнитивные	Статья
Li et al., 2023	2023	50	Среднее, высшее	Нет сведений	Негативные	Статья
Liao et al., 2020	2020	81	Нет сведений	Смешанные	Не указаны	Статья
Mihaylova et al., 2022	2022	23	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Лингвистика	Поведенческие	Статья
Petersen-Brown et al., 2019	2019	65	Дошкольное, начальное, среднее, полное среднее	Смешанные	Поведенческие	Статья
Romadhiah et al., 2022	2022	15	Начальное, среднее, полное среднее	Нет сведений	Не указаны	Статья
Shi & Korcha, 2022	2022	34	Начальное, среднее, полное среднее	Естественно-научные предметы	Не указаны	Статья

Автор	Год	N	Уровень образования	Учебные предметы	Тип образовательных результатов	Тип публикации
Sunday et al., 2021	2021	44	высшее	Смешанные	Негативные	Статья
Sung et al., 2015	2015	44	Все уровни образования	Лингвистика	Когнитивные	Статья
Sung et al., 2017	2017	48	Все уровни образования	Смешанные	Смешанные	Статья
Talan, 2020	2020	104	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Смешанные	Не указаны	Статья
Talan et al., 2020	2020	154	Все уровни образования	Смешанные	Когнитивные	Статья
Tamim et al., 2015	2015	27	Начальное, среднее	Смешанные	Не указаны	Научный отчет
Tingir et al., 2017	2017	14	Начальное, среднее, полное среднее	Смешанные	Не указаны	Статья
Ulum, 2022	2022	27	Начальное, среднее	Смешанные	Не указаны	Статья
Wang et al., 2023	2023	78	Начальное, среднее	Смешанные	Смешанные	Статья
Yang et al., 2020	2020	38	Нет сведений	Смешанные	Смешанные	Статья
Zheng et al., 2018	2018	34	Начальное, среднее, полное среднее, высшее	Смешанные	Когнитивные	Статья

Примечание. N – число первичных исследований, включенных в мета-анализ.

Обработка статистических данных

Аналізу были подвергнуты средние значения размера эффекта, приведенные в каждом мета-анализе с сохранением используемого способа его расчета. Большая часть мета-анализов, включенных в выборку данного мета-обзора, была построена на оценке размера эффекта с использованием d Хеджеса, в остальных исследованиях использовался d Коэна и r коэффициент корреляции. Все величины размера эффекта были преобразованы в статистику d Хеджеса (Borenstein et al., 2021). Стандартные ошибки были получены как из текстов мета-анализов, так и рассчитывались самостоятельно на основе доступных данных по доверительным интервалам. В исследовании была использована модель случайного эффекта (random effect model), поскольку она обладает более широкой способностью к обобщению (Borenstein et al., 2021). Для оценки неоднородности использовались коэффициент τ^2 и Q -статистика, при значимости которых отмечается несогласованность результатов мета-анализов. Также использовался показатель I^2 , измеряемый в процентах. Значения I^2 , превышающие 75% свидетельствуют о высоком уровне неоднородности результатов мета-анализов первого порядка.

Для оценки наличия публикационных смещений (publication bias) использовался графический анализ воронкообразной диаграммы рассеяния (Funnel Plot), тест Эггера, классический тест отказоустойчивости Розенталя, где последний основан на идее создания «виртуальной выборки» данных, что позволяет вычислить количество исследований с незначимым результатом, которые могли бы снизить общий уровень значимости оценки эффекта в мета-анализе до незначимого уровня (Корнилов, Корнилова, 2010).

Также осуществлялась оценка роли опосредующих переменных (модераторов), включая уровень образования, тип образовательного результата, учебные предметы, тип публикации, количество цитирований публикации, оценка цитируемости журнала. Для оценки степени изменения величины размера эффекта в зависимости от модераторов использовался коэффициент Q .

Для выполнения статистических расчетов использовались программы Jamovi ver. 2.4.8 и Comprehensive Meta-Analysis (CMA) 4.0.

Результаты

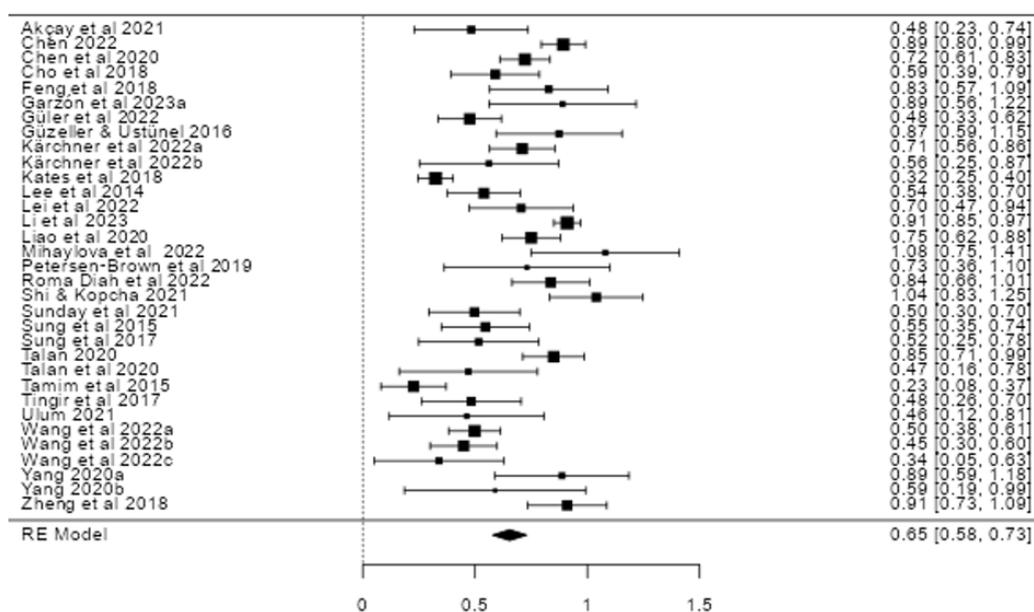
По итогам отбора и оценки мета-анализов первого порядка в исследование были включены 29 публикации с совокупной выборкой 454 824 обучающихся на различных ступенях образования (дошкольное, школьное, высшее образование). Размеры эффектов в выборке колебались в диапазоне от 0,226 до 1,08. В целом, доверительные интервалы размеров эффектов характеризовали отклонение нулевой гипотезы во всех случаях (см. рис. 2). Средний размер эффекта составил

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

0,654 (95% ДИ: 0,578 0,73). Такое значение относится к диапазону от 0,5 до 0,8, что считается средним размером эффекта. Анализируемые мета-анализы характеризовались высоким уровнем гетерогенности ($\tau^2 = 0,042$, $Q = 277,255$ при $df = 27$ и $p < 0,001$; $I^2 = 86,95\%$), что позволяет отклонить нулевую гипотезу о равенстве истинного размера эффекта в выборке мета-анализов.

Рисунок 2

Размеры эффекта и доверительные интервалы в рассматриваемых мета-анализах

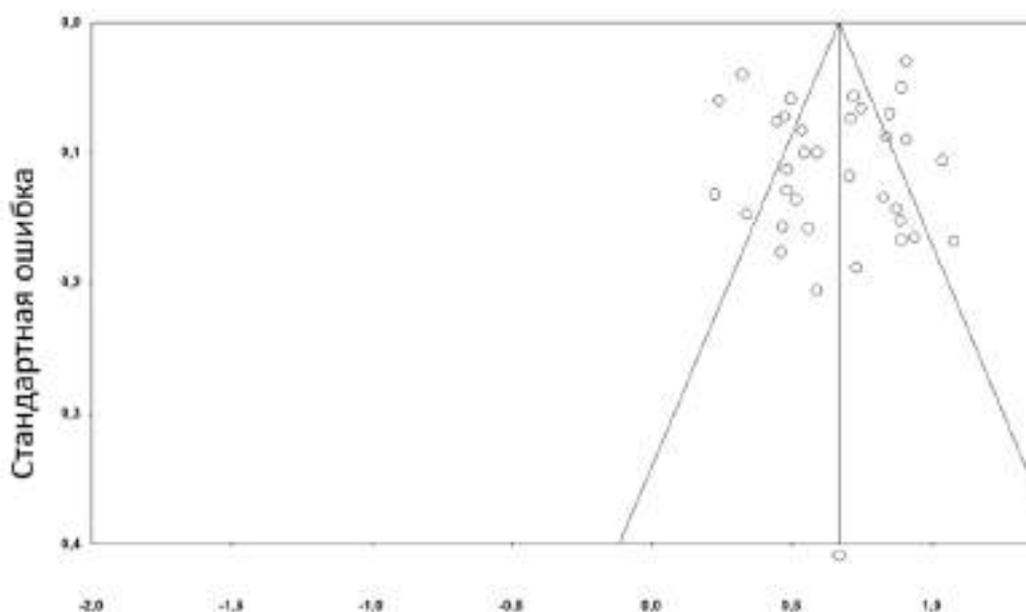

Оценка публикационного смещения на основе графического анализа (см. рис. 3) свидетельствует о скорее симметричной форме воронкообразной диаграммы рассеивания размеров эффекта. Анализ с использованием теста Эггера ($t = -1,085$, $p = 0,36$) показал отсутствие достаточных статистических доказательств для определения предвзятости в выборе публикаций. Более того, классический тест отказоустойчивости Розенталя показал, что необходимо добавить 21 989 исследований для подтверждения незначимости размера эффекта. Таким образом, можно сделать вывод о том, что публикационное смещение не установлено.

На следующем этапе исследования проанализированы изменения средних размеров эффекта под влиянием различных характеристик мета-анализов. В таблице 2 приведены результаты сравнительного анализа по тем модераторам, где выявлены достоверные различия.

Рисунок 3

Воронкообразная диаграмма рассеивания размеров эффекта в анализируемых мета-анализах

Таблица 2

Результаты анализа опосредования размеров эффектов категориальными модераторами

	k	g	Нижняя граница 95% ДИ	Верхняя граница 95% ДИ	Q	p
Тип образовательного результата					15,77	0,008
Не указан	12	0,75	0,64	0,87		
Когнитивный	9	0,55	0,48	0,61		
Аффективный	3	0,48	0,35	0,61		
Поведенческий	5	0,76	0,58	0,94		
Смешанный	1	0,52	0,25	0,78		
Негативный	4	0,58	0,20	0,95		
Предметная область					11,31	0,023
Не указана	5	0,58	0,24	0,92		
Смешанная	17	0,63	0,53	0,73		
Языковая	8	0,75	0,62	0,88		
Естественно-научная	2	0,88	0,55	1,20		

	k	g	Нижняя граница 95% ДИ	Верхняя граница 95% ДИ	Q	p
Гуманитарная Локация	2	0,48	0,35	0,60	32,01	<0.001
Не указана	16	0,76	0,68	0,84		
Поликультурная	17	0,54	0,43	0,66	10,43	0,01
Монокультурная	1	0,91	0,85	0,97		
Тип публикации	30	0,66	0,56	0,75		
Научная статья	3	0,74	0,49	1,00		
Тезисы	1	0,23	0,08	0,37		
Научный отчет						

Примечание. *k* – количество мета-анализов первого порядка, *g* – средний размер эффекта, ДИ – доверительный интервал; *Q* – взвешенная сумма квадратов разностей между наблюдаемой величиной эффекта и взвешенной средней величиной эффекта, *p* – уровень значимости.

Не выявлено достоверных различий в средних размерах эффекта в зависимости от года публикации, количества включенных в мета-анализ первичных исследований, уровня образования, рейтинга издания (CiteScore). Вместе с тем, размеры эффекта достоверно отличаются в мета-анализах, характеризующих различные образовательные результаты. Наибольший средний размер эффекта обнаруживается в образовательных результатах, связанных с формированием навыков и умений, тогда как наименьшее значение обнаруживается при изучении влияния использования МУ на мотивацию, вовлеченность и удовлетворенность обучающихся. Стоит отметить, что мета-анализы, характеризующие негативные влияния использования МУ на учебную деятельность, обнаруживают сопоставимый результат с эффектами использования мобильного обучения.

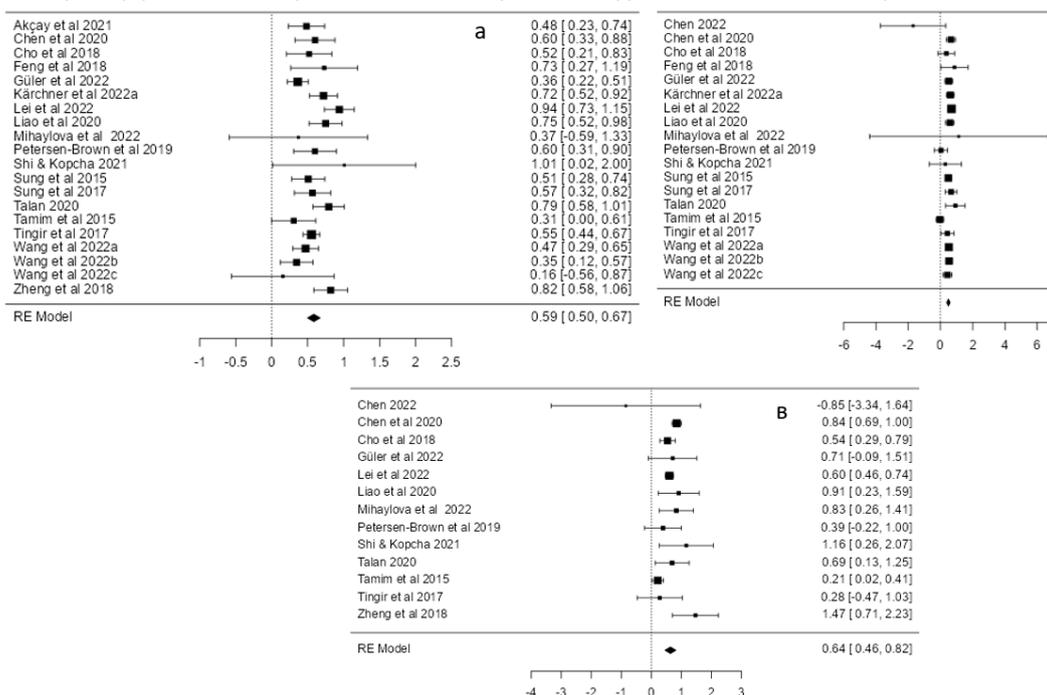
Значимые различия обнаружены в средних размерах эффектов в зависимости от предметной области обучения. Так, наибольшие эффекты обнаружены при изучении учебных дисциплин языкового и естественно-научного цикла, тогда как в гуманитарной сфере отмечается наименьший средний размер эффекта.

Важно отметить, что если по большинству формальных параметров публикаций не были обнаружены достоверные различия в средних размерах эффектов, то тип публикации стал значимым фактором, опосредующим транслируемые результаты. Так, наименьший размер эффекта сообщается в научном отчете, тогда как наиболее высокие значения обнаруживаются в материалах конференций. Наименьшие средние величины размеров эффекта также обнаруживаются в мета-анализах, включающих в себя первичные исследования, проведенные в различных странах и культурах.

Нас также интересовали данные по размерам эффектов использования МУ в начальной, средней и старшей школе (рис. 4). Было обнаружено, что данные носят противоречивый характер. В младшей школе доверительные интервалы размеров эффектов двух мета-анализов пересекают нулевую линию, на уровне средней школы – шесть мета-анализов, на уровне старшей школы – четыре мета-анализа.

Рисунок 4

Размеры эффекта и доверительные интервалы по уровням школьного обучения

Примечание. а – начальная школа, б – средняя школа, в – старшая школа.

Сами значения размеров эффектов по уровням образования достигают наибольшего значения в старшей школе ($g = 0,64$ при 95% ДИ $0,46-0,82$), промежуточного значения в младшей школе ($g = 0,59$ при 95% ДИ $0,50-0,67$), тогда как в средней школе характеризуются наименьшей величиной ($g = 0,50$ при 95% ДИ $0,39-0,60$)

Обсуждение результатов

При проведении данного мета-обзора были рассмотрены данные 29 мета-анализов, целью которых было выявление эффектов использования мобильных устройств, проявляющихся в учебной деятельности обучающихся. Мы обнаружили преимущественно средний размер эффекта как в случае конструктивного

использования МУ (мобильного обучения), так и при деструктивных формах их использования (зависимость от МУ, проблемное использование МУ и т.п.). При этом величина среднего размера эффекта практически сохраняет свое значение в разные периоды цифровизации образования, что сближает результат данного исследования с данными мета-анализа Н.О. Гордеевой, проведенного на выборке российских исследований и также выявившего средний по величине эффект (Гордеева, 2018). Масштаб и репрезентативность включенных в мета-обзор мета-аналитических исследований позволяет валидизировать подобный вывод. Можно утверждать, что использование МУ обучающимися может активизировать или, напротив, препятствовать их учебной деятельности в зависимости от степени включения взрослых в управление цифровым поведением обучающихся. Так, В.И. Панов и коллеги понимают под цифровым поведением систему действий, связанных с использованием цифровой среды (Панов и др., 2021). По мнению R. Barr, создание взрослыми гармоничной семейной медиа-среды и ее совместное использование с ребенком уже в раннем детстве может способствовать его когнитивному и эмоциональному развитию, тогда как использование цифровой среды для отвлечения ребенка или бесконтрольное вовлечение в нее становится препятствием для социо-эмоционального развития ребенка (Barr, 2019). Более того, само цифровое поведение взрослых становится значимым фактором в отношении психического развития ребенка. Во-первых, оно выступает как модель для становления цифрового поведения ребенка, а во-вторых, может становиться помехой для построения гармоничных детско-родительских отношений (Liu & Wu, 2023). Так, исследователи вводят понятие «техноференции» как состояния либо родителей, либо ребенка, в котором использование технологий прерывает межличностные взаимодействия и в любом случае оказывает негативное влияние на эмоции и память ребенка (McDaniel & Radesky, 2018). Вместе с тем, установки взрослых в отношении МУ играют значимую роль в их восприятии форм использования МУ школьниками (Спасская, Проект, 2023; Wang, Lwin, Sayabyab, Hou & You, 2023). Таким образом, можно говорить о возрастающей потребности в формировании конструктивных стратегий управления цифровым поведением школьников.

Результаты проведенного мета-обзора позволили выявить различия в степени эффективности использования МУ при освоении различных предметов. Так, наибольшая эффективность обнаруживается при изучении дисциплин естественно-научного цикла и в лингвистическом образовании, тогда как при изучении предметов гуманитарного цикла обнаруживается более слабый эффект использования МУ. Мобильные технологии существенно обогащают процесс преподавания естественно-научных дисциплин за счет более доступной визуализации научных экспериментов и использования педагогами принципиально новых подходов к обучению (Mutambara & Bayaga 2021). Последнее становится особенно важным в применении МУ в обучении, что подтверждает мета-обзор, проведенный В. Öztürk с коллегами и показавший значимую роль применяемой педагогической технологии

в использовании технологически поддержанного проблемно-ориентированного обучения (Öztürk et al., 2022). Мобильное обучение может быть использовано для доступа к ресурсам, инструментам и возможностям совместной работы обучающихся, что делает его полезным для развития исследовательских навыков, креативности, рефлексивности, критического и аналитического мышления (Afikah et al., 2022). Преимущества в использовании МУ при изучении языков (как родного, так и иностранных) давно стали одним из наиболее обсуждаемых вопросов в исследованиях мобильного языкового обучения (Okumuş Dağdeler, 2023). Успех развития данного направления связан с внедрением ряда эффективных приложений для изучения иностранных языков (Lingualeo, Duolingo, Puzzle English и др.). Исследования показывают, что использование МУ способствует персонификации обучения и автономности обучающегося, развитию словарного запаса, навыков чтения, разговорной практики (Okumuş Dağdeler, 2023). Вместе с тем, область изучения дисциплин гуманитарного цикла в наименьшей степени охватывается мобильным обучением.

Другим значимым результатом мета-обзора стала противоречивость данных мета-анализов, касающихся эффектов использования МУ обучающимися в начальной, средней и старшей школе. Можно признать наиболее сложным для имплементации мобильного обучения период подросткового возраста, когда школьнику приходится перестраиваться на новые модели обучения и адаптироваться к увеличению учебной нагрузки с одной стороны и справляться с подростковым кризисом с другой (Малкова, Наумова, 2012). Стоит отметить, что в подростковый период существенно расширяется и становится более разнообразным спектр цифровой активности школьников (Солдатова и др., 2022). У подростков отмечается снижение учебной мотивации, что может стать более сильной входной переменной, нежели использование МУ, которое, в свою очередь, часто становится отвлекающим от учебной активности фактором (Авдеева, Корнилова, 2022). Вместе с тем, в старшей школе учебная мотивация возрастает, что связано, в том числе, и с тем, что школу покидают ученики с наименее выраженными учебными мотивами (Гошин и др., 2019), тогда как в младшей школе использование МУ в большей степени проходит под патронажем взрослых.

Наконец, значимыми факторами, определяющими транслируемые в мета-анализах размеры эффектов, становятся публикационные характеристики. Мы обнаружили наибольший размер эффекта в мета-анализе, сообщающем о связи между зависимостью от МУ и академическим выгоранием у китайских студентов (Li et al., 2023), тогда как мета-анализы, обобщающие результаты первичных исследований, проведенных в разных странах и культурах, сообщают о меньших величинах размеров эффекта. Подобный результат может свидетельствовать о значимости культурных факторов в изучении стратегий использования МУ в образовательной среде. Помимо этого, наибольшие размеры эффектов сообщаются в материалах конференций, а наименьшие в научных отчетах. Данный результат относится к

одному из общих ограничений мета-анализа как метода, поскольку незначимые результаты исследований чаще оказываются в так называемом «архивном ящике» и реже публикуются в научной периодике (van Aert et al., 2019; Корнилов, Корнилова, 2010).

Заключение

Целью данного мета-обзора стало обобщение результатов мета-анализов, направленных на выявление влияния использования школьниками МУ на их образовательные результаты. Согласно его результатам, использование МУ обучающимися оказывает умеренное влияние на их образовательные результаты. По отношению к традиционным методам обучения, технологии мобильного обучения может быть более эффективными в развитии навыков и умений школьников, повышении уровня знаний по предмету и успеваемости, развитии мотивации к обучению и вовлеченности в него. В то же время в случаях девиантного цифрового поведения школьников возникают значимые риски ухудшения качества их учебной деятельности, связанные со снижением учебной мотивации и успеваемости, академическим выгоранием. Полученные результаты со всей очевидностью ставят вопросы разработки и реализации системного подхода к направленному формированию цифрового поведения школьников. Ключевыми компонентами подобной системы должны стать субъекты образовательного процесса (школьники, педагоги, родители), образовательная среда и ее возможности, используемые педагогические технологии и подходы, сами МУ и их функциональные возможности.

Обнаруженные противоречия при обобщении результатов мета-анализов, включенных в мета-обзор, свидетельствуют о необходимости учета ряда факторов, оказывающих воздействие на успешность применения МУ в образовательном процессе. Дальнейшего изучения требует специфика отражения использования МУ обучающимися в их учебной деятельности на различных возрастных этапах, при различных стратегиях цифровой активности и медиации со стороны взрослых, а также в условиях разных культур.

Следует указать на некоторые ограничения данного мета-обзора, связанные с неоднородностью обобщаемых размеров эффекта и очевидной недостаточностью сведений по широкому спектру факторов, определяющих его вариации. Трудности с нахождением мета-анализов в так называемой «серой» литературе указывают на явную недостаточность применения мета-аналитического подхода в непубликуемых исследованиях (отчетах, диссертациях и т.п.). В данном мета-обзоре не учитывались характеристики педагогических моделей и технологий, используемых при мобильном обучении, типы МУ, а также гендерные аспекты использования МУ обучающимися. Проведенный мета-обзор не дает окончательного ответа на вопросы об эффективности использования МУ в образовательном процессе, однако указывает на перспективные направления исследований цифрового поведения

школьников, конструирования психолого-педагогических программ формирования цифровой культуры подрастающего поколения.

Примечание к списку литературы. Источники, отмеченные звездочкой (*), указывают на исследования, включенные в мета-обзор.

Литература

- Авдеева, Е. А., Корнилова, О. А. (2022). Влияние цифровой электронной среды на когнитивные функции школьников и студентов. *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*, 21(S3), 3331. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3331>
- Бороздина, Н. (2022). *Mediascope CROSS WEB. Аудитория Интернета в 2022 году*. https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrh7t7dxyzw1rhtzxcg3rwk8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf
- Гордеева, Н. О. (2018). Использование мобильных технологий в образовании: метаанализ российских исследований. *Современные проблемы науки и образования* (сетевое издание). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27704>
- Гошин, М. Е., Григорьев, Д. С., Мерцалова, Т. А. (2019). Типы родительской вовлеченности в образование и успеваемость школьников. *Вопросы психологии*, 2, 29–44.
- Капина, А. А. (2020). Современные решения проблемы организации дистанционного обучения с помощью использования мобильных приложений. *Педагогический вестник*, 15, 24–26.
- Корнилов, С. А., Корнилова, Т. В. (2010). Мета-аналитические исследования в психологии. *Психологический журнал*, 31(6), 5–17.
- Малкова, Е. Е., Наумова, А. А. (2012). Отрочество как клиничко-психологический феномен в науке и культуре. *Медицинская психология в России*, (6), 17–17.
- Мухаметзянов, И. Ш. (2019). Смартфон в школе: «быть или не быть, вот в чем вопрос». *Информатика в школе*, 7(150), 52–56. <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2019-18-7-52-56>
- Новиков, М. Ю., & Стариченко, Б. Е. (2020). Построение школьного курса информатики на основе мобильных и облачных технологий. *Информатика в школе*, 1(154), 40–54. <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2020-19-1-40-54>
- Новикова, И. И., Зубцовская, Н. А., Романенко, С. П., Кондращенко, & А. И., Лобкис, М. А. (2020). Исследование влияния мобильных устройств связи на здоровье детей и подростков. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 2, 95–103. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.16>
- Панов, В. И., Борисенко, Н. А., Миронова, К. В., & Шишкова, С. В. (2021). Поведение подростков в цифровой образовательной среде: к определению понятий и постановке проблемы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 3(39), 188–196. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-188-196>
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Вишнева, А. Е., Теславская, О. И., & Чигарькова, С. В. (2022). *Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие*. ООО «Акрополь»
- Спаская, Е. Б., Проект, Ю. Л. (2023). Мобильные устройства обучающихся в школьном образовательном пространстве по оценкам педагогов. *Перспективы науки и образования*, 3(63), 603–618. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.36>
- Уваров, А. Ю. (2019). Модель цифровой школы и цифровая трансформация образования. *Исследователь/Researcher*, (1–2), 22–37.

- Фадель, Ч., Бялик, М., & Триллин, Б. (2018). *Четырёхмерное образование: концепции, необходимые для успеха*. Издательская группа «Точка»
- Чистова, Ю. С., Кроткова, И. Н. (2018). Мобильное приложение как ресурс мотивации школьников при изучении английского языка. *Научный поиск*, (3), 16–19.
- Afikah, A., Astuti, S. R. D., Suyanta, S., Jumadi, J., & Rohaeti, E. (2022). Mobile Learning in Science Education to Improve Higher-Order Thinking Skills (HOTS) and Communication Skills: A Systematic Review. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 13(7). <https://doi.org/10.14569/IJACSA.2022.0130782>
- Akçay, A. O., Karahan, E., & Bozan, M. A. (2021). The Effect of Using Technology in Primary School Math Teaching on Students' Academic Achievement: A Meta-Analysis Study. *FIRE: Forum for International Research in Education*, 7(2), 1–21. <https://doi.org/10.32865/fire202172231> *
- Alfadil, M. (2020). Effectiveness of virtual reality game in foreign language vocabulary acquisition. *Computers & Education*, 153, 103893. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103893>
- Barr, R. (2019). Growing up in the digital age: Early learning and family media ecology. *Current Directions in Psychological Science*, 28(4), 341–346. <https://doi.org/10.1177/0963721419838245> PMID:31423053
- Bezgodova, S., Miklyaeva, A., & Nikolaeva, E. (2020). Computer vs smartphone: How do pupils complete educational tasks that involve searching for information on the internet. In *SEUR Workshop Proceedings*, 2630, 52–62.
- Biber, S. K., Biber, M., & Erbay, H. N. (2022). Teachers' perceptions on technology-assisted mathematics teaching and the interactive activities. *Education and Information Technologies*, 27(5), 6913–6945. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-10898-9>
- Borenstein, M., Hedges, L. V., Higgins, J. P., & Rothstein, H. R. (2021). *Introduction to meta-analysis*. John Wiley & Sons.
- Čevajka, J., & Velmovská, K. (2022). The use of mobile technologies in teaching from the perspective of the Slovak physics teachers. In Ciešla, P. (Ed.) *Active Science Education*. (pp. 7-19). University of the National Education Commission. <https://doi.org/10.24917/9788380848139.1>
- Chang, C. J., Liu, C. C., Wen, C. T., Tseng, L. W., Chang, H. Y., Chang, M. H., Chiang, S. H. F., Hwang, F. K., & Yang, C. W. (2020). The impact of light-weight inquiry with computer simulations on science learning in classrooms. *Computers & Education*, 146, 103770. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.103770>
- Chau, K., Bhattacharjee, A., Senapati, A., Guillemin, F., & Chau, N. (2022). Association between screen time and cumulating school, behavior, and mental health difficulties in early adolescents: A population-based study. *Psychiatry Research*, <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114467>
- Chen, M. L. (2022). The Impact of Mobile Learning on the Effectiveness of English Teaching and Learning – A Meta-Analysis. *IEEE Access*, 10, 38324–38334. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2022.3165017> *
- Chen, Z., Chen, W., Jia, J., & An, H. (2020). The effects of using mobile devices on language learning: A meta-analysis. *Educational Technology Research and Development*, 68. <https://doi.org/10.1007/s11423-020-09801-5> *
- Cho, K., Lee, S., Joo, M. H., & Becker, B. J. (2018). The effects of using mobile devices on student achievement in language learning: A meta-analysis. *Education Sciences*, 8(3), 105. <https://doi.org/10.3390/educsci8030105> *
- Cooper, H., & Koenka, A.C. (2012) The overview of reviews: unique challenges and opportunities when research syntheses are the principal elements of new integrative scholarship. *American Psychologist*, 67(6), 446–462. <https://doi.org/10.1037/a0027119>

- Ericsson Mobility Visualizer – Mobility Report*. (2023, February 23). Telefonaktiebolaget LM Ericsson. <https://d110erj175o600.cloudfront.net/wp-content/uploads/2022/11/29180338/Ericsson-Mobility-Report-November-2022.pdf>
- Feng, Y., Liao, Y., & Ren, Y. (2018). Effects of M-Learning on Students' Learning Outcome: A Meta-analysis. In L. Deng, W. W. K. Ma, & C. W. R. Fong (Eds.), *New Media for Educational Change* (pp. 115–123). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8896-4_10 *
- Garzón, J., Lampropoulos, G., & Burgos, D. (2023). Effects of Mobile Learning in English Language Learning: A Meta-Analysis and Research Synthesis. *Electronics*, 12(7), 1595. <https://doi.org/10.3390/electronics12071595>
- Güler, M., Bütüner, S. Ö., Danişman, Ş., & Gürsoy, K. (2022). A meta-analysis of the impact of mobile learning on mathematics achievement. *Education and Information Technologies*, 27, 1725–1745. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10640-x> *
- Güzeller, C. O., & Üstünel, F. (2016). Effects of Mobile Learning on Academic Achievement: A Meta Analysis. *Journal of Social Sciences/Sosyal Bilimler Dergisi*, 8(23), 528–561. *
- Hennessy, E. A., & Johnson, B. T. (2020). Examining overlap of included studies in meta-reviews: Guidance for using the corrected covered area index. *Research synthesis methods*, 11(1), 134–145. <https://doi.org/10.1002/jrsm.1390>
- Jin, W., & Sabio, C. J. (2018). Potential use of mobile devices in selected public senior high schools in the city of Manila Philippines. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 17(4), 102–114. <https://doi.org/10.26803/ijlter.17.4.7>
- Kärchner, H., Trautner, M., Willeke, S., & Schwinger, M. (2022). How handheld use is connected to learning-related factors and academic achievement: Meta-analysis and research synthesis. *Computers and Education Open*, 3, 100116. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2022.100116> *
- Kates, A. W., Wu, H., & Coryn, C. L. S. (2018). The effects of mobile phone use on academic performance: A meta-analysis. *Computers & Education*, 127, 107–112. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2018.08.012> *
- Keegan, D. (2000). From Distance Learning To E-learning To Mobile Learning. *Open Education Research*, 5, 211–217.
- Lee, Y. S., Sung, Y. T., Chang, K. E., Liu, T. C., & Chen, W. C. (2014). A meta-analysis of the effects of learning languages with mobile devices. In *New Horizons in Web Based Learning: ICWL 2014 International Workshops, SPeL, PRASAE, IWMP, OBIE, and KMEL, FET, Tallinn, Estonia, August 14-17, 2014, Revised Selected Papers 13* (pp. 106–113). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-13296-9_12 *
- Lei, H., Chiu, M. M., Wang, D., Wang, C., & Xie, T. (2022). Effects of Game-Based Learning on Students' Achievement in Science: A Meta-Analysis. *Journal of Educational Computing Research*, 60(6), 1373–1398. <https://doi.org/10.1177/07356331211064543> *
- Li, S., Xu, M., Zhang, Y., & Wang, X. (2023). The more academic burnout students got, the more problematic mobile phone use they suffered? A meta-analysis of mainland Chinese adolescents and young adults. *Frontiers in Psychology*, 13, 1084424. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1084424> *
- Liao, Y., Chen, C.-H., & Yang, Y.-C. (2020). A meta-analysis of the effects of mobile learning on students' academic achievement in Taiwan. *Contemporary Educational Research Quarterly*, 28, 67–102. [https://doi.org/10.6151/CERQ.202009_28\(3\).0003](https://doi.org/10.6151/CERQ.202009_28(3).0003) *
- Liberati, A., Altman, D. G., Tetzlaff, J., Mulrow, C., Gøtzsche, P. C., Ioannidis, J. P., ... & Moher, D. (2009). The PRISMA statement for reporting systematic reviews and meta-analyses of studies that evaluate health care interventions: explanation and elaboration. *Annals of internal medicine*, 151(4), W-65. <https://doi.org/10.7326/0003-4819-151-4-200908180-00136>
- Liu, Q., & Wu, J. (2023). What children learn in a digital home: the complex influence of parental mediation and smartphone interference. *Education and Information Technologies*, 1–19. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-12071-2>

- McDaniel, B. T., & Radesky, J. S. (2018). Technoference: Longitudinal associations between parent technology use, parenting stress, and child behavior problems. *Pediatric research*, 84(2), 210–218. <https://doi.org/10.1038/s41390-018-0052-6>
- Mihaylova, M., Gorin, S., Reber, T. P., & Rothen, N. (2022). A Meta-Analysis on Mobile-Assisted Language Learning Applications: Benefits and Risks. *Psychologica Belgica*, 62(1), 252. <https://doi.org/10.5334/pb.1146> *
- Moher, D., Liberati, A., Tetzlaff, J., Altman, D. G., & PRISMA Group*. (2009). Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses: the PRISMA statement. *PLoS Medicine*, 6(7), e1000097. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1000097>
- Mustafa Kamal, N. N., Mohd Adnan, A. H., Yusof, A. A., Ahmad, M. K., & Mohd Kamal, M. A. (2019, January). Immersive interactive educational experiences—adopting Education 5.0, Industry 4.0 learning technologies for Malaysian Universities. In *Proceedings of the International Invention, Innovative & Creative (InIIC) Conference, Series* (pp. 190–196).
- Mutambara, D., & Bayaga, A. (2021). Determinants of mobile learning acceptance for STEM education in rural areas. *Computers & Education*, 160, 104010. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.104010>
- Nakano, M. (2022). Artificial intelligence and robotic process automation for accounting and auditing in society 5.0. *Journal of Social Science*, 89, 51–61. <https://doi.org/10.34577/00005073>
- Okumuş Dağdelen, K. (2023). A systematic review of Mobile-Assisted Vocabulary Learning research. *Smart Learning Environments*, 10(1), 19. <https://doi.org/10.1186/s40561-023-00235-z>
- Öztürk, B., Kaya, M., & Demir, M. (2022) Does inquiry-based learning model improve learning outcomes? A second-order meta-analysis. *Journal of Pedagogical Research*, 6(4), 201–216. <https://doi.org/10.33902/JPR.202217481>
- Petersen-Brown, S. M., Henze, E. E., Klingbeil, D. A., Reynolds, J. L., Weber, R. C., & Coddling, R. S. (2019). The use of touch devices for enhancing academic achievement: A meta-analysis. *Psychology in the Schools*, 56(7), 1187–1206. <https://doi.org/10.1002/pits.22225> *
- Pieper, D., Antoine, S.-L., Mathes, T., Neugebauer, E. A. M., & Eikermann, M. (2014). Systematic review finds overlapping reviews were not mentioned in every other overview. *Journal of Clinical Epidemiology*, 67(4), 368–375. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2013.11.00>
- Romadiyah, H., Dayurni, P., & Fajari, L. E. W. (2022). Meta-Analysis Study: The Effect of Android-Based Learning Media on Student Learning Outcomes. *International Journal of Asian Education*, 3(4), 253–263. <https://doi.org/10.46966/ijae.v3i4.300> *
- Sahin, D., & Yilmaz, R. M. (2020). The effect of augmented reality technology on middle school students' achievements and attitudes towards science education. *Computers & Education*, 144, 103710. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.103710>
- Schmidt, F. L., & Oh, I. S. (2013). Methods for second-order meta-analysis and illustrative applications. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 121(2), 204–218. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2013.03.002>
- Selwyn, N., Hillman, T., Eynon, R., Ferreira, G., Knox, J., Macgilchrist, F., & Sancho-Gil, J. M. (2020). What's next for Ed-Tech? Critical hopes and concerns for the 2020s. *Learning, Media and Technology*, 45(1), 1–6. <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1694945>
- Shi, L., & Kopcha, T. J. (2022). Moderator effects of mobile users' pedagogical role on science learning: A meta-analysis. *British Journal of Educational Technology*, 53(6), 1605–1625. <https://doi.org/10.1111/bjet.13210> *
- Sunday, O. J., Adesope, O. O., & Maarhuis, P. L. (2021). The effects of smartphone addiction on learning: A meta-analysis. *Computers in Human Behavior Reports*, 4, 100114. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100114> *

- Sung, Y.-T., Chang, K.-E., & Yang, J.-M. (2015). How effective are mobile devices for language learning? A meta-analysis. *Educational Research Review*, 16(1), 68–84. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2015.09.001> *
- Sung, Y.-T., Chang, K.-E., & Liu, T.-C. (2016). The effects of integrating mobile devices with teaching and learning on students' learning performance: A meta-analysis and research synthesis. *Computers & Education*, 94, 252–275. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2015.11.008>
- Sung, Y.-T., Yang, J.-M., & Lee, H.-Y. (2017). The Effects of Mobile-Computer-Supported Collaborative Learning: Meta-Analysis and Critical Synthesis. *Review of Educational Research*, 87(4), 768–805. <https://doi.org/10.3102/0034654317704307> *
- Talan, T. (2020). The Effect of Mobile Learning on Learning Performance: A Meta-Analysis Study. *Educational Sciences: Theory & Practice*, 20(1), 1. <https://doi.org/10.12738/jestp.2020.1.006> *
- Talan, T., Y. Doğan, & Batdı V. (2020). Efficiency of Digital and Non-Digital Educational Games: A Comparative Meta-Analysis and a Meta-Thematic Analysis. *Journal of Research on Technology in Education*, 52(4), 474–514. <https://doi.org/10.1080/15391523.2020.1743798> *
- Tamim, R. M., Borokhovski, E., Pickup, D., Bernard, R. M., & El Saadi, L. (2015). *Tablets for teaching and learning: A systematic review and meta-analysis*. Commonwealth of Learning. Retrieved from: <https://oasis.col.org/server/api/core/bitstreams/678099a2-4d78-4fc3-a6b8-3f9e81f51c7e/content> *
- Tingir, S., Cavlazoglu, B., Caliskan, O., Koklu, O., & Intepe-Tingir, S. (2017). Effects of mobile devices on K–12 students' achievement: A meta-analysis. *Journal of Computer Assisted Learning*, 33(4), 355–369. <https://doi.org/10.1111/jcal.12184> *
- Troll, E. S., Friese, M., & Loschelder, D. D. (2020). How students' self-control and smartphone-use explain their academic performance. *Computers in Human Behavior*, 117, 106624. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106624>
- Ulum, H. (2022). The effects of online education on academic success: A meta-analysis study. *Education and Information Technologies*, 27(1), 429–450. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10740-8> *
- Van Aert, R. C., Wicherts, J. M., & Van Assen, M. A. (2019). Publication bias examined in meta-analyses from psychology and medicine: A meta-meta-analysis. *PloS one*, 14(4), e0215052. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0215052>
- Wang, J., Tigelaar, D. E. H., Zhou, T., & Admiraal, W. (2023). The effects of mobile technology usage on cognitive, affective, and behavioural learning outcomes in primary and secondary education: A systematic review with meta-analysis. *Journal of Computer Assisted Learning*, 39(2), 301–328. <https://doi.org/10.1111/jcal.12759> *
- Wang, M., Lwin, M. O., Cayabyab, Y. M. T. M., Hou, G., & You, Z. (2023). A Meta-Analysis of Factors Predicting Parental Mediation of Children's Media Use Based on Studies Published Between 1992–2019. *Journal of Child and Family Studies*, 32(5), 1249–1260. <https://doi.org/10.1007/s10826-022-02459-y>
- Xu, Y., & Fang, F. (2022). Internationalization of teacher education and the nation state: rethinking nationalization in Singapore: by Rita Z. Nazeer-Ikeda, London, Routledge, 2020, 262 pp., ISBN 978-0-367-22704-3. *Asia Pacific Journal of Education*, 0(0), 1–3. <https://doi.org/10.1080/02188791.2022.2151740>
- Yang, J.-M., Sung, Y.-T., & Chang, K.-E. (2020). Use of Meta-Analysis to Uncover the Critical Issues of Mobile Inquiry-Based Learning. *Journal of Educational Computing Research*, 58(4), 715–746. <https://doi.org/10.1177/0735633119879366> *
- Yi, Y. J., You, S., & Bae, B. J. (2016). The influence of smartphones on academic performance: The development of the technology-to-performance chain model. *Library Hi Tech*, 34(3), 480–499. <https://doi.org/10.1108/lht-04-2016-0038>

- Yu, D., Yan, Z., & He, X. (2022). Capturing knowledge trajectories of mobile learning research: A main path analysis. *Education and Information Technologies*, 27(5), 7257–7280. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10869-6>
- Zhai, X., Zhang, M., Li, M., & Zhang, X. (2019). Understanding the relationship between levels of mobile technology use in high school physics classrooms and the learning outcome. *British Journal of Educational Technology*, 50(2), 750–766. <https://doi.org/10.1111/bjet.12700>
- Zhao, K. (2020). Educating for wholeness, but beyond competences: Challenges to key-competences-based education in China. *ECNU Review of Education*, 3(3), 470–487. <https://doi.org/10.1177/2096531120935463>
- Zheng, L., Li, X., Tian, L., & Cui, P. (2018). The effectiveness of integrating mobile devices with inquiry-based learning on students' learning achievements: A meta-analysis. *International Journal of Mobile Learning and Organisation*, 12(1), 77–95. <https://doi.org/10.1504/IJMLO.2018.089238> *

Поступила в редакцию: 28.09.2023

Поступила после рецензирования: 07.01.2024

Принята к публикации: 24.05.2024

Заявленный вклад авторов

Юлия Львовна Проект – разработка стратегии исследования, составление протокола исследования, анализ и интерпретация результатов исследования, подготовка текста статьи.

Елена Борисовна Спасская – участие в анализе теоретических источников, отбор мета-анализов и их оценка, обобщение результатов исследования и предложения о перспективах исследования.

Нина Олеговна Иванушкина – участие в анализе теоретических источников, отбор мета-анализов и их оценка, математико-статистическая обработка данных.

Ольга Сергеевна Бочарова – участие в анализе теоретических источников, отбор мета-анализов и их оценка.

Информация об авторах

Юлия Львовна Проект – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и информационных технологий в образовании, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Российская Федерация; WoS Researcher ID: D-9792-2017, Scopus Author ID: 57197748967, Author ID: 151160; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1914-9118>; e-mail: proekt.jl@gmail.com

Елена Борисовна Спасская – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus

Юлия Л. ПРОЕКТ, Елена Б. СПАСКАЯ, Нина О. ИВАНУШКИНА, Ольга С. БОЧАРОВА
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ШКОЛЬНИКОВ:
МЕТА-АНАЛИЗ ВТОРОГО ПОРЯДКА
РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 21(2), 2024

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Author ID: 58556901300, Author ID: 1207914, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-7425-8236>; e-mail: spasskaya_e@mail.ru

Нина Олеговна Иванушкина – инженер-исследователь института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-1914-6059>; e-mail: ninaivanushkina@herzen.spb.ru

Ольга Сергеевна Бочарова – инженер-исследователь института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7338-1637>; e-mail: olgabocharova@herzen.spb.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.4>

Непроизвольное запоминание и контекстно-зависимое узнавание лексической информации

Анна А. Золотухина*, Оксана А. Сермакшева, Андрей Ю. Агафонов,
Алла А. Гудзовская, Александр К. Гришин, Ольга В. Крамаренко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: morozova.86@mail.ru

Аннотация

Введение. В сфере изучения контекстно-зависимой памяти выделяют две линии исследований: контекстно-зависимое воспроизведение и контекстно-зависимое узнавание. Различные экологические контексты влияют на продуктивность произвольного запоминания при использовании свободного воспроизведения и техники узнавания. Наше исследование нацелено на установление влияния внешних контекстов непроизвольного запоминания лексических единиц на эффективность их последующего узнавания. **Методы.** В процедуре изменялись состояния двух переменных: глобальный контекст (вид помещения) и локальный контекст (цвет фона и локализация слова на экране). На первом этапе 107 испытуемых решали сенсомоторную задачу, связанную с идентификацией целевого стимула, имеющего опознавательный признак (буква «а» в составе слова). На втором этапе, где варьировались контекстуальные условия, требовалось узнать ранее предъявленные слова в ряду новых слов-дистракторов. Оценивались точность опознания, время реакции и уверенность в ответе. **Результаты.** Установлено, что эмпирические маркеры «точность опознания» и «время реакции» являются малоинформативными для оценки мнемической продуктивности. Анализ показателя «степень уверенности» показал, что независимо от сохранения / изменения контекстов правильные ответы даются с большей уверенностью. Повторение локального контекста в ситуации опознания вербальных стимулов приводит к сокращению времени ответа и

увеличению уверенности для слов с тем опознавательным признаком, который был релевантен цели деятельности во время запоминания. Изменение глобального контекста не вызывает подобного эффекта. **Обсуждение результатов.** Основными факторами, от которых зависит узнавание лексических единиц при их ненамеренном запоминании, являются локальный контекст и тот «ключевой признак» (Э. Тульвинг), с которым была ассоциирована ответная реакция во время кодирования. Перспективой в изучении феноменологии контекстно-зависимой памяти может стать исследование роли моторного контекста в мнемической деятельности.

Ключевые слова

непроизвольное запоминание, контекстно-зависимая память, контекстно-зависимое узнавание, опознавательный признак, локальный контекст, глобальный контекст

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01040, <https://rscf.ru/project/23-28-01040/>

Для цитирования

Золотухина, А. А., Сермакшева, О. А., Агафонов, А. Ю., Гудзовская, А. А., Гришин, А. К., Крамаренко, О. В. (2024). Непроизвольное запоминание и контекстно-зависимое узнавание лексической информации. *Российский психологический журнал*, 21(2), 60–80. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.4>

Введение

Восприятие и кодирование информации, как и любая другая психическая активность, осуществляются в определенных физических условиях, в конкретной обстановке – контексте ситуации. По причине тривиальности этого соображения роль контекстуальных факторов в мнемической деятельности нередко недооценивается. Вместе с тем, во многих случаях восстановленный контекст запоминания может служить действенной подсказкой, облегчающей извлечение нужной информации.

Яркий пример контекстуально опосредованной памяти приводит А. Р. Лурия (1994), который в течение многих лет изучал феноменальные способности Шерешевского: «*Опыты показали, что он с успехом...может воспроизводить любой длинный ряд слов, данных ему неделю, месяц, год, много лет назад. Некоторые из таких опытов, неизменно кончавшихся успехом, были проведены спустя 15-16 лет (!) после первичного запоминания ряда и без всякого предупреждения. В подобных*

случаях Ш. садился, закрывал глаза, делал паузу, а затем говорил: «да-да... это было у вас на той квартире... вы сидели за столом, а я на качалке..., вы были в сером костюме и смотрели на меня так... вот... я вижу, что вы мне говорили...» – и дальше следовало безошибочное воспроизведение» (с. 10).

Как ни парадоксально, произвольно запоминаемый материал порой труднее восстановить затем в сознании, чем сопряженный с ним контекст, который, в большинстве случаев, запоминается имплицитно, а точнее, произвольно. На это, в частности, обращает внимание Ж. Годфруа (1992): «Контекст, в котором происходит то или иное событие, иногда оказывается более важным для запоминания, чем само это событие» (с. 351). Повторение контекста кодирования в ситуации воспроизведения часто помогает извлечению необходимой информации. Так эпизодическая память помогает активизации следов памяти семантической.

Принято считать, что исследования феноменологии контекстно-зависимой памяти были инициированы Э. Тульвингом, предложившим так называемый **принцип специфичности кодирования**. Согласно этому принципу, результативности воспроизведения способствует сходство условий при запоминании информации и её извлечении (Tulving & Thomson, 1971; Tulving & Thomson, 1973). Работы Э. Тульвинга и его коллег, главным образом, касались изучения ассоциативных или, иначе, ключевых признаков, которые облегчают доступ к искомой информации. Так, например, в одном из экспериментов испытуемым предлагалось запоминать слова, сгруппированные в семантические категории, с указанием названия каждой из них. В тестовом задании одной группе демонстрировались названия категорий в качестве подсказок, другой группе эти названия не сообщались. Оказалось, что в экспериментальной группе испытуемые воспроизводили больше стимульных слов по сравнению с контрольным условием, где участникам не давались ассоциативные подсказки (Tulving & Pearlstone, 1966). «Доступность той или иной «энграммы» для актуализации, – указывает В. В. Нуркова (2009), – определяется совпадением ключевых элементов ситуации запечатления и воспроизведения» (с. 60). Однако нужно заметить, что «ключевые элементы» в исследованиях Э. Тульвинга относились, скорее, к структуре мнемической задачи, а не к внешним условиям, при которых происходило запоминание, а затем воспроизведение. Иначе говоря, эти элементы («признаки», в терминах Э. Тульвинга) не являлись составляющими ситуативного контекста, а входили в условие самой задачи.

Дальнейшее изучение контекстуальных переменных было связано с определением роли локальных факторов и условий (главным образом, экологических) в процессе решения мнемических задач разного типа. Начиная с 70-х годов прошлого века, область феноменологии контекстно-зависимой памяти не только стала быстро расширяться, но и перестала быть гомогенной. Внутри этой области можно выделить два основных русла исследований: контекстно-зависимое воспроизведение и контекстно-зависимое узнавание. Такое разделение неслучайно, поскольку о сохранности информации в памяти в экспериментальных

процедурах преимущественно судят по результативности воспроизведения или опознания. Кроме того, для дифференцированной оценки эффектов контекстуальной зависимости существенное значение имеет решаемая когнитивная задача в ситуации запоминания. В одном случае она требует контроля сознания, то есть материал запоминается произвольно. В другом случае перед испытуемым не ставится мнемическая задача; тогда имеет место произвольная форма запоминания. Эффекты контекстно-зависимой памяти могут заметно отличаться в зависимости от характера познавательной задачи, решаемой в момент запоминания, метода оценки сохранности материала, а также тех контекстуальных характеристик, которые в разной степени обуславливают запечатление и актуализацию искомой информации. Это, собственно, и подтверждает обзор экспериментальных работ по контекстно-зависимой памяти, посвященный исключительно влиянию экологических переменных или, иначе, внешне-контекстуальных факторов (Smith & Vela, 2001).

Контекстами мнемической деятельности могут выступать не только физическая среда, диспозиции элементов ситуации и стимульные условия, но и «внутренние» факторы, например, психофизиологическое состояние, настроение или эмоции (Eich, 1995; Eich & Metcalfe, 1989; Balch, Myers & Papotto, 1999; Isarida & Isarida, 1999). Так, например, показано, что воспроизведение более продуктивно, если субъект при экспликации материала находится в том же эмоциональном состоянии, в каком он был в момент запоминания (Robinson & Rollings, 2011). Эффект конгруэнтности (хотя и иного рода) выражается также в том, что эмоционально-позитивный материал усваивается лучше, если человек испытывает положительные эмоции, а негативная информация прочнее запоминается в эмоционально сниженном состоянии (см. Изард, 2000. с. 87, 88). Для обозначения всей совокупности переменных, относящихся к субъекту мнемической деятельности, S. Smith (1995) предложил понятие ментального контекста, который включает в себя не только настроение и психофизиологическое состояние, но также мотивационный компонент.

Как было сказано, в исследовательской практике (равно как и в обыденной жизни) о сохранении следов памяти представляется возможным судить исходя из продуктивности свободного воспроизведения или же узнавания. Рассмотрение работ, выполненных с использованием этих способов тестирования сохранности материала, поможет лучше понять особенности контекстуальных эффектов, возникающих при разных видах мнемической активности.

Контекстно-зависимое воспроизведение

Изучение воздействия собственно экологического контекста (физической среды) на работу памяти было стимулировано исследованием D. Godden & A. Baddeley (1975), результаты которого получили впоследствии широкую известность. В их эксперименте испытуемые, в качестве которых выступали дайверы, запоминали слова

в двух средах: под водой и на суше. Оказалось, что воспроизведение существенно более эффективно в той же среде, в которой происходило заучивание. (Позже было экспериментально показано, что даже мысленное представление ситуационных условий запоминания, как в случае Шерешевского, облегчает воспроизведение (Smith, 1979)). Чаще всего в психологической литературе под эффектом контекстно-зависимой памяти как раз и понимают улучшение продуктивности воспроизведения при соответствии (тождестве или сходстве) ситуационных условий кодирования и извлечения материала.

Справедливости ради стоит заметить, что репликация классического эксперимента Д. Годдена и А. Бэддели не выявила выраженный эффект контекстуальной зависимости (Murre, 2021). Автор исследования, не ставя под сомнение феномен контекстно-зависимой памяти, объясняет полученный результат значимым воздействием локальных детерминант, которые в оригинальном исследовании и его репликации несколько различались (тип водной среды, глубина погружения, температура воды, время интервала удержания и прочее).

Контекст места как частный случай экологического контекста являлся предметом недавнего исследования Choi et al. (2023), которые в реальных условиях повседневной жизни через каждые 60 секунд в течение пяти недель фиксировали местоположение испытуемых с помощью GPS. В ходе тестового испытания участникам нужно было вспомнить свое местонахождение в определенное время. Авторы обнаружили: результативность возрастает, если тестовые замеры производятся в том же внешнем контексте, что и прежний.

Контекстуальными переменными могут выступать не только физическая среда или местоположение, но и любые внешние факторы, например, акустические, обонятельные и даже вкусовые стимулы. Так, в исследовании, проведенном Grant et al. (1998), студенты изучали учебный материал (статья по психоиммунологии) в тихих или шумных условиях, а контекстуальная зависимость оценивалась с помощью заданий с кратким ответом и множественным выбором. Было установлено, что независимо от метода оценки воспроизведения, результативность оказалась выше при совпадении контекстов кодирования и извлечения материала.

В свою очередь, исследование Ocker & Kreidler (2018) было направлено на выявление зависимости качества усвоения материала при просмотре видеоролика от вкуса жевательной резинки. Ожидаемый эффект контекста при этом не был обнаружен: жевание резинки в момент обучения и во время воспроизведения не оказывает положительного влияния на припоминание. Эффект не наблюдался и в других аналогичных экспериментах (Tucha, Mecklinger, Hammerl & Lange, 2004; Miles & Johnson, 2007; Reinhart, 2015).

В ряде работ получены данные о влиянии контекста запаха (odor context) на воспроизведение (Hackländer & Bermeitinger, 2017; Cann & Ross, 1989; Ball, Shoker & Miles, 2010); Isarida et. al., 2014; Parker, Ngu & Cassaday, 2001 и другие), цвета фона,

на котором воспринималась фокусная информация (Isarida & Isarida, 2007), фоновой музыки (Balch, Bowman & Mohler, 1992; Balch & Lewis, 1996; Mead & Ball, 2007), а также видеоконтекста (Sakai, Miyamoto, Isarida & Isarida, 2011).

Проведенный метаанализ 75-и экспериментальных работ показал, что практически во всех исследованиях эффекты экологического контекста оказались достоверными, хотя их величина сильно различается (Smith & Vela, 2001). В тех случаях, когда воздействия со стороны окружающей среды в силу тех или иных факторов подавляются, эффекты контекстуальной зависимости воспроизведения уменьшаются. К таким факторам относят ассоциативную обработку семантической информации при запоминании, кодировку межэлементных связей и мысленное представление элементов, не включенных в контекст кодирования. Другими словами, все когнитивные действия, которые снижают восприимчивость к контексту, затегают и, тем самым, ослабляют воздействие контекстуальных переменных (Smith & Vela, 2001).

Контекстно-зависимое узнавание

Экспериментальные данные относительно влияния внешнего контекста на воспроизведение, в целом, не являются столь противоречивыми, как результаты исследований контекстно-зависимого узнавания (context-dependent recognition), в особенности, вербальных стимулов. В некоторых работах не удалось выявить контекстуальную зависимость (Baddeley, 1982; Godden & Baddeley, 1980; Smith, Glenberg & Bjork, 1978).

А. Бэддели, используя технику узнавания, а не свободного воспроизведения, не обнаружил выраженного эффекта контекста. По мнению автора, физические условия могут значительно помогать в определении места следа в хранилище памяти, но не стимулируют опознание искомым стимульным элементов. Иначе говоря, внешний контекст в процессе узнавания не предоставляет дополнительных преимуществ для актуализации следа (Baddeley, 2001).

Действительно, при воспроизведении любые элементы воспринимаемой ситуации, в которой происходило заучивание целевой информации, могут служить средствами фасилитации (улучшения, повышения эффективности) её поиска. В тестах же на узнавание предъявленный искомым стимул уже является правильной подсказкой, которая не просто наводит на верный вариант ответа, а представляет собой такой вариант. Согласно гипотезе «затмевания» (outshining), контекстуальная информация при тестировании не исчезает, а «затмевается», поэтому утрачивается возможность влиять на выбор искомым стимулов на фоне самих объектов узнавания (Smith, 1994). В силу этого, контекстуальные переменные при узнавании должны иметь меньший вес, чем при воспроизведении. По результатам анализа S. Smith & E. Vela (2001), о котором упоминалось выше, использование метода узнавания снижает чувствительность к изменению внешнего контекста, но, вместе с тем,

она сохраняется. Серия работ, выполненных К. Murnane & М. Р. Phelps (1993, 1994, 1995), являются тому подтверждением. Контекстом в их процедурах являлись конфигурации стимулов, предъявляемых на экране. Целевые слова опознавались в старых и новых конфигурациях. В большинстве экспериментов К. Мурнейна и М. Фелпса было обнаружено, что восстановленные контексты в сравнении с новыми оказывают положительный эффект, а именно: целевые слова опознаются лучше в старом контексте. (Примечательно, что старые контексты провоцировали ложные тревоги, то есть увеличивали количество ошибочных реакций выбора). Эти результаты согласуются с данными, представленными М. Чуном и коллегами, которые установили, что повторение прежней конфигурации дистракторов, выступающей контекстуальной подсказкой, существенно ускоряет поиск целевого стимула, при том, что сами конфигурации запоминаются имплицитно (Chun, 2000; Chun & Jiang, 1998). Существуют и другие свидетельства в пользу признания факта контекстно-зависимого узнавания невербальной информации (Malpass, & Devine, 1981).

В серии экспериментов, где использовался вербальный стимульный материал, получены данные, демонстрирующие эффекты контекста места (Canas & Nelson, 1986; Emmerson, 1986; Smith, 1985; Smith, 1986), эффекты видеоконтекста (Isarida et al., 2020), а также эффекты контекста среды (виртуальная / реальная) на результативность узнавания (Parker et al., 2020).

Выраженность контекстуальных эффектов должна уменьшаться при возрастании когнитивной нагрузки в момент запоминания. Чем больше ментальных усилий затрачивается в процессе обработки воспринимаемой информации, тем меньше сохраняется зависимость кодирования от контекста среды. S. Smith (1986) продемонстрировал влияние уровня (глубины) обработки информации во время запечатления на точность узнавания. При поверхностной обработке был обнаружен эффект ситуативного контекста (контекста места), в то время как глубокая обработка материала устраняла контекстуальную зависимость. Однако в другой работе этот результат не был воспроизведен (Smith, Vela & Williamson, 1988). Таким образом, вопрос о том, существует ли зависимость узнавания от внешних контекстуальных факторов, по-прежнему требует прояснения.

Цель и гипотезы исследования

Исследования феномена контекстно-зависимого узнавания преимущественно касаются произвольного запоминания, в то время как эффекты контекста произвольной памяти редко становятся предметом самостоятельного изучения. Цель нашего исследования: установить влияние контекстуальных условий на эффективность узнавания лексического материала при его произвольном запоминании.

В экспериментальных работах данной тематики, как правило, оцениваются объем воспроизведения мнемической продукции или количество идентифицированных

стимулов при использовании тестов на узнавание. Мы решили дополнить эмпирические маркеры успешности показателями «время реакции» и «степень уверенности в ответе», чтобы получить более детализированную картину результатов. Кроме того, моторная реакция, ассоциированная с выбором релевантного стимула, также может рассматриваться как своеобразный контекст, поэтому процедурные условия были организованы таким образом, чтобы стало возможным проверить влияние и этого фактора.

Внешние переменные, которые могут иметь значение для контекстно-зависимого узнавания, по нашему предположению, относятся к двум разным планам ситуации (эпизода): центральному и периферическому. Центральный план составляют характеристики непосредственного фона, на котором целевая информация воспринимается в качестве фигуры (главным образом, пространственно-временные, интенсивностные и хроматические характеристики). Это и есть *локальный контекст* восприятия и произвольного запоминания. Периферический план образует предметная среда, которая является контекстом места или, иначе *глобальным контекстом*.

Исходя из этого, перед процедурой эксперимента были сформулированы следующие **гипотезы**:

1. Эффективность узнавания будет наибольшей при кооперации глобального и локального контекстов произвольного запоминания лексических элементов.
2. Сохранение локального контекста кодирования в большей мере влияет на продуктивность узнавания слов, чем сохранение глобального контекста.
3. Эффективность узнавания слов, которые при запоминании сопровождались моторной реакцией, будет выше по сравнению со словами, неассоциированными с ответной реакцией.

Метод

Испытуемые

К участию в эксперименте было привлечено в общей сложности 107 добровольцев в возрасте от 17 до 36 лет ($M = 22$). Из них 68 испытуемых женского пола. Все участники имели нормальное зрение. Выборка была разделена на четыре экспериментальные группы: ЭГ1 (29 чел.), ЭГ2 (29 чел.), ЭГ3 (26 чел.) и ЭГ4 (23 чел.). Оплата участия в эксперименте не предусматривалась.

Процедура и стимульный материал

Для проведения процедуры была написана компьютерная программа, позволяющая изменять стимульные элементы и их последовательность, задавать время предъявления стимулов, фиксировать время реакции и уверенность в ответе, а также сохранять результаты в базе данных с возможностью их дальнейшей обработки.

Эксперимент проводился в двух помещениях: рабочем кабинете и учебной аудитории (компьютерном классе). Процедура строилась в два этапа. Первый этап проходил в рабочем кабинете и для испытуемых всех групп был инвариантным. Участников перед началом испытаний информировали, что исследование посвящено изучению внимания. О втором этапе процедуры не сообщалось.

Во время первого этапа на экране монитора последовательно предъявлялись 152 слова с денотативными (предметными) значениями (*стол, звезда, озеро* и пр.) (Диагональ экрана – 15,6 дюймов. Размер шрифта – 72, шрифт – Times New Roman, цвет – черный). Из них – 32 слова, которые впоследствии использовались на втором этапе, были условно названы «релевантные», остальные – «иррелевантные». Экран был разделен на два одинаковых по размеру окна: слева – окно желтого цвета, справа – оранжевого (рис. 1). Цвета и их локализация в ходе процедуры не изменялись. Все слова предъявлялись в центре одного из окон в псевдослучайном порядке. В одном и том же окне экрана предъявлялось не более двух стимулов подряд.

Рисунок 1

Вид экрана

Половина всех слов содержала букву «а». Релевантные слова в 50% случаев (16 слов) также имели в составе букву «а». Все релевантные слова с буквой «а» предъявлялись только в правом окне экрана на оранжевом фоне. Соответственно, релевантные слова без буквы «а» – только в левом окне, на желтом фоне. Для иррелевантных слов это правило не действовало. В общей сложности в каждом окне экрана предъявлялось по 76 слов с буквой «а».

Для того чтобы поставить под контроль возможное действие фактора края, в стимульном листе релевантные слова как на первом, так и на втором этапах занимали позиции в диапазоне от 22-ого до 130-ого слова.

Согласно инструкции, испытуемым нужно было реагировать нажатием клавиши Enter только на предъявление тех слов, которые содержат букву «а». Время реакции и другие показатели на первом этапе не фиксировались.

После завершения первого этапа через 120 ± 10 секунд начинался второй этап процедуры, на котором менялись иррелевантные стимулы и инструкция испытуемому. Прежние иррелевантные стимулы заменялись на 120 новых слов. Локализация цвета фона и список релевантных слов не изменялись. Инструкция испытуемому: «Вам необходимо как можно быстрее реагировать нажатием клавиши Enter только на те слова, которые Вам предъявлялись ранее. После этого нужно оценить степень уверенности в правильности опознания». Степень уверенности после каждой реакции оценивалась по шкале от -2 до +2 («не уверен» / «скорее не уверен» / «скорее уверен» / «уверен»). На этом этапе фиксировалось: количество правильных выборов, количество ошибочных выборов (ложные тревоги), время реакции (ВР) и степень уверенности в ответе.

В отсутствие моторной реакции слово экспонировалось 1600 мс, после чего демонстрировалось следующее слово. После моторной реакции слово пропадало с экрана, и на белом фоне в центре экрана предъявлялась шкала оценки степени уверенности в ответе. С помощью клавиш ← или → необходимо было выбрать соответствующее значение. После нажатия клавиши Пробел появлялось новое слово.

Время реакции, очевидно, зависит от фиксации взгляда до момента экспозиции стимула. Если локализация слова изменяется по сравнению с предъявлением предыдущего стимула, то это высоковероятно должно приводить к задержке сенсомоторной реакции. Если же предшествующее слово экспонируется в том же окне экрана, что и актуально воспринимаемое слово, то время, которое требуется на саккаду, не затрачивается. Учитывая это обстоятельство, при составлении стимульной последовательности были выравнены количество релевантных слов, предъявляемых в том же окне экрана, что и предыдущее слово, и количество релевантных слов, изменяющих локализацию относительно предыдущего стимула.

Планом эксперимента предусматривалось манипулирование двумя независимыми переменными: глобальный контекст (ГК) и локальный контекст (ЛК). Такое различие объясняется как разницей в количестве и характере связи элементов контекста с целевой информацией, так и временем сохранения контекста. Неизменные контексты, включающие большое количество элементов, обычно в психологической литературе называют глобальными, в то время как контексты, в состав которых входит минимальное количество информационных признаков, и которые изменяются в короткие промежутки времени, – локальными (Glenberg, 1979; Bergmann & Schubö, 2021).

Под ЛК в нашем случае понимается цвет фона, на котором предъявлялись релевантные слова. Поскольку локализация цвета фона на втором этапе не изменялась, то ЛК представлял собой комбинацию «локализация+фон». ГК являлся вид помещения (рабочий кабинет или учебная аудитория). Таким образом, каждая из независимых переменных имела два состояния: сохранение/изменение контекста на втором этапе процедуры. При сохранении ЛК релевантные слова на втором этапе предъявлялись в той же локализации на экране, на том же фоне и на тех же позициях в стимульной последовательности, что и на первом этапе. При изменении ЛК для релевантных слов менялся порядковый номер в стимульном листе, изменялся на альтернативный цвет фона и, соответственно, локализация. Сохранение ГК означало проведение второго этапа в том же помещении, что и первого этапа (рабочий кабинет). При изменении ГК второй этап проходил в другом помещении (учебная аудитория).

Для экспериментальных групп условия второго этапа различались. В ЭГ1 на втором этапе ЛК и ГК оставались неизменными. В ЭГ2 изменялся ЛК и сохранялся ГК. В ЭГ3 сохраняется ЛК и изменяется ГК. В ЭГ4 изменялись как ЛК, так и ГК. (см. табл. 1). Характеристики экрана при изменении ГК не отличались.

Таблица 1

Условия прохождения второго этапа для разных экспериментальных групп

	Локальный контекст (ЛК)	Глобальный контекст (ГК)
ЭГ1	+	+
ЭГ2	-	+
ЭГ3	+	-
ЭГ4	-	-

Результаты

Поскольку группы отличались по количеству участников, первоначально для каждого экспериментального условия были рассчитаны средние значения для всех реакций, а также отдельно для верных ответов и ложных тревог. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
 Средние значения результативности опознания

ЭГ	Среднее количество реакций	Среднее количество верных ответов	Среднее количество ложных тревог
ЭГ1	57,7	17,2	40,4
ЭГ2	43,6	14,4	29,2
ЭГ3	39,4	15,5	23,9
ЭГ4	46,3	15,9	30,4

Из таблицы 2 видно, что в ЭГ1 испытуемые давали больше всего ответов, как верных, так и ошибочных. Количество верных ответов в каждой группе оказалось меньше, чем количество ложных тревог. Расчет значимости различий в соотношении общего количества верных и ошибочных ответов (критерий χ^2), показал, что это соотношение разное при разных экспериментальных условиях ($p < 0,01$).

Для анализа результатов по параметру ВР были рассчитаны средние значения и стандартное отклонение. Результаты, выходящие за пределы интервала $\bar{x} \pm 2\sigma$, были исключены из дальнейшего анализа. Выбросы составили 5–6% крайних значений для каждой ЭГ. В таблице 3 отражены средние значения ВР при верных и ошибочных ответах для каждой группы.

Таблица 3
 Время реакции при верных и ошибочных ответах (мс)

	Все реакции		Уровень значимости
	Верные	Ошибочные	
ЭГ1	868,3	878,6	0,399
ЭГ2	877,1	844,0	0,217
ЭГ3	906,3	931,8	0,052
ЭГ4	878,3	926,3	0,003

Установлено, что ВР при верных и ошибочных ответах значимо не различается, за исключением ЭГ4, в которой ВР при ложных тревогах значимо увеличивается, по сравнению с ВР при верных ответах ($p = 0,003$) по t-критерию Стьюдента.

Далее были рассчитаны средние значения степени уверенности в ответе и уровни значимости различий по этому показателю для верных и ошибочных ответов. Данные приведены в таблице 4.

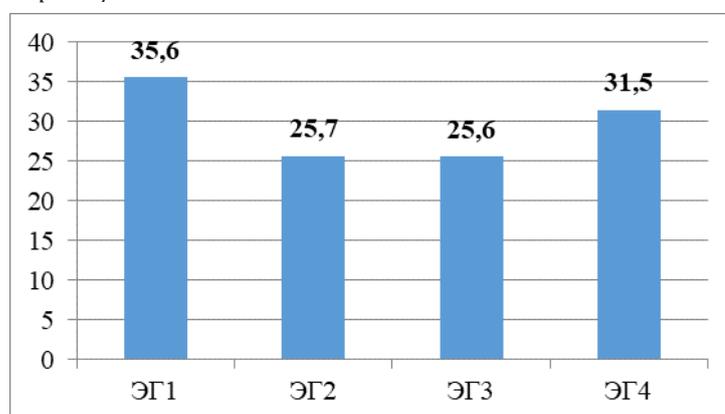
Таблица 4
Степень уверенности в ответе

	Все реакции		Уровень значимости
	Верные	Ошибочные	
ЭГ1	0,96	0,69	0,000
ЭГ2	0,89	0,48	0,000
ЭГ3	1,12	0,66	0,000
ЭГ4	1,06	0,60	0,000

Оказалось, что степень уверенности значимо выше ($p \leq 0,000$) при верных ответах независимо от экспериментальных условий (t-критерий Стьюдента).

Предметом отдельного анализа стали реакции на слова, которые имели в составе букву «а». На рисунке 1 показаны средние значения количества таких реакций для разных групп испытуемых.

Рисунок 1
Среднее количество реакций на слова с «а»

Обнаружено, что среднее количество реакций на слова с «а» больше в ЭГ1. На количество таких реакций значимое влияние оказывают контекстуальные переменные. Связь между факторным и результативным признаками статистически значима по критерию χ^2 ($p < 0,001$).

Анализ ВР при верных и ошибочных реакциях на слова с «а» позволил установить, что в ЭГ1 и ЭГ3, где сохранялся локальный контекст, быстрее всего давался верный ответ (839,5 мс и 874,3 мс, соответственно). Вместе с тем, в этих группах происходило замедление ВР при верных ответах на слова без «а» (900,9 мс и 961,5 мс, соответственно). По времени верных ответов на слова с «а» между группами есть только одно статистически значимое различие: ЭГ1 и ЭГ2 ($p \leq 0,037$) (смена локального контекста). ВР в ЭГ1 значимо меньше, чем в ЭГ2 (839,5 и 879,2 мс, соответственно). Остальные группы по ВР при верных ответах на слова с «а» не различаются между собой.

Влияние ГК можно увидеть на фоне сохранения ЛК (ЭГ1 и ЭГ3) и на фоне его изменения (ЭГ2 и ЭГ4). Было обнаружено, что испытуемые ЭГ3 значимо медленнее реагируют на слова с «а» ($p = 0,000$). При изменении ЛК фактор ГК не влияет на ВР на слова с «а», как при верных, так и ошибочных ответах. При этом, в ЭГ2 и ЭГ4 значимо замедляется ВР на слова без «а» независимо от правильности ответа (846,3 и 925,0 мс, соответственно, при $p = 0,000$).

Степень уверенности при *верных ответах* значимо выше и на слова с «а», и на слова без «а». Это правило частично нарушается в ЭГ1 и ЭГ3, где ЛК не изменялся. Здесь различия в уверенности не достигают значимости между правильными и неправильными ответами на предъявление слов без «а». Вместе с тем, для ЭГ1, ЭГ2 и ЭГ3 уверенность в ответе значимо выше при реакциях на слова с «а», чем на слова без «а». В ЭГ4 такая закономерность не была установлена.

Смена ЛК при сохранении ГК (ЭГ1 и ЭГ2) привела к значимому снижению степени уверенности в ответах при реагировании на слова с «а» (1,014 и 0,860, $p = 0,004$), без «а» (0,626 и 0,401, $p = 0,002$), как при верных ответах на слова с «а» (0,91 и 0,70, $p = 0,002$), так и ошибочных реакциях на слова без «а» (0,576 и 0,285, $p = 0,001$). Сравнение ЭГ2 и ЭГ3 также подтверждает значимое влияние ЛК на степень уверенности в ответе. Сохранение ЛК при смене ГК (условие в ЭГ3) обеспечивает значимо более высокие показатели уверенности при реакциях на слова с «а» (0,860 и 1,006, $p = 0,017$) и слова без «а» (0,810 и 0,401, $p = 0,000$), как при верных ответах ($p = 0,033$), так и ошибочных ($p = 0,000$). На фоне сохранения ЛК фактор ГК не оказал влияния на степень уверенности в ответе: ЭГ1 и ЭГ3 не имеют значимых различий по данному параметру.

Обсуждение результатов

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что изменение контекстуальных условий не влияет на точность распознавания лексических единиц. Несмотря на то,

что при полном соответствии условий произвольного запоминания и узнавания, то есть сохранении и контекста места, и локального контекста, наблюдается увеличение количества правильных ответов, этот результат нельзя расценивать как свидетельство более высокой эффективности опознания. Возрастание количества верных ответов, в данном случае, связано с повышением общего количества ответов, включая ошибочные реакции. Можно допустить, что конгруэнтность контекстуальных условий провоцирует чаще давать ответ при решении задачи на узнавание. Между тем, при любых условиях сохранения/изменения контекстов наблюдается значительное увеличение доли ложных тревог в общем количестве ответов. Этот результат вполне соответствует данным McKenzie & Tiberghien, (2004), которые в своей работе показали, что когда, согласно инструкции, необходимо делать выбор «как можно быстрее» (как и в нашем случае), количество ложных тревог возрастает, а когда на реакцию отводится определенное время, количество ошибок узнавания снижается. Кроме того, по нашему мнению, при решении задачи на узнавание значимость ошибки пропуска для испытуемого выше значимости ошибки ложной тревоги. И чем больше совершается выборов, тем больше количество правильных ответов. Увеличение количества верных ответов или, иначе, уменьшение ошибок пропуска, как ни парадоксально, зависит от количества ложных тревог. Таким образом, можно констатировать, что показатель «точность распознавания» не является информативным для оценки эффективности узнавания лексической информации при её ненамеренном запоминании.

Как показали полученные результаты, сравнение ВР при верных и ошибочных ответах, в целом, не обнаружило значимых различий. Это, вероятно, также связано с приоритетом для испытуемых цели верного угадывания. Тестовая задача предполагала идентификацию искомым слов, и решению этой задачи способствовало увеличение за счет ложных тревог общего количества ответов, а не увеличение скорости реакции. Иначе говоря, выполнение тестовой задачи требовало, прежде всего, правильного опознания слов. Установка на быстрый ответ препятствовала бы верному решению.

Однозначными оказались результаты, касающиеся эмпирического маркера «степень уверенности в ответе». Во всех группах был обнаружен выраженный эффект: уверенность существенно выше при верных ответах. В свою очередь, это дает основания полагать, что испытуемые имплицитно различают свои верные и ошибочные реакции. Аналогичные результаты были ранее получены в других исследованиях, авторы которых предлагают подобные объяснения (Алешина, 2012; Одайник, 2013). Можно вполне согласиться с А. С. Одайник (2013), который указывает: «Уверенность является реакцией на эффективность решения, и человек способен различать правильные и неправильные ответы без особых усилий, но сам процесс различения не осознается» (с. 24). В модели принятия решений в ситуации неопределенности уверенность рассматривается в качестве индикатора правильного выбора, причем это «зачастую единственное психологическое

средство прогноза и контроля правильности принимаемых решений» (Скотникова, 2019, с. 145).

Со времен классических исследований П. И. Зинченко (1961) известно, что эффективность непроизвольного запоминания зависит напрямую от характера той когнитивной деятельности, которую выполняет субъект. В нашем исследовании участники на первом этапе решали простейшую задачу зрительного поиска заданной цели (буква «а») в составе слова, которое, в свою очередь, имело определенную локализацию на соответствующем фоне. Другими словами, целевая буква была встроена в контекст слова, а слово – в локальный контекст. Это определяло перцептивные условия выполняемой деятельности. Для задачи, решаемой на первом этапе – различение слов с буквой «а» и без «а» – литера «а» являлась опознавательным признаком, обнаружение которого сопровождалось моторной реакцией. Таким образом, в структуру когнитивного действия в качестве его завершающего звена был включен и моторный компонент. Так как эффективность непроизвольного запоминания связана со спецификой познавательной активности в момент кодирования, следует ожидать, что различия в мнемической результативности должны быть наиболее заметными для а) слов с опознавательным признаком и не имеющих такового и б) слов, сохраняющих или изменяющих локальный контекст. Действительно, было выявлено, что испытуемые в каждой из групп чаще случайного выбирали в качестве искомого стимулов слова с опознавательным признаком, то есть с буквой «а». В целом, количество таких выборов составило 63% от общего количества реакций. Однако нельзя утверждать, что изменение или сохранение контекстов оказывает на это существенное влияние.

Важным результатом является тот факт, что сохранение локального контекста повышает степень уверенности для реакций на все слова с «а», независимо от правильности ответа, в то время как смена локального контекста вызывает заметное снижение уверенности. Этого нельзя сказать относительно контекста места. Кроме того, репликация локального контекста на втором этапе вызывает значимое уменьшение времени реакции при верных выборах слов с опознавательным признаком, по сравнению с ошибочными выборами аналогичных слов, а изменение локального контекста значимо повышает время правильных реакций.

Таким образом, результаты исследования дают основания утверждать, что ключевыми факторами, обуславливающими узнавание лексической информации при ее непроизвольном запоминании, являются **локальный контекст** и тот **опознавательный признак**, который релевантен цели деятельности в ситуации запоминания.

Заключение

Эффекты контекста проявляются при решении самых разных когнитивных задач (Агафонов, Золотухина, Крюкова, Бурмистров, 2023; Крюкова, Золотухина, Агафонов,

Шилов, 2023). Между тем, контекстуальные влияния на решение задач, пожалуй, наибольший интерес вызвали у исследователей памяти. К настоящему времени накоплен большой массив данных, относящихся к воздействию экологических (внешних) контекстов на воспроизведение и узнавание как вербальной, так и невербальной информации. Проведенные ранее эксперименты, в основном, относятся к области произвольного запоминания.

В нашей работе объектом исследования явилась произвольная форма запоминания лексического материала. Неоднозначность полученных результатов вызвана различием в информативности эмпирических индикаторов, анализ которых позволяет по-разному оценивать продуктивность узнавания при варьировании контекстуальных условий. В частности, показатели точности распознавания и времени ответа оказались малоинформативными, в то время как параметр «уверенность в выборе ответа», хотя и является косвенным, позволил обнаружить различия, указывающие на имплицитные процессы, задействованные в мнемической деятельности.

Концептуальной основой для объяснения части полученных результатов стали основные положения концепции П. И. Зинченко и принцип специфичности кодирования Э. Тульвинга. Не только характер когнитивной деятельности и информация, которой оперирует субъект во время ненамеренного запоминания, но и тот «ключевой» (опознавательный) признак, ассоциированный с ответом при решении познавательной задачи, определяют продуктивность запоминания.

Перспективой в изучении контекстно-зависимой памяти может стать исследование роли моторного контекста. На сегодняшний день отсутствуют работы, в которых такого рода контекст был бы предметом специального рассмотрения.

Литература

- Агафонов, А. Ю., Золотухина, А. А., Крюкова, А. П., Бурмистров, С. Н. (2023). Контекстуальная опосредованность когнитивной деятельности. *Экспериментальная психология*, 16(3), 98–120. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160307>
- Алешина, Н. В. (2012). Эмоциональное атрибутирование иностранной лексики. В *По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии*. (под общ. ред. Агафонова А.Ю.). (с. 123–128) ИД «Бахрах-М».
- Бэддели А. (2001). *Ваша память. Руководство по тренировке и развитию*. (пер. с англ.) Эксмо-пресс.
- Годфруа, Ж. (1992). *Что такое психология? В 2 томах: Т. 1*. (пер. с франц.). Мир.
- Зинченко, П. И. (1961). *Непроизвольное запоминание*. Издательство Академии педагогических наук.
- Изард, К. Э. (2000). *Психология эмоций*. Питер.
- Крюкова, А. П., Золотухина, А. А., Агафонов, А. Ю., Шилов, Ю. Е. (2023). Взаимодействие семантических контекстов при решении задач: эффекты конгруэнтности и диссоциации. *Российский психологический журнал*, 20(4), 167–179. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.10>
- Лурия, А. Р. (1994). *Маленькая книжка о большой памяти: ум мнемониста*. Издательство «Эйдос».

- Нуркова, В. В. (2009). Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности. *Культурно-историческая психология*, 5(2), 60–67.
- Одайник, А. С. (2013). Уверенность как результат независимой проверки гипотез. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(3), 3–28.
- Скотникова, И. Г. (2019). Понятие и изучение уверенности в психологии. В *Разработка понятий в современной психологии: Том 2*. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко (ред.). Издательство ИП РАН.
- Baddeley, A. D. (1982). Domains of recollection. *Psychological Review*, 89(6), 708–729. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.89.6.708>
- Balch, W. R., & Lewis, B. S. (1996). Music-dependent memory: The roles of tempo change and mood mediation. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 22(6), 1354–1363. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.22.6.1354>
- Balch, W. R., Bowman, K., & Mohler, L. A. (1992). Music-dependent memory in immediate and delayed word recall. *Memory & Cognition*, 20(1), 21–28. <https://doi.org/10.3758/BF03208250>
- Balch, W. R., Myers, D. M., & Papotto, C. (1999). Dimensions of mood in mood-dependent memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 25(1), 70–83. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.25.1.70>
- Ball, L. J., Shoker, J., & Miles, J. N. (2010). Odour-based context reinstatement effects with indirect measures of memory: the curious case of rosemary. *British journal of psychology*, 101, 655–678. <https://doi.org/10.1348/000712609X479663>
- Bergmann, N., & Schubö, A. (2021). Local and global context repetitions in contextual cueing. *Journal of Vision*, 21(10), 1–17. <https://doi.org/10.1167/jov.21.10.9>
- Canas, J. J., & Nelson, D. L. (1986). Recognition and environmental context: The effect of testing by phone. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 24(6), 407–409. <https://doi.org/10.3758/BF03330565>
- Cann, A., & Ross, D. A. (1989). Olfactory stimuli as context cues in human memory. *The American Journal of Psychology*, 102(1), 91–102. <https://doi.org/10.2307/1423118>
- Choi, Y., Kim, K., Moon, S., Jung, G., Cha, J., & Yim, H. (2023). Context Dependent Memory in the Wilds. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 45, 2127–2133.
- Chun, M. M. (2000). Contextual cueing of visual attention. *Trends in cognitive sciences*, 4(5), 170–178. [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(00\)01476-5](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(00)01476-5)
- Chun, M. M., & Jiang, Y. (1998). Contextual cueing: implicit learning and memory of visual context guides spatial attention. *Cognitive psychology*, 36(1), 28–71. <https://doi.org/10.1006/cogp.1998.0681>
- Eich, E. (1995). Mood as a mediator of place dependent memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 124, 293–308. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.124.3.293>
- Eich, E. & Metcalfe, J. (1989). Mood dependent memory for internal versus external events. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 15(3), 443–455. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.15.3.443>
- Emmerson, P. G. (1986). Effects of environmental context on recognition memory in an unusual environment. *Perceptual and Motor Skills*, 63(3), 1047–1050. <https://doi.org/10.2466/pms.1986.63.3.1047>
- Glenberg, A. M. (1979). Component-levels theory of the effects of spacing of repetitions on recall and recognition. *Memory & Cognition*, 7(2), 95–112. <https://doi.org/10.3758/BF03197590>
- Godden, D. R. & Baddeley, A. D. (1975). Context-dependent memory in two natural environments: On land and underwater. *British Journal of Psychology*, 66(3), 325–331. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1975.tb01468.x>

- Godden, D. & Baddeley, A. (1980). When does context influence recognition memory? *British journal of psychology*, 71, 99–104.
- Grant, H. M., Bredahl, L. C., Clay, J., Ferrie, J., Groves, J. E., McDorman, T. A. & Dark, V. J. (1998). Context-Dependent Memory for Meaningful Material: Information for Students. *Applied cognitive psychology*, 12(6), 617–623. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0720\(199812\)12:6<617::AID-ACP542>3.0.CO;2-5](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0720(199812)12:6<617::AID-ACP542>3.0.CO;2-5)
- Hackländer, R. P. M. & Bermeitinger, C. (2017). Olfactory Context-Dependent Memory and the Effects of Affective Congruency. *Chemical senses*, 42(9), 777–788. <https://doi.org/10.1093/chemse/bjx057>
- Isarida, T. & Isarida, T. K. (1999). Effects of contextual changes between class and intermission on episodic memory. *Japanese Journal of Psychology*, 69, 478–486.
- Isarida, T. & Isarida, T. K. (2007). Environmental context effects of background color in free recall. *Memory & Cognition*, 35(7), 1620–1629. <https://doi.org/10.3758/BF03193496>
- Isarida, T., Isarida, T. K., Kubota, T., Nakajima, S., Yagi, K., Yamamoto, A. & Higuma, M. (2020). Video context-dependent effects in recognition memory. *Journal of Memory and Language*, 113, Article 104113. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2020.104113>
- Isarida, T., Sakai, T., Kubota, T., Koga, M., Katayama, Y. & Isarida, T. K. (2014). Odor-context effects in free recall after a short retention interval: A new methodology for controlling adaptation. *Memory & Cognition*, 42(3), 421–433. <https://doi.org/10.3758/s13421-013-0370-1>
- Malpass, R. S. & Devine, P. G. (1981). Guided memory in eyewitness identification. *Journal of Applied Psychology*, 66(3), 343–350. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.66.3.343>
- McKenzie, W. A., & Tiberghien, G. (2004). Context Effects in Recognition Memory: The Role of Familiarity and Recollection. *Consciousness & Cognition*, 13, 20–38. [https://doi.org/10.1016/S1053-8100\(03\)00023-0](https://doi.org/10.1016/S1053-8100(03)00023-0)
- Mead, K. M. L., & Ball, L. J. (2007). Music Tonality and Context-Dependent Recall: The Influence of Key Change and Mood Mediation. *European Journal of Cognitive Psychology*, 19(1), 59–79. <https://doi.org/10.1080/09541440600591999>
- Miles, C., & Johnson, A. J. (2007). Chewing gum and context-dependent memory effects: a re-examination. *Appetite*, 48(2), 154–158. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2006.07.082>
- Murnane, K., & Phelps, M. P. (1993). A global activation approach to the effect of changes in environmental context on recognition. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 19(4), 882–894. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.19.4.882>
- Murnane, K., & Phelps, M. P. (1994). When does a different environmental context make a difference in recognition? A global activation model. *Memory & Cognition*, 22(5), 584–590. <https://doi.org/10.3758/BF03198397>
- Murnane, K., & Phelps, M. P. (1995). Effects of changes in relative cue strength on context-dependent recognition. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21(1), 158–172. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.21.1.158>
- Murre, J. M. J. (2021). The Godden and Baddeley (1975) experiment on context-dependent memory on land and underwater: a replication. *Royal Society open science*, 8(11), 200724. <https://doi.org/10.1098/rsos.200724>
- Ocker, M. A., & Kreidler, C. M. (2018). Context-dependent memory and chewing gum. *American journal of psychological research*, 11, 1–4.
- Parker, A., Ngu, H., & Cassaday, H. (2001). Odour and Proustian memory: reduction of context-dependent forgetting and multiple forms of memory. *Applied Cognitive Psychology*, 15(2), 159–171.
- Parker, J. A., Kaplan, A. D., Volante, W. G., Abich, J., & Sims, V. K. (2020). Exploring the Encoding Specificity Principle and Context-Dependent Recognition in Virtual Reality. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*, 64(1), 1481–1485. <https://doi.org/10.1177/1071181320641353>
- Reinhart, M. (2015). *Does Chewing Different Flavored Gum Help Memory?* Retrieved from <https://vault.hanover.edu/~altermattw/courses/220>

- Robinson, S. J. & Rollings, L. J. L. (2011). The effect of mood-context on visual recognition and recall memory. *The Journal of General Psychology*, 138, 66–79.
- Sakai, T., Miyamoto, A., Isarida, T. K. & Isarida, T. (2011). Video context-dependent effects in an oral free-recall test. *Paper presented at 9th Annual Meeting of Japanese Society for Cognitive Psychology*, Tokyo.
- Smith, S. M. (1979). Remembering in and out of context. *Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory*, 5(5), 460–471. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.5.5.460>
- Smith, S. M. (1985). Environmental context and recognition memory reconsidered. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 23(3), 173–176. <https://doi.org/10.3758/BF03329818>
- Smith, S. M. (1986). Environmental context-dependent recognition memory using a short-term memory task for input. *Memory & Cognition*, 14(4), 347–354. <https://doi.org/10.3758/BF03202513>
- Smith, S. M. (1994). Theoretical principles of context-dependent memory. In P. Morris & M. Glenberg (Eds.), *Theoretical aspects of memory* (pp. 168–195). Routledge.
- Smith, S. M. (1995). Mood is a component of mental context: Comment on Eich (1995). *Journal of Experimental Psychology: General*, 124, 309–310. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.124.3.309>
- Smith, S. M. & Vela, E. (2001). Environmental context-dependent memory: a review and meta-analysis. *Psychonomic Bulletin & Review*, 8, 203–220. <https://doi.org/10.3758/BF03196157>
- Smith, S. M., Glenberg, A. & Bjork, R. A. (1978). Environmental context and human memory. *Memory & Cognition*, 6(4), 342–353. <https://doi.org/10.3758/BF03197465>
- Smith, S. M., Vela, E. & Williamson, J. E. (1988). Shallow input processing does not induce environmental context-dependent recognition. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 26(6), 537–540. <https://doi.org/10.3758/BF03330115>
- Tucha, O., Mecklinger, L., Hammerl, M. & Lange, K. W. (2004). Effects of gum chewing on memory and attention: reply to Scholey (2004). *Appetite*, 43(2), 219–223. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2004.08.003>
- Tulving, E. & Pearlstone, Z. (1966). Availability versus accessibility of information in memory for words. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*, 5(4), 381–391. [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(66\)80048-8](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(66)80048-8)
- Tulving, E., & Thomson, D. M. (1971). Retrieval processes in recognition memory: Effects of associative context. *Journal of Experimental Psychology*, 87(1), 116–124. <https://doi.org/10.1037/h0030186>
- Tulving, E., & Thomson, D. M. (1973). Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory. *Psychological Review*, 80(5), 352–373. <https://doi.org/10.1037/h0020071>

Поступила в редакцию: 14.02.2024

Поступила после рецензирования: 11.04.2024

Принята к публикации: 18.06.2024

Заявленный вклад авторов

Анна Анатольевна Золотухина – разработка дизайна и планирование исследования, подготовка и оформление текста публикации.

Оксана Александровна Сермакшева – подготовка технического задания для написания компьютерной программы, проведение процедуры исследования, сбор данных, оформление текста публикации.

Андрей Юрьевич Агафонов – методология исследования, обобщение и анализ результатов, подготовка теоретического обзора, редактирование текста публикации.

Алла Анатольевна Гудзовская – обработка и описание полученных данных, подготовка текста публикации.

Александр Константинович Гришин – подготовка материалов для теоретического обзора, проведение процедуры исследования.

Ольга Владимировна Крамаренко – подбор испытуемых и проведение процедуры исследования.

Информация об авторах

Анна Анатольевна Золотухина – ассистент кафедры общей психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» г. Самара, Российская Федерация; Scopus ID: 58705796500, Author ID: 1224963, SPIN-код: 9685-2091, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5311-9393>; e-mail: morozova.86@mail.ru

Оксана Александровна Сермакшева – ассистент кафедры общей психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» г. Самара, Российская Федерация; e-mail: oksana.10.s@mail.ru

Андрей Юрьевич Агафонов – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» г. Самара, Российская Федерация; WoS Researcher ID: N-2792-2017; Scopus ID: 57203001123; Author ID: 150429; SPIN-код: 2087-3000; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1546-605X>; e-mail: aa181067@yandex.ru

Алла Анатольевна Гудзовская – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» г. Самара, Российская Федерация; WoS Researcher ID: GLQ-7813-2022; Scopus ID: 57223132986; Author ID: 717960; SPIN-код: 9668-5930; ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>; e-mail: aag_1@rambler.ru

Александр Константинович Гришин – студент психологического факультета, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» г. Самара, Российская Федерация; e-mail: ag@agriishin.ru

Ольга Владимировна Крамаренко – аспирант кафедры общей психологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» г. Самара, Российская Федерация; e-mail: xniksi@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Влияние факторов семейного воспитания на развитие цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью

Юлия А. Королева

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург,
Российская Федерация

koroleva-y@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена проблеме опосредствования развития цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью (далее УО) в условиях семейного воспитания. Значимое влияние на процесс развития этих навыков у детей оказывают факторы семейного воспитания: материально-техническая оснащенность семьи, медиаактивность родителей и их цифровые навыки, стратегии цифровой родительской медиации, аттитуды родителей в отношении возможностей цифровой среды в социализации ребенка. Актуальность и новизна данного исследования заключаются в описании ряда факторов семейного воспитания и выявления их взаимосвязи с цифровыми навыками ребенка с умственной отсталостью. **Методы.** В онлайн-опросе приняли участие две группы родителей: воспитывающие детей и подростков с умственной отсталостью (N = 42 человека) и родители нормально развивающихся детей и подростков (N = 52 человека). **Результаты.** Исследование показало, что родители, воспитывающие детей с умственной отсталостью, отличаются меньшей медиаактивностью, преобладанием коммуникационного мотива деятельности в Интернете, большей осведомленностью о практиках детей в цифровой среде. При этом родители детей с УО реже используют стратегии цифровой медиации, меньше доверяют Интернету как источнику развития познавательной сферы, формирования навыков обработки информации у ребенка. Свои цифровые навыки родители детей с УО оценивают выше, чем навыки своих детей. В исследовании доказана взаимосвязь цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью с некоторыми факторами семейного воспитания. **Обсуждение результатов.** Обнаруженные

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

корреляции между цифровыми навыками детей с умственной отсталостью и цифровыми навыками родителей, количеством цифровых устройств в семье, а также доступностью и качеством этих цифровых средств, свидетельствуют о необходимости разработки и реализации программ просвещения родителей, развития их цифровых навыков и освоения ими различных стратегий цифровой медиации в процессе воспитания ребенка с умственной отсталостью.

Ключевые слова

цифровые навыки, цифровой разрыв, умственная отсталость, ребенок с умственной отсталостью, Интернет-пространство, медиаактивность, стратегии цифровой родительской медиации, социализация

Финансирование

публикация подготовлена по результатам выполнения исследования в рамках государственного задания на тему «Ребенок с ОВЗ в цифровом обществе: педагогические, психологические и социальные аспекты социализации», реализуемого при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ (дополнительное соглашение № 073-03-2023-017/2 от 14.02.2023)

Для цитирования

Королева, Ю. А. (2024). Влияние факторов семейного воспитания на развитие цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью. *Российский психологический журнал*, 21(2), 81–100. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.5>

Введение

Цифровая среда – пространство, предоставляющее условия для компенсации имеющихся дефицитов, приобретения и расширения коммуникативного опыта, получения образования, развития интересов. Внимание исследователей к проблеме цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью определяется, с одной стороны, повышенной значимостью цифровой среды, а с другой – специфическими социально-психологическими условиями семейного воспитания и сниженными способностями к развитию когнитивных навыков у детей этой группы.

Цифровые навыки

Цифровые навыки отражают умение пользоваться навыками и знаниями при анализе, выборе и осмыслении данных (Трофимова, 2021). Это навыки, которые позволяют

«формировать и распространять цифровой контент, обеспечивать сотрудничество и взаимодействие и решать разного рода проблемы в рамках успешной творческой самореализации, образования, трудовой деятельности и общественной активности» (Хаблиева, 2022, с. 37).

Цифровые технологии и лица с ограниченными возможностями здоровья

Значимая роль цифровых навыков и доступности цифровых технологий для лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) для их равноправия, достижения ими независимости подчеркивается в разных зарубежных исследованиях (Khanlou, Khan, Vazquez & Zangeneh, 2021; Sallafranque-St-Louis & Normand, 2017; Lussier-Desrochers et al., 2017).

Цифровые технологии сегодня предлагают лицам с нарушениями в развитии гораздо больше возможностей для компенсации имеющихся нарушений, чем когда-либо прежде (Khanlou et al., 2021). В качестве важнейших факторов, обеспечивающих социальную и экономическую интеграцию лиц с нарушениями в развитии, выделяют: степень развития цифровых навыков, сложность интерфейса и доступность цифровых устройств (Khanlou et al., 2021). Социальные сети обладают мощным коммуникативным ресурсом и могут значительно облегчить лицам с интеллектуальными нарушениями развитие отношений, уменьшить тем самым их социальную изоляцию (Sallafranque-St-Louis & Normand, 2017). Однако между людьми с умственной отсталостью и другими людьми может формироваться «цифровой разрыв» в использовании информационных и коммуникационных технологий (Lussier-Desrochers et al., 2017).

В российской науке также рассматриваются преимущества применения цифровых технологий в коррекционно-образовательном процессе лиц с ОВЗ и, вместе с тем, подчеркиваются трудности и риски их использования (Волкова, Писаренко, 2017; Volkova, Koroleva, Bogdanovskaya, Ikonnikova & Mashkova, 2019).

Виртуальная коммуникация лиц с интеллектуальными нарушениями является «адаптационно-компенсаторным ресурсом, помогающим преодолеть коммуникативные сложности» (Volkova et al., 2019, с. 100), а цифровые технологии для детей и подростков с ОВЗ могут быть «значительным фактором компенсации последствий их сенсорной, эмоциональной, когнитивной и социальной депривации» (Volkova et al., 2019, с. 103), оказывать положительное влияние на образование в целом (Токарева, Малярчук, 2021). При этом неизменно возникают трудности, связанные с организацией обучения лиц с ОВЗ с применением цифровых технологий.

Препятствием к полноценной интеграции человека в цифровое общество является отсутствие цифровых навыков, которые, по мнению М. В. Токаревой и Н. Н. Малярчук у детей с умственной отсталостью не формируются в процессе обучения. Дети с умственной отсталостью зачастую «не обладают даже базовым

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

набором цифровых компетенций» (Токарева и Малярчук, 2021, с. 187). Несмотря на это, подростки и юноши с умственной отсталостью чаще, чем представители других нозологических групп, посещают сайты знакомств, что свидетельствует о хотя и плохо реализуемой, но имеющейся мотивации к общению в сетевом контексте (Кузьмина, 2020).

Кроме того, лица с ОВЗ, по сравнению со своими нормативно развивающимися сверстниками, «более склонны к проблемному использованию Интернета» (Volkova et al., 2019, с. 112). Неконтролируемое использование Интернета действительно содержит много рисков, особенно для лиц с когнитивными нарушениями, которым характерны импульсивность, снижение возможности в осуществлении самоконтроля (Good & Fang, 2015).

Различные аспекты развития цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью отражены в ряде работ отечественных ученых и, как правило, они связываются со спецификой их психофизического развития (Токарева и Малярчук, 2021), с компетенциями педагогов и качеством или несовершенством применяемых компьютерных технологий ввиду отсутствия их адаптации к потребностям и возможностям лиц с ОВЗ (Ковбаса, Попова, 2021; Сайфутдиярова, Фатихова, 2017), с возникновением рисков: онлайн-агрессии, Интернет-зависимости и виктимизации личности в процессе использования цифровых средств (Volkova et al., 2019; Кузьмина, 2020; Кузьмина, 2021). Причиной высокого уровня рискогенности зачастую является низкая компьютерная грамотность и бесконтрольное использование Интернета детьми и подростками с ОВЗ.

Цифровое родительское посредничество

Развитие цифровых навыков у ребенка с умственной отсталостью осуществляется в специфических условиях и требует более активного подключения к этой проблеме родителей. Проблема родительского посредничества (Parental mediation) или медиации, под которой понимается комплекс стратегий родителей для получения выгоды и минимизации рисков использования современных цифровых средств (Zaman, Nouwen, Vanattenhoven, Ferrerre & Looy, 2016) широко представлена в зарубежных исследованиях (Wolfers, Kitzmann, Sauer & Sommer, 2020; Üstündağ-Alkan, Aslan, Turgut & Kurşun, 2021; Yuen, Park & Cheng, 2018; Caivano, Leduc, & Talwar, 2020) и в некоторых отечественных исследованиях (Сек, Какадий, 2020; Писаренко, Заиченко, 2021; Солдатова, Нестик, Рассказова и Зотова, 2013).

Посредничество родителей в использовании цифровых устройств детьми на современном этапе стало рассматриваться как «новый» и «специфический» тип воспитания (Nikken, 2017). Традиционная классификация стратегий медиации родителей включает три основных вида: ограничительное посредничество, предполагающее жесткий контроль и ограничения; активное посредничество, основанное на обсуждении и беседах о просмотренном контенте; совместное

использование, при котором родители формируют интерес ребенка, принимают совместное участие в играх и знакомстве с контентом (Zaman et al., 2016). Ограничительная стратегия может заключаться в техническом ограничении, например, блокировка сайтов, и в социальном ограничении, предполагающем запрет на использование цифровых средств и контроль времени.

Однако в научной литературе недостаточно работ, направленных на изучение взаимосвязи цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью и родительского посредничества, а также других факторов семейного воспитания. Частично проблема цифровой родительской медиации рассматривается в работах Т. И. Кузьминой (2020; 2021), в которой уделено внимание функции родительского контроля. Процесс развития цифровых навыков в условиях семьи не ограничивается влиянием на него стратегий медиации родителей, поэтому в качестве внешних (семейных) факторов, опосредующих процесс использования цифровых устройств подрастающим поколением и развития их цифровых навыков, необходимо рассматривать и другие факторы.

Цифровое развитие современного ребенка осуществляется столь стремительно, что очень быстро он начинает превосходить своих родителей по уровню цифровой компетентности, что формирует цифровой разрыв между поколениями (Солдатова и др., 2013; Deursen & Dijk, 2014), который негативно сказывается на воспитательном процессе и системе межличностных отношений, так как снижается универсальность родителя (Сек и Какадий, 2020), а, значит, формируется потребность в развитии цифровых навыков не только подростков, но и их родителей (Солдатова и Рассказова, 2014). Важным фактором, оказывающим существенное влияние на поведение ребенка в цифровой среде, является отношение родителей к технологиям (Lauricella, 2015), а также установки в отношении возможностей цифровой среды для решения вопросов социализации ребенка (Писаренко, Заиченко, 2021).

Материально-техническое обеспечение семьи также может рассматриваться как важный фактор, создающий условия для взаимодействия ребенка с цифровой средой и развития соответствующих навыков. Под материально-техническим обеспечением мы понимаем количество цифровых устройств (компьютер, планшет, ноутбук), их доступность и качество. При большом количестве электронных устройств в семье ослабевает контроль родителей за использованием этих устройств детьми (Клименко, Савенышева, 2020).

Основные семейные факторы, оказывающие влияние на взаимодействие ребенка с цифровой средой и развитие у него цифровых навыков – материально-техническое обеспечение семьи, общие аспекты медиапотребления родителей (активность в Интернете, мотивы медиапотребления) и их цифровые навыки, а также особенности родительской медиации и их установки в отношении цифровой среды. Последнее также связано с особенностями восприятия родителями возможностей своих детей. Так, родители зачастую переоценивают возможности своих детей с ОВЗ,

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

что приводит к постановке перед ними недостижимых целей (Киселева, Рогунова, 2022) или же нереалистичному и искаженному восприятию индивидуальных особенностей своих детей (Жигинас, Гребенникова, Шелехов, 2020).

Цель эмпирического исследования – выявить особенности разных факторов семейного воспитания и изучить их взаимосвязь с уровнем цифровых навыков ребенка с умственной отсталостью.

Методы

В анкетировании приняли участие родители, имеющие детей в возрасте от 7 до 15 лет:

- Экспериментальная группа (ЭГ) – это родители ($n = 42$), воспитывающие детей и подростков с умственной отсталостью легкой степени, обучающихся по адаптированной основной общеобразовательной программе (вариант 1);
- Контрольная группа (КГ) – родители обучающихся с нормативным развитием ($n = 52$).

Возраст родителей в обеих группах представлен примерно одинаковым распределением. Средний возраст родителей экспериментальной группы составил 39 лет, стандартное отклонение $\pm 11,7$, родителей контрольной группы – 36 лет, стандартное отклонение $\pm 10,2$. Среди семей, воспитывающих детей и подростков с нормативным развитием, преобладают полные семьи (84,6%), а в экспериментальной группе 45,2% полных и 42,8% неполных семей, 12% детей воспитывается опекунами.

Основным методом стало анонимное анкетирование родителей через Google Forms. Структура опроса: анкета включала в себя 20 вопросов, разделенных на следующие блоки:

- *социально-демографические показатели семьи* (пол и образование родителя, возраст ребенка, населенный пункт их проживания);
- *материально-техническая оснащенность* (количество информационных устройств в семье, их качество и доступность для родителей и ребенка);
- *самооценивание цифровых навыков родителей и оценка навыков их детей*;
- *общие аспекты медиапотребления родителей* (время, проводимое в цифровом пространстве, количество подписчиков/друзей в социальной сети, мотивы активности родителей в Интернет-пространстве);
- *особенности родительской медиации и их аттитюды в отношении возможностей цифровой среды для решения вопросов социализации ребенка*.

Для сопоставления выборок по частоте встречаемости интересующего нас эффекта использовался критерий углового преобразования Фишера, для сравнения выборок применялся критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ осуществлялся на основе критерия Спирмена.

Результаты

Среди родителей обеих групп большинство опрошенных женского пола (ЭГ – 85,7%, КГ – 88,4%). Респонденты проживают на территории Оренбургской области, республики Башкортостан, г. Москвы и г. Санкт-Петербурга.

Сведения об образовании родителей представлены в таблице 1.

Таблица 1

Образование родителей экспериментальной и контрольной групп (в %)

Уровень образования	Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием
Общее среднее образование	6	1,5
Среднее профессиональное образование	50	13,6
Неполное высшее образование	16,6	1,9
Высшее образование	28,6	82,6

Анализ результатов изучения социально-демографических показателей семей показал, что уровень образования родителей, воспитывающих детей с умственной отсталостью, ниже, чем уровень образования родителей детей с нормативным развитием.

Результаты оценки материально-технического обеспечения семьи цифровыми средствами представлены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка материально-технического обеспечения семьи цифровыми средствами (в %)

Варианты ответов	Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием
<i>Укажите количество цифровых устройств в семье (компьютер, планшет, ноутбук и т.д. – кроме телефонов)</i>		
1	31,1	40,4
2	35,7	36,5
3	19	15,4
4	7,1	5,8
5	7,1	1,9

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Варианты ответов	Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием
<i>Оцените доступность и качество, используемых Вами современных информационных устройств (смартфон, ПК, планшет и т.д.) (по 5-ти балльной шкале, где 5 – высокий уровень, а 1 – низкий)</i>		
5	52,4	38,5
4	16,7	34,1
3	14,3	21,2
2	7,4	1,9
1	9,5	3,8
<i>Оцените доступность и качество используемых Вашим ребенком современных информационных устройств (смартфон, ПК, планшет и т.д.) (по 5-ти балльной шкале, где 5 – высокий уровень, а 1 – низкий)</i>		
5	50	38,5
4	11,9	40,4
3	19	13,5
2	11,9	5,8
1	7,1	1,9

Количество цифровых устройств (компьютер, планшет, ноутбук) в семьях, воспитывающих детей и подростков с умственной отсталостью несколько выше (среднее число устройств на одну семью – 2,2 устройства), чем в семьях, воспитывающих детей с нормативным развитием (среднее число – 1,9 устройств).

Субъективная оценка родителями удовлетворенности показателем доступности и качества используемых современных информационных устройств показывает, что около 70% родителей обеих групп достаточно удовлетворены. Родителей экспериментальной группы, максимально высоко (5 баллов), и напротив, очень низко (1 балл) оценивающих этот показатель для себя и своих детей, больше, чем родителей контрольной группы (достоверность различий не подтверждена). При этом 4,8 % родителей отмечают, что у их детей нет собственного телефона и/или устройства с доступом в Интернет.

Уровень активности родителей в Интернет-пространстве определялся на основе предложенных в исследовании А. И. Лучинкиной параметров учета времени пребывания (Лучинкина, 2014). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты изучения общих аспектов медиапотребления родителей экспериментальной и контрольной групп (в %)

Уровень активности	Варианты ответов	Сколько времени ежедневно Вы проводите в Интернет-пространстве (мессенджеры, социальные сети, интернет-сайты и т.д.)?	
		Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием
очень высокий	Практически весь день	0	7,7
	8 часов и более	7,1	3,8
высокий	Около 5 часов	16,7	15,4
	2-3 часа	31	46,2
средний	Около 1 часа	31	23,1
	Не каждый день	14,3	1,9

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Уровень активности	Варианты ответов	Сколько времени ежедневно Вы проводите в Интернет-пространстве (мессенджеры, социальные сети, интернет-сайты и т.д.)?	
		Какое количество подписчиков/друзей у вас в социальной сети, в которой Вы максимально активны?	
низкий	До 10	26,2	17,3
	От 10 до 30	14,3	17,3
	От 30 до 50	16,7	15,4
средний	От 50 до 100	26,2	11,5
	От 100 до 200	7,1	19,2
	От 200 до 500	4,8	9,6
высокий	От 500 до 1000	2,4	5,8
	От 1000 до 1500	0	0
	От 1500 до 2000	0	0
очень высокий	Более 2000	2,4	1,9

Родители, воспитывающие ребенка с умственной отсталостью, по времени, проведенному в Интернет-пространстве, незначительно отличаются своей активностью в сравнении с родителями, имеющими нормативно развивающихся детей (достоверность различий не подтверждена). Так, низкий уровень медиаактивности характерен только для 14,3% родителей ЭГ и для 1,9% родителей КГ.

Результаты оценки мотивов деятельности родителей в Интернет-пространстве представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты изучения мотивов медиапотребления родителей (в %)

Варианты ответов	Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием	$\varphi^*_{эмл}$ (0,01)
<i>Что Вы чаще всего делаете в Интернете?</i>			
<i>(представлены наиболее популярные мотивы деятельности в цифровой среде)</i>			
Общаюсь с близкими, друзьями	73,8	46,2	2,757
Ищу информацию о том, что меня волнует в данный момент	66,7	55,8	-
Захожу, чтобы что-то купить, заказать	50	63,5	-
Читаю новости, смотрю беседы	52,4	53,8	-
Ищу информацию для работы или учебы	50	51,9	-
Ищу информацию, которая необходима для моего ребенка (помощь в обучении, в выполнении домашнего задания)	40,5	53,8	-
Смотрю кино, сериалы, фильмы, программы	35,7	34,6	-
Ищу информацию, необходимую для воспитания и развития моего ребенка	31	19,2	-
Пользуюсь электронной почтой	21,4	57,7	3,678
Занимаюсь саморазвитием	16,7	44,2	2,955

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Не наблюдаются различия между группами по частоте встречаемости в ответах родителей учебно-профессионального («Ищу информацию для работы или учебы»), познавательного («Читаю новости, смотрю беседы»), ситуативного («Ищу информацию о том, что меня волнует в данный момент») и развлекательного («Смотрю кино, сериалы, фильмы, программы») мотивов медиапотребления. Наиболее выраженным мотивом у родителей обучающихся с умственной отсталостью является коммуникационный мотив («Общаюсь с близкими и друзьями»). У родителей контрольной группы наиболее выражен мотив саморазвития и использование электронной почты, что, вероятнее всего, обусловлено потребностью в реализации профессиональных задач.

Анализ ответов на вопрос открытого типа: «Какие действия Вы предпринимаете для того, чтобы защитить своего ребенка от вредной информации в Интернете?» позволил выделить следующие группы стратегий медиации:

активная позитивная стратегия (проведение бесед, разъяснений, обсуждения выбора материала для просмотра в Интернете) – 28,5% в ЭГ и 42,3% в КГ;

ограничительная стратегия (технические ограничения): блокировка сайтов, установка специальных программ – 30,9% в ЭГ и 44,2% в КГ;

ограничительная стратегия (социальные ограничения): запрет на использование – 9,5% в ЭГ и 3,8% в КГ, ограничение по времени – 6,9% в ЭГ и 9,6% в КГ, контроль и просмотр информации – 9,5% в ЭГ.

9,5% родителей обучающихся с умственной отсталостью и 3,8% родителей нормативно развивающихся детей не используют никакие действия для защиты ребенка от вредной информации; 2,3% родителей ЭГ утверждают, что ребенок не использует Интернет; 7,6% родителей КГ не предоставили ответ на этот вопрос. 3,8% родителей КГ используют стратегию активного включения ребенка в разные виды деятельности (творчество, спорт), а 2,3% родителей ЭГ предпочитают совместное использование устройств.

Результаты опроса по другим аспектам цифровой медиации родителей представлены в таблице 5.

Таблица 5
Особенности цифровой родительской медиации (в %)

Варианты ответов	Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием
<i>Оцените свою осведомленность о посещаемых сайтах Вашим ребенком (по 5-ти балльной шкале, где 1 – низкий уровень, а 5 – высокий)</i>		
5	42,9	23,1
4	23,8	30,8
3	21,4	30,8

Варианты ответов	Родители обучающихся с умственной отсталостью	Родители обучающихся с нормативным развитием
2	2,4	13,5
1	9,5	1,9
<i>Контролируете ли Вы что и сколько по времени Ваш ребенок делает в Интернете?</i>		
Да, всегда	45,2	13,5
Да, но не всегда это возможно	50	82,7
Нет, это контролировать невозможно	0	3,8
Ребенок не пользуется Интернетом	2,4	0
Ребенок сам себя контролирует	2,4	0
<i>Оцените свои цифровые навыки (по 5-ти балльной шкале, где 1 – низкий уровень, а 5 – высокий)</i>		
5	35,7	26,9
4	26,1	38,5
3	26,1	28,8
2	9,5	1,9
1	2,3	3,8

Как более высокая оценка своей осведомленности о посещаемых сайтах ребенком, так и более низкая чаще встречается у родителей, воспитывающих ребенка с умственной отсталостью, что подчеркивает разнородность группы.

Родители, воспитывающие детей и подростков с умственной отсталостью, по сравнению с родителями контрольной группы, чаще категоричны в вопросах

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

контроля деятельности ребенка в Интернете и уверены в возможности такого контроля ($\varphi_{\text{Эмп}}^* = 3,485$; $U_{\text{Эмп}} = 722$, $p \leq 0,01$). Большинство родителей, воспитывающих детей и подростков с нормативным развитием, занимаются контролем деятельности ребенка в цифровой среде, но осознают, что их возможности в этом вопросе ограничены.

Самооценивание родителями своих цифровых навыков показало, что высокий уровень их развития присваивает себе большее число родителей экспериментальной группы по сравнению с контрольной.

Свои цифровые навыки родители экспериментальной группы оценивают выше, чем навыки своих детей, что вполне закономерно и объясняется недоразвитием мыслительных операций, слабостью побуждений, недоразвитием самоконтроля, безынициативностью детей и подростков с умственной отсталостью. 33,3% родителей считают, что их цифровые навыки выше, чем навыки детей, а 16,6% родителей – наоборот, тем самым подчеркивая идею цифрового разрыва между поколениями. Среди родителей нормативно развивающих детей цифровой разрыв подтверждают 19,2% респондентов.

Результаты изучения аттитудов родителей в отношении ресурса Интернета для решения вопросов социализации ребенка показали, что в аттитудах между группами родителей существуют значимые различия. Родители, воспитывающие детей и подростков с умственной отсталостью, больше доверяют Интернету как платформе, позволяющей развивать трудолюбие (достоверность различий с контрольной группой ($U_{\text{Эмп}} = 728$, $p \leq 0,01$). А родители, воспитывающие детей с нормативным развитием, больше верят в Интернет как источник, создающий условия для формирования навыков обработки информации ($U_{\text{Эмп}} = 727$, $p \leq 0,01$).

Результаты анализа корреляционных связей показателей представлены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа факторов семейного воспитания и цифровых навыков детей с умственной отсталостью ($p \leq 0,05$)

	Цифровые навыки родителей	Доступность и качество используемых ребенком современных информационных устройств	Количество цифровых устройств в семье
Цифровые навыки детей с умственной отсталостью	$r_s = 0,506$	$r_s = 0,41$	$r_s = -0,58$

В результате исследования была подтверждена корреляция между уровнем цифровых навыков детей с умственной отсталостью и факторами семейного воспитания (цифровыми навыками самих родителей и материально-технической обеспеченностью цифровыми средствами).

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали значительную вариативность таких факторов семейного воспитания, как материально-техническое обеспечение и социально-демографические показатели семей, воспитывающих детей с умственной отсталостью. Так, среди них встречается большое число неполных и многодетных семей, а большинство родителей имеют среднее профессиональное образование. Низкий общеобразовательный и культурный уровень семей, воспитывающих ребенка с умственной отсталостью, известен давно благодаря исследованиям в этой области (Шипицына, Сорокин, 2008; Королева, 2014), однако сравнение данных, полученных в разные годы, с результатами данного исследования показывает значительные изменения в статусе современных семей в сторону их повышения.

Анализ материально-технического обеспечения семей свидетельствует, что родители, воспитывающие ребенка с умственной отсталостью, достаточно удовлетворены доступностью и качеством современных информационных устройств. Более того, число цифровых устройств в этих семьях несколько выше, чем в семьях, воспитывающих детей с нормативным развитием. Это может объясняться количеством детей: так, число многодетных семей (3 и более детей) в экспериментальной группе составило 40,3%, а в контрольной группе – только 15,2%.

Отсутствие собственного телефона у детей с умственной отсталостью может быть связано и с материально-техническим уровнем жизни семьи, и с системой ограничений родителей при использовании их детьми цифровых средств. В целом, можно отметить высокую вариативность материально-технического обеспечения цифровыми средствами семей, воспитывающих детей с умственной отсталостью. В исследовании И.Н. Нурлыгаянова и Е.Н. Соломиной (2022) отмечено, что наибольшие трудности при организации дистанционного обучения с обучающимися с умственной отсталостью являются трудности материально-технического плана: отсутствие или недостаток технических средств подчеркивают 48,8% учителей-олигофренопедагогов, трудности в использовании технического оборудования самими обучающимися рассматривают 25,5% педагогов.

Специфика деятельности родителей обучающихся с умственной отсталостью в сфере медиапотребления отличается несколько сниженной активностью по сравнению с активностью родителей контрольной группы, а также наличием специфической мотивации. Преобладание у родителей экспериментальной группы коммуникационного мотива над остальными может быть фактом проявления

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

реабилитационной активности семьи, направленной на поиск моральной и социальной поддержки, выражения активной позиции в налаживании и поддержании контактов с окружающими людьми. Коммуникационные умения и навыки являются важнейшей составляющей реабилитационной культуры семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья и позволяют налаживать отношения, разрешать конфликты и т.д. (Старобина, 2018).

Мотив саморазвития значительно реже встречается в экспериментальной выборке, что в совокупности с меньшей активностью родителей в Интернете является ослабляющим цифровой потенциал семьи фактором. Известно, что поведение родителей – пример для подражания их детьми. Отношение к цифровым устройствам, время их использования и мотивы деятельности родителей в Интернете могут в значительной степени определять не только характер их медиации, но и задавать вектор деятельности их детей в цифровой среде. Доказательством этому является корреляция между цифровыми навыками детей с умственной отсталостью и навыками их родителей. «Помощь родителей и их цифровая компетентность» являются существенными факторами «развития у детей цифровых навыков и киберсоциализации» (Писаренко, Заиченко, 2021, с. 59). В работе Г.Ф. Бедулиной и С.А. Лазукова (2020) также доказывается влияние цифровых навыков родителей и характера их медиаактивности на социализацию подростков в условиях информационного общества.

Родители обучающихся с умственной отсталостью склонны высоко оценивать свои цифровые навыки, несмотря на то что уровень их образованности достаточно низкий. Такое искаженное представление о своих навыках, вероятнее всего, детерминировано не очень высокими требованиями к ним. Возможно также, что их высокая оценка возникла на фоне сравнения с цифровыми навыками собственного ребенка.

Несмотря на имеющиеся у ребенка нарушения в развитии интеллектуальных способностей, 16,6% родителей отмечают более высокий уровень развития цифровых навыков у своих детей, что вроде бы как «вписывается» в общую идею цифрового разрыва между детьми и их родителями (Солдатова, Рассказова, 2014; Deursen & Dijk, 2014), но в данной ситуации скорее констатирует факт переоценки или искаженности в восприятии способностей своего ребенка.

Контроль за временем, проведенном детьми с умственной отсталостью в Интернете, осуществляется их родителями в значительно большей степени, чем родителями детей с нормативным развитием. Однако ограничительную стратегию и активную позитивную стратегию защиты своего ребенка от вредной информации родители нормально развивающихся детей используют чаще. Это иллюстрирует факт недооценки родителями детей с умственной отсталостью своей роли посредников в этом вопросе и трудностей подбора адекватных воспитательных стратегий, в том числе в сфере цифровой социализации ребенка с умственной отсталостью.

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, большое количество электронных устройств в семье негативно сказывается на уровне цифровых навыков самих детей: подтверждена сильная отрицательная связь между цифровыми навыками детей и количеством цифровых устройств в семье. И вместе с тем, обнаружена положительная корреляция между цифровыми навыками детей с умственной отсталостью и доступностью/качеством используемых ребенком современных информационных устройств.

Недоверие родителей обучающихся с умственной отсталостью к Интернет-пространству в решении таких задач социализации, как развитие познавательной сферы и формирование навыков обработки информации, вполне логично. Однако это может свидетельствовать о недооценке родителями цифровой среды для решения задач компенсации имеющихся дефицитов ребенка с умственной отсталостью и о неэффективности стратегий цифровой родительской медиации. Это подтверждает результаты исследования Т. И. Кузьминой (2020; 2021), которая отмечает, что блокировку «вредных» сайтов осуществляет только 18,4% родителей; не ограничивают время, проведенное в сети, 40,5% родителей подростков с умственной отсталостью.

Заключение

Анализ результатов исследования позволяет обнаружить различия между экспериментальной и контрольной группами родителей по степени развития собственных цифровых навыков, уровню их активности в цифровой среде и мотивам медиапотребления, применяемым стратегиям цифровой медиации и аттитюдам в отношении возможностей цифровой среды в процессе социализации ребенка. В качестве ведущих факторов семейного воспитания, оказывающих значимое влияние на процесс развития цифровых навыков детей и подростков с умственной отсталостью, можно выделить цифровые навыки самих родителей, количество цифровых устройств (компьютер, планшет, ноутбук) в семье, а также их качество и доступность для ребенка.

Перспективы исследования

Настоящее исследование не исчерпывает заявленную проблему. Дальнейшая работа предполагает выделение других факторов семейного воспитания, расширение исследовательской выборки с привлечением родителей, воспитывающих детей разных нозологических групп. Результаты исследования позволят разрабатывать и реализовывать программы просвещения родителей и обучения их стратегиям цифровой медиации для совершенствования условий семейного воспитания и создания необходимой основы социализации ребенка с ОВЗ в цифровом обществе.

Благодарности

Автор выражает благодарность редакции и рецензентам за внимательное отношение к статье и указанные замечания, которые позволили повысить ее качество.

Литература

- Бедулина, Г.Ф., Лазуков, С.А. (2020). Интернет как фактор социализации подростков в условиях информационного общества XXI века. *Вестник МДПУ им. П. Шамякина*, 1(55), 57–63.
- Волкова, И. П., Писаренко, Е. Н. (2017). Значение и пути использования инвалидами по зрению компьютерных сетевых технологий. *Гуманитарные науки*, 2(38), 50–55.
- Жигинас, Н. В., Гребенникова, Е. В., Шелехов, И. Л. (2020). Сравнительный анализ родительско-детских отношений и временной перспективы родителей, воспитывающих детей с умственной отсталостью разной степени и расстройствами аутистического спектра. *Национальное здоровье*, 2, 57–62.
- Киселева, Т. Г., Рогунова, Ю. В. (2022). Психологические особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с интеллектуальными нарушениями. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(2).
- Клименко, В. К., Савенышева, С. С. (2020). Электронные устройства и ребенок: опосредующая роль родителей (по материалам зарубежных исследований). *Мир науки. Педагогика и психология*, 4(8).
- Ковбаса, Ю. А., Попова, С. В. (2021). Виды и методы использования цифровых образовательных технологий при обучении детей с ОВЗ. *Управление образованием: теория и практика*, 11(6), 87–94. <https://doi.org/10.25726/x1015-5846-1111-o>
- Королева, Ю. А. (2014). Факторы семейного воспитания в детерминации общения детей и подростков с интеллектуальными отклонениями в развитии. *Концепт*, 6, 71–77.
- Кузьмина, Т. И. (2020). Специфика сетевого взаимодействия и сетевых рисков личности подростков и юношей с ограниченными возможностями здоровья. Сообщение 1. *Дефектология*, 6, 50–61. https://doi.org/10.47639/0130-3074_2020_6_50
- Кузьмина, Т. И. (2021). Специфика сетевого взаимодействия и сетевых рисков личности подростков и юношей с ограниченными возможностями здоровья. Сообщение 2. *Дефектология*, 1, 38–48. https://doi.org/10.47639/0130-3074_2021_1_38
- Лучинкина, А. И. (2014). Специфика мотивации Интернет-пользователей. *Перспективы Науки и Образования*, 6(12), 105–109.
- Нурлыгаянов, И. Н., Соломина, Е. Н. (2022). Психолого-педагогические трудности в организации дистанционного обучения школьников с умственной отсталостью. *Дефектология*, 3, 43–52.
- Писаренко, И. А., Заиченко, Л. И. (2021). Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 13(2), 54–80. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>
- Сек, И. В., Какадий, И. И. (2020). Социализация ребенка в цифровом обществе. *Бюллетень науки и практики*, 6(3), 438–441. <https://doi.org/10.33619/s2414-2948/53/53>
- Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2014). Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей. *Национальный психологический журнал*, 2(14), 25–31. <https://doi.org/10.1162/npj.2014.0204>
- Старобина, Е. М. (2018). Об изучении реабилитационного потенциала семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2018. № 190. С. 63–69.

- Токарева, М. В., Малярчук, Н. Н. (2021). Цифровые компетенции учащихся с расстройствами интеллектуального развития. *Специальное образование*, 4(64), 181–196. https://doi.org/10.26170/1999-6993_2021_04_12
- Трофимова, Н. Н. (2021). Цифровая грамотность и цифровые навыки в контексте трансформации системы образования. *Альманах Крым*, 27, 78–86.
- Хабльева, С. Р. (2022). Основные подходы к формированию цифровых навыков. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 11, 3(40), 36–42. https://doi.org/10.57145/27128474_2022_11_03_07
- Сайфутдиярова Е. Ф., Фатихова, Л. Ф. (2017). Анализ зарубежных исследований по проблеме использования компьютерных технологий в коррекционно-образовательной работе с учащимися с ограниченными возможностями здоровья. *Коррекционно-педагогическое образование*, 2(10), 39–47.
- Солдатова, Г. У., Нестик, Т. А., Рассказова, Е. И., Зотова, Е. Ю. (2013). *Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования*. Фонд Развития Интернет.
- Шипицына, Л. М., Сорокин, В. М. (2008). Личностные особенности матерей, воспитывающих детей с нарушением интеллекта. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 12(3), 178–195.
- Caivano, O., Leduc, K., & Talwar, V. (2020). When you think you know: The effectiveness of restrictive mediation on parental awareness of cyberbullying experiences among children and adolescents. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 14(1). <https://doi.org/10.5817/CP2020-1-2>
- Deursen, A. van, & Dijk, J. van. (2014). The Digital Divide Shifts to Differences in Usage. *New Media & Society*, 16(3), 507–526. <https://doi.org/10.1177/1461444813487959>
- Good, B., & Fang, L. (2015). Promoting Smart and Safe Internet Use Among Children with Neurodevelopmental Disorders and Their Parents. *Clinical Social Work Journal*, 43(2), 179–188. <https://doi.org/10.1007/s10615-015-0519-4>
- Khanlou, N., Khan, A., Vazquez, L.M. et al. (2021). Digital Literacy, Access to Technology and Inclusion for Young Adults with Developmental Disabilities. *Journal of Development and Physical Disabilities*, 33(1), 1–25. <https://doi.org/10.1007/s10882-020-09738-w>
- Lauricella, A., Wartella, E., & Rideout, V. (2015). Young children's screen time: The complex role of parent and child factors. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 36, 11–17. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2014.12.001>
- Lussier-Desrochers, D., Normand, C.L., Romero-Torres, A., Lachapelle, Y., Godin-Tremblay V., Dupont M.-Ève, Roux J., Pépin-Beauchesne L., & Bilodeau P. (2017). Bridging the digital divide for people with intellectual disability. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 11(1). <https://doi.org/10.5817/CP2017-1-1>
- Nikken, P. (2017). Implications of low or high media use among parents for young children's media use. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 11(3). <https://doi.org/10.5817/CP2017-3-1>
- Sallafranque-St-Louis, F., & Normand, C. L. (2017). From solitude to solicitation: How people with intellectual disability or autism spectrum disorder use the Internet. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 11(1). <https://doi.org/10.5817/CP2017-1-7>
- Volkova, I. P., Koroleva, N. N., Bogdanovskaya, I. M., Ikonnikova, G. Yu., & Mashkova, A. V. (2019). Problematic Internet Usage by adolescents with disabilities. *Education and science*, 21(9), 98–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-9-98-121>
- Üstündağ-Alkan, R., Aslan, A., Turgut, Y. E., & Kurşun, E. (2021). Factors affecting parental mediation strategies in children's technology use: A systematic review. *Journal of Computer and Education Research*, 9(18), 702–723. <https://doi.org/10.18009/jcer.925859>

- Yuen, A. H., Park, J., & Cheng, M. (2018). The Significance of Cultural Capital and Parental Mediation for Digital Inequity. *New Media & Society*, 20(2), 599–617. <https://doi.org/10.1177/1461444816667084>
- Wolfers, L., Kitzmann, S., Sauer S., & Sommer, N. (2020). Phone use while parenting: An observational study to assess the association of maternal sensitivity and smartphone use in a playground setting, *Computers in Human Behavior*, 102. 31–38. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.08.013>
- Zaman, B., Nouwen, M., Vanattenhoven, J., Ferrerre, E., & Looy, J.V. (2016). A qualitative Inquiry into the Contextualized Parental Mediation Practices of Young Children's Digital Media Use at Home. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 60(1), 1–22. <https://doi.org/1080/08838151.2015.1127240>

Поступила в редакцию: 23.07.2023

Поступила после рецензирования: 10.06.2024

Принята к публикации: 10.06.2024

Информация об авторе

Юлия Александровна Королева – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой специальной психологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация; Web of Science Researcher ID6: AAX-8885-2021; РИНЦ Author ID: 650564; SPIN-код РИНЦ: 2598-3416; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2919-5617>; e-mail: koroleva-y@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Родительское выгорание и проактивное совладающее поведение матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра

Анна С. Кузьмина^{*1}, Ирина Я. Стоянова^{2,3}, Кристина О. Кривошей¹,
Светлана Б. Лещинская²

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Российская Федерация

³ НИИ психического здоровья Томского научно-исследовательского
медицинского центра РАН, Томск, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: annakuz87@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время выявлено значительное число детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Появление в семье ребенка с подобным расстройством создаёт неблагоприятную ситуацию для родителей, способствующую родительскому выгоранию. **Методы.** Выборку составили 75 матерей, воспитывающих детей с РАС (возраст опрашиваемых $36,52 \pm 6,54$ лет, возраст детей $6,1 \pm 1,72$ лет). Для диагностики использовались опросник «Родительское выгорание» (И. Н. Ефимова) и опросник проактивного совладающего поведения (E. Greenglas, R. Schwarzer, S. Taubert, адаптация Е. С. Старченковой). Для статистической обработки были использованы критерий Краскелла–Уоллиса, регрессионный анализ. **Результаты.** Установлено, что для матерей, воспитывающих двух детей, в меньшей степени характерна деперсонализация, чем для матерей, имеющих одного или трех детей, один из которых страдает РАС. Предиктором, снижающим эмоциональное истощение и деперсонализацию, является проактивное преодоление. Причиной повышения деперсонализации является поиск инструментальной поддержки без реального подкрепления ее в действиях, направленных на заботу о больном ребенке. В качестве

реальных родительских достижений выступают «Проактивное преодоление», «Стратегическое планирование», «Поиск эмоциональной поддержки». **Обсуждение результатов.** Родительское выгорание матерей, воспитывающих ребенка с РАС, определяется в большинстве случаев недостаточностью проактивного преодоления. Родительское выгорание имеет многофакторное происхождение и происходит в ответ на длительный дисбаланс между стрессорами и ресурсами матери. Полученные данные свидетельствуют о необходимости создания программ психологического сопровождения матерей, воспитывающих ребенка с Программы должны быть направлены на развитие родительской компетентности и проактивного копинга для профилактики выгорания.

Ключевые слова

расстройство аутистического спектра, родительское выгорание, семейная ситуация, детско-родительские отношения, деперсонализация, эмоциональное истощение, проактивный копинг, совладающее поведение.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках реализации Программы развития университета на 2021-2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» проект «Психологическое здоровье женщин, воспитывающих ребёнка с нарушениями развития».

Для цитирования

Кузьмина, А. С., Стоянова, И. Я., Кривошей, К. О., Лещинская С.Б. (2024). Родительское выгорание и проактивное совладающее поведения матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. *Российский психологический журнал*, 21(2), 101–118, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.6>

Введение

Данные Росстата России за 2023 год свидетельствуют о том, что численность детей в Российской Федерации составляет около 31 миллиона, из них у более 300 тысяч диагностированы расстройства аутистического спектра (РАС). Изучение проявлений родительского выгорания матерей, имеющих ребенка с РАС, связано с наличием значительного числа таких детей с таким заболеванием.

Появление в семье ребенка с РАС создаёт особую ситуацию: сам ребенок и все его окружение находятся под влиянием сильного стресса, вызванного заболеванием. Родители могут испытывать негативные эмоции – отчаяние, чувство вины, переживание собственной неполноценности. Тревога и беспокойство за

здоровье ребенка, избыточность усилий по уходу за ним сказываются на снижении способности качественно удовлетворять собственные потребности. Семейное и родительское неблагополучие, а также способствующие неблагополучию факторы, могут способствовать эмоциональному и физическому истощению, упадку сил и, в конечном итоге, родительскому выгоранию (Фадеева, 2021, Конищева, 2022). Показатели стресса в семьях, воспитывающих детей с РАС, выше, чем в семьях, воспитывающих детей с другими нарушениями развития, например, с синдромом Дауна или церебральным параличом (Hayes & Watson, 2013).

Факторы, влияющие на появление выгорания у родителей, воспитывающих детей с РАС

Симптоматика расстройств аутистического спектра затрагивает ключевые области функционирования, проявляется в раннем возрасте и сохраняется в течение всей жизни. РАС – системное, трудноизлечимое заболевание, что способствует нарастанию количества проблем, возникающих у родителей при воспитании детей с РАС (Морозов, Морозова, Тарасова, Чигрина, 2023).

Современные исследования свидетельствуют о том, что ключевые дефициты при аутистических расстройствах становятся источниками стресса и создают почву для родительского выгорания (Морозов, Морозова, Тарасова, Чигрина, 2023). Дефицитами выступают, в первую очередь, трудности понимания ребенком эмоций, коммуникативных намерений других людей и социальных правил, а также трудности социального взаимодействия и коммуникации. Задержка в развитии речи нередко приводит к тому, что ребенку с РАС сложно обращаться за помощью, выражать собственные желания или от чего-либо отказываться. Более того, родительские переживания, снижающие стрессоустойчивость, обусловлены слабо сформированной у детей с РАС способностью к самообслуживанию и выполнению гигиенических процедур. Избирательность детей с РАС в еде, предпочтение приема пищи в одиночестве усугубляет социальную изоляцию и создает дополнительные трудности для семьи. Кроме того, для детей с РАС характерны нарушения сна, проявляющиеся в невозможности засыпания в положенное время. Все вышеперечисленные особенности физически изнуряют и эмоционально утомляют членов семьи.

Особенности отношения родителей к ребенку с РАС

Отношение родителей к ребенку с РАС в связи с большим количеством трудностей, с которыми сталкиваются родители, и высоким уровнем семейной напряженности, становится особенным (Первушина, Киселева, Мурашова, Дорошева, 2021).

Отношение матерей к детям с расстройством аутистического спектра носит противоречивый характер. В исследованиях Т. Н. Высотиной (2012) установлено, что материнское отношение соединяет в себе эмоциональное принятие и одновременно

отторжение ребенка. Исследователи выявили также эмоциональную отстраненность по отношению к детям и высокий уровень материнской тревожности, которые способствуют проявлениям родительского выгорания (Горина, Гринина, Рудзинская, 2019). Матери, воспитывающие ребенка с расстройством аутистического спектра, меньше контролируют его действия, приуменьшают тяжесть состояния и в большинстве случаев не соблюдают рекомендации врача (Богачева, Иванов, 2019). Отношение к семейной роли матери ребенка с РАС является противоречивым. Выражены негативизм, избыточная концентрация на ребенке и эмоциональная дистанцированность (Брагина, Белозерова, Прокофьева, 2021).

Рассматривая причины родительского выгорания, Г. Г. Филлипова (2017) предполагает его взаимосвязь с требованиями матери к себе, которые определяются общественными устоями. Восприятие исполнения родительских функций в качестве формы трудовой повинности также приводит к материнскому выгоранию (Базалева, 2009).

Родительское выгорание в качестве многофакторного феномена происходит в ответ на длительный дисбаланс между стрессорами и ресурсами родителя (Кисова, Конева, 2022). Воспитание ребенка с РАС является фактором риска, который способствует появлению симптомов родительского выгорания. При этом выгорание можно предотвратить, если у родителей имеются психологические ресурсы (Kwiatkowski & Sekułowicz, 2017; Lebert-Charron, Dorard, Boujur & Wendland, 2018; Mikolajczak, Gross & Roskam, 2021; Mikolajczak, Raes, Avalosse & Roskam, 2017).

Проактивное совладающее поведение

Копинг-стратегии, которых придерживаются матери, воспитывающие детей с РАС, связаны со способностью матерей справляться со стрессовыми ситуациями. Копинг проявляется в психологическом преодолении, включающем комплекс способов и приемов совладания с проявлениями дистресса. Копинги – многообразные формы активности человека, охватывающие все виды взаимодействия с трудностями, которые необходимо разрешить, избежать или взять под контроль (Корытова, Корытова, Еремина, 2019; Еремина, 2017).

Совладающее поведение – осознанная регуляция, призванная изменить существующую жизненную ситуацию (Водопьянова, 2009; Водопьянова, Старченкова, 2008). Главной целью этой регуляции является адаптация потребностей личности под предложенные условия и изменение условий ради удовлетворения внутренних потребностей. Для получения результата личность должна встать на активную позицию, тогда как любая другая позиция не приведет к полному изменению ситуации и получению позитивных эмоций (Водопьянова, 2009; Водопьянова, Старченкова, 2008).

Проактивное совладающее поведение ориентировано преимущественно на будущее и состоит из усилий по формированию и развитию общих ресурсов

личности (Конищева, 2022). Проактивное преодоление способствует постановке лично значимых целей и может инициировать конструктивные пути действий. Проактивное преодоление повышает общий потенциал активности и стрессоустойчивости человека (Подобина, 2005). Проактивный уровень совладания отражает прогнозирование неопределенности будущего во всех его гранях и вариативности жизненного пути. Проактивный копинг снижает психическую напряженность за счёт продуманного накопления ресурсов, их распределения и комбинирования. Процесс работы с ресурсами динамический, всегда сталкивающий человека и ситуацию, субъективность с объективностью (Старченкова, 2009; Белинская, Вечерин, 2018; Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018). Проактивное совладание строится на целеполагании и проактивной саморегуляции, которые помогают достигать поставленных целей и правильно распределять ресурсы.

Еще одним важным аспектом проактивного совладания является поиск инструментальной и эмоциональной поддержки. Он также направлен на распознавание и предупреждение возможных стрессов. Определив возможные риски, можно правильно распределить ресурсы, в нужное время подготовиться к их накоплению (Еремина, 2015; 2016).

Проактивное совладание – ресурсная составляющая. Поэтому важно и необходимо изучение как психологических факторов, способствующих родительскому выгоранию матерей, воспитывающих ребенка с РАС, так и материнского проактивного совладающего поведения. Мы предположили, что использование проактивного совладающего поведения способствует снижению родительского выгорания у матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра.

Цель исследования

Целью исследования является выявление взаимосвязи между родительским выгоранием и проактивным совладающим поведением у матерей, воспитывающих ребенка с РАС.

Гипотезой исследования выступило предположение о положительной роли проактивного совладающего поведения в снижении симптомов родительского выгорания.

Методы

Выборка

В исследовании на добровольной основе приняли участие 127 матерей, имеющих детей с РАС. Из выборки были исключены женщины, воспитывающие более 3 детей, а также женщины, находящиеся в гражданском браке, или дополнительно имеющие

ребенка с другими заболеваниями. Кроме того, были исключены матери, чьи дети страдали РАС менее 1 года, поскольку небольшой срок заболевания мог оказать влияние на результаты исследования.

Итоговую выборку составили 75 матерей в возрасте $36,52 \pm 6,54$ лет, имеющих ребенка с расстройством аутистического спектра дошкольного возраста. Возраст детей – $6,1 \pm 1,72$ года. Из них: 16 девочек, 59 мальчиков.

Эмпирическое исследование было проведено на базе КГБУ «Алтайский краевой центр психолого-педагогической и медико-социальной помощи».

Анкетирование для описания характеристик выборки включало информацию о возрасте, семейном положении, уровне образования, наличии работы и количестве детей (таблица 1).

Таблица 1

Описание выборки исследования

Параметр	Значение	Количество человек	%
Возраст	до 30 лет	16	21
	до 35 лет	36	48
	старше 35 лет	23	31
Уровень образование	Среднее	5	6
	среднее профессиональное	28	37
	Высшее	42	57
Семейное положение	состоит в браке	52	69
	не состоит в браке	23	31
Наличие работы	Есть	16	21
	Нет	59	79
Количество детей	1	27	36
	2	37	49
	3	11	15

Методики исследования

В работе использовались два диагностических инструмента:

1. Опросник «Родительское выгорание» И.Н. Ефимовой. Опросник использовался для изучения уровня родительского выгорания и его симптомов: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений (Ефимова, 2013).
2. Опросник проактивного совладающего поведения (Proactive Coping Inventory, PCI), разработан Е. Грингласс (E. Greenglass), Р. Шварцером (R. Schwarzer) и С. Таубертом (S. Taubert) в адаптации Е.С. Старченковой. С его помощью изучались следующие типы проактивного совладания: проактивное преодоление, рефлексивное преодоление, стратегическое планирование, превентивное преодоление, поиск инструментальной поддержки, поиск эмоциональной поддержки (Старченкова, 2009). Психодиагностика с помощью опросника позволяет получить полную информацию об особенностях проактивного совладания матерей.

Процедура исследования

Исследование проводилось в индивидуальной письменной форме. Продолжительность обследования – 30–40 минут. После участия в исследовании участницам предлагалось получить консультацию психолога по результатам прохождения опросников.

Анализ данных

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23. Использовались непараметрический критерий Краскелла–Уоллиса для выявления различий между группами, регрессионный анализ для выявления предикторов симптомов родительского выгорания.

Результаты

Для выявления различий в выраженности симптомов родительского выгорания и типах проактивного совладающего поведения в зависимости от социально-демографических переменных женщин, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра, использовался критерий Краскелла–Уоллиса. В качестве группирующего фактора включались социально-демографические характеристики (возраст, уровень образования, семейное положение, наличие работы, количество детей), а в качестве независимых переменных – симптомы родительского выгорания, типы проактивного совладающего поведения.

Выявлены достоверные различия по параметру деперсонализации у матерей, имеющих разное количество детей (табл. 2). По остальным социально-демографическим параметрам значимых различий не обнаружено.

Таблица 2

Сравнительный анализ симптомов родительского выгорания у матерей, имеющих разное количество детей

Симптомы родительского выгорания	Кол-во детей	Средний ранг	χ^2	p
Эмоциональное истощение	1	40,02	337	0,185
	2	33,89		
	3	46,86		
Деперсонализация	1	41,81	5,72*	0,05
	2	32,39		
	3	47,50		
Редукция родительских достижений	1	33,11	3,41	0,181
	2	42,69		
	3	34,23		

Примечание. p – уровень достоверности различий, «*» – p < 0,05

У матерей, воспитывающих двух детей, в меньшей степени проявляется деперсонализация, чем у матерей, имеющих одного или трех детей. Деперсонализация проявляется в обезличенном, формальном характере отношения матери с детьми. Забота о детях при появлении данного симптома эмоционального выгорания выражается в выполнении формальных задач – например, «одеть» или «накормить». Наличие в семье второго нормотипичного ребенка является фактором, сдерживающим развитие симптома деперсонализации. В отношениях с нормотипичным ребенком женщина может удовлетворить ряд эмоциональных потребностей, которые фрустрированы в отношениях с ребенком с РАС. Матери, воспитывающие трех детей, имеют наиболее высокий уровень деперсонализации, что может быть связано с большим количеством задач в многодетной семье, особенно при наличии ребенка, страдающего РАС.

На следующем этапе исследования был проведен линейный регрессионный анализ, в который в качестве независимых переменных были включены типы проактивного совладающего поведения, а в качестве зависимых переменных методом включения с вероятностью F = 0,05 в модель добавлялись показатели симптомов родительского выгорания. В результате были получены три достоверные регрессионные модели для симптомов родительского выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений.

Как видно из таблицы 3, фактором, снижающим эмоциональное истощение, выступает «Проактивное преодоление».

Таблица 3
Предикторы эмоционального истощения (n = 75)

Предикторы	B	Бета	p
Проактивное преодоление	-0,603	-0,396	0,004
Рефлексивное преодоление	0,185	0,111	0,386
Стратегическое планирование	-0,572	-0,154	0,228
Превентивное преодоление	-0,110	-0,061	0,678
Поиск инструментальной поддержки	0,580	0,237	0,065
Поиск эмоциональной поддержки	-0,436	-0,138	0,292
(Константа)	45,127		0,01

Показатели модели: $R^2 = 0,296$; $R^2_{adj} = 0,234$; $F = 4,761$; $p = 0,001$

Таким образом, проявления эмоционального истощения у матерей связаны с отсутствием ресурсов по постановке и достижению личностных целей.

Проактивное преодоление является значимым ресурсом совладания с эмоциональным истощением. Целеполагание, саморегуляция, умение планировать и активизировать ресурсы для достижения цели помогает матери, воспитывающей ребенка с расстройством аутистического спектра, справиться с эмоциональным перенасыщением, чувством опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов.

Разработана линейная регрессионная модель для симптома родительского выгорания – деперсонализации. Фактором, снижающим деперсонализацию, выступает «Проактивное преодоление», а фактором, способствующим проявлениям деперсонализации – «Поиск инструментальной поддержки». В деперсонализацию вносит вклад:

- а) отсутствие ресурсов по постановке и достижению личностных целей;
- б) получение информации для совладания со стрессом (табл. 4).

Таблица 4
Предикторы деперсонализации (n = 75)

Предикторы	B	Бета	p
Проактивное преодоление	-0,245	-0,363	0,011
Рефлексивное преодоление	0,088	0,119	0,367
Стратегическое планирование	-0,391	-0,237	0,074
Превентивное преодоление	0,167	0,208	0,170
Поиск инструментальной поддержки	0,403	0,371	0,006
Поиск эмоциональной поддержки	-0,255	-0,182	0,179
(Константа)	9,271		0,01

Показатели модели: $R^2 = 0,499$; $R^2_{adj} = 0,249$; $F = 3,759$; $p = 0,003$

Данные показатели отражают противоречивые тенденции, связанные с поиском инструментальной поддержки, которая не препятствует, а наоборот, способствует проявлениям деперсонализации. Представляется, что матери детей с РАС затрачивают много сил и энергии, чтобы найти информацию о лечении ребенка, причинах заболевания, получить советы об уходе за ним. При этом взаимодействие с ребенком характеризуется эмоциональным дистанцированием, формальным выполнением родительских обязанностей. Можно предположить, что переживание матерью длительного стресса, связанного со сложным и трудно корригируемым диагнозом, недостаточное количество ресурсов, противоречия при использовании инструментальной поддержки, невозможность применить полученную информацию и советы на практике способствуют развитию и поддержанию симптома деперсонализации. В то же время проактивное совладающее поведение, целеполагание, саморегуляция, умение планировать и активизировать ресурсы для достижения цели помогают матери, воспитывающей ребенка с расстройством аутистического спектра, справиться с симптомами деперсонализации.

В дальнейшем нами была получена линейная регрессионная модель для симптома родительского выгорания «Редукция родительских достижений». Ресурсной составляющей родительских достижений выступают «Проактивное преодоление», «Стратегическое планирование», «Поиск эмоциональной поддержки». При этом в редукцию родительских достижений вносит вклад:

- а) отсутствие ресурсов по постановке и достижению личностных целей;
- б) отсутствие четко продуманного плана действий;
- в) отсутствие поиска эмоциональной поддержки и общения с другими людьми;
- г) получение информации для совладания со стрессом (табл. 5).

Таблица 5

Предикторы редукции родительских достижений (n = 75)

Предикторы	B	Бета	p
Проактивное преодоление	0,464	0,451	0,001
Рефлексивное преодоление	-0,236	-0,209	0,088
Стратегическое планирование	0,615	0,245	0,046
Превентивное преодоление	-0,076	-0,062	0,654
Поиск инструментальной поддержки	-0,437	-0,264	0,031
Поиск эмоциональной поддержки	0,638	0,299	0,018
(Константа)	18,345		0,001

Показатели модели: $R^2 = 0,601$; $R^2_{adj} = 0,361$; $F = 6,401$; $p = 0,001$

У матерей отмечается снижение чувства компетентности в выполнении родительской роли, а также недовольство собой. Потребность матери в эмоциональной поддержке значительна, но вместе с тем в большинстве случаев матери не обсуждают с близкими людьми трудности, которые возникают во взаимодействии с ребенком и при распределении семейных обязанностей. Зачастую, к тому же, матери скрывают наличие заболевания у ребёнка.

Обсуждение результатов

Рождение и воспитание ребенка с расстройством аутистического спектра связано с переживанием семьей хронического стресса и с развитием симптомов родительского выгорания. Особенно эмоциональное выгорание актуально для матерей.

В исследовании получены данные о том, что симптомы родительского выгорания не связаны с параметрами возраста, уровня образования, семейного положения, наличия работы. Матери, которые воспитывают двух детей, в меньшей степени

подвержены появлению симптома деперсонализации, чем матери, имеющих одного или трех детей. Наличие в семье второго нормотипичного ребенка является фактором, сдерживающим развитие симптома деперсонализации. В отношениях с нормотипичным ребенком женщина может удовлетворить ряд эмоциональных потребностей, которые фрустрированы в отношениях с ребенком с РАС. Появление в семье нормотипичного ребенка позволяет родителям реализовать фрустрированные родительские установки, получить эмоциональный отклик и почувствовать родительскую компетентность. Многодетность семьи также связана с риском развития деперсонализации, что требует дальнейшего изучения.

Результаты регрессионного анализа позволяют сделать вывод, что предикторами эмоционального истощения матерей выступают отсутствие ресурсов по постановке и достижению личностных целей. Деперсонализация связана с отсутствием ресурсов по постановке и достижению личностных целей и с ориентацией на инструментальное совладание. В редукцию родительских достижений вносит вклад отсутствие ресурсов по постановке и достижению личностных целей, отсутствие четко продуманного, целеориентированного плана действий, противоречия при поиске эмоциональной поддержки, ориентация на получение информации для совладания со стрессом, но отсутствие ее реального применения при воспитании ребенка с РАС. Проактивное совладание матерей детей с инвалидностью характеризуется активным совладанием, планированием, поиском инструментальной поддержки (Kurowska, Kózka, Majda, 2021).

Родители детей с РАС испытывают хроническую усталость, которая мешает им справляться с обязанностями, а также удовлетворять как потребности детей, так и свои собственные (Боброва, Довбня, Морозова, Сотова, 2022; Пустовая, Пустовая, Гуткевич, 2021). Robinson M., Neese (2015) отмечают высокий уровень родительского стресса в семьях, воспитывающих ребенка с нарушениями развития. Часто представления родителей о реальных потребностях детей с РАС и возможностях удовлетворения потребностей не всегда соответствуют действительности (Geiger, Smith, Creaghead, 2002; Thomas, Elli, McLaurin, 2007; Wallace-Watkin, Whitehouse, Waddington, 2021)

Отношение матери к ребенку с РАС выступает важным фактором родительского выгорания (Ильина, Гуриева, 2019; Аникина, Пшонова, 2019; Ефимова, 2013). Так, выявлена взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и родительским пренебрежением, насилием и избеганием (Maslach & Leiter, 2016; Mikolajczak, Gross & Roskam, 2019). Установлено, что родительское выгорание часто недооценивается, при этом оно может быть разрушительным для ролевого функционирования и здоровья родителей. К факторам риска проявлений родительского выгорания исследователи относят наличие у родителей суицидальных мыслей, нарушения сна, субдепрессивные проявления. Родительское выгорание способствует увеличению конфликтов в семье, а также учащению случаев применения насилия по отношению к ребенку (Баландова, 2020; Mikolajczak & Roskam, 2018; Mikolajczak & Roskam, 2020; Mikolajczak, Aunola, Sorkkila & Roskam, 2023).

Актуальным является и проблема родительского выгорания отцов. Сейчас широкое распространение получают партнерские семьи, ориентированные на равный вклад супругов в благополучие семьи, показано, что родительское выгорание отцов имеет умеренно положительную связь с появлением у ребенка отклонений в эмоциональной сфере, а также возникновением затруднений, связанных с социальным взаимодействием (Lee Pace, Lee, Knauer H, 2018), данная проблема требует дальнейшего изучения.

Эмоциональное истощение, приглушение эмоциональных реакций, снижение собственных ресурсов, формальное соблюдение родительских обязанностей, снижение чувства родительской компетентности – психологические особенности, определенные недостаточностью проактивного преодоления. Недостаточность проактивного преодоления проявляется в неумении ставить цели и использовать имеющиеся ресурсы для позитивного изменения в проблемной ситуации. Матери, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, часто испытывают неуверенность в правильности воспитания, что сопровождается чувством вины, беспомощности, стыда, страха, в том числе страха обратиться за помощью к специалистам. Эти причины являются почвой для развития хронического стресса и симптомов родительского выгорания. Полученные результаты согласуются с результатами исследований Crnic, Ross (2017), которые отмечают связь родительского выгорания и самооэффективности родителя.

Матери детей с РАС часто используют неконструктивные копинг-стратегии мысленного ухода от проблемы, отрицания, поведенческого ухода, прием успокоительных (Stallman, Beaudequin, Hermens, Eisenberg, 2021).

Представления о том, что проактивное совладание снижает психическую напряженность за счёт продуманного накопления ресурсов, их распределения и комбинирования, рассматриваются в целом ряде публикаций (Старченкова, 2009). Наши результаты подтверждают гипотезу о положительной роли проактивного совладающего поведения в снижении симптомов родительского выгорания.

Заключение

В исследовании разработаны три регрессионные модели симптомов родительского выгорания: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений. Нами определена положительная роль проактивного совладающего поведения в снижении симптомов родительского выгорания.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости создания специальных программ психологического сопровождения матерей, воспитывающих ребенка с расстройствами аутистического спектра, направленных на повышение родительской компетентности и снижение проявлений родительского выгорания.

Ограничения исследования

Ограничениями исследования выступают малый объем выборки, а также ее географическая представленность, ограниченная территорией Алтайского края. Кроме того, отмечается недостаточная сбалансированность выборок по социально-демографическим характеристикам, участие в исследовании только матерей и отсутствие изучения родительского выгорания у отцов.

Перспективы исследования

Перспективы исследования связаны с расширением выборки в аспекте изучения детско-родительских отношений в динамике, личностных особенностей матерей и семейных различий в контексте создания комплексных программ психологического сопровождения, включая развитие проактивного совладающего поведения, для родителей, имеющих детей с расстройствами аутистического спектра.

Литература

- Аникина, В. О., Пшонова, К. А. (2019). Взаимосвязь родительских компетенций, эмоционального состояния и уровня родительского стресса матерей детей дошкольного и младшего школьного возраста. *Мир науки. Педагогика и психология*, 6.
- Базалева, Л. А. (2009). Отношение матери к ребенку в связи с ее эмоциональным выгоранием. *Гуманизация образования*, 6, 88–93.
- Баландова, С. М. (2020). Исследование родительского выгорания в зарубежной науке и практике. Н. М. Комарова, Т. Ф. Сусллова (ред.). В: *Материалы III Международной научно-практической конференции в рамках V Международного фестиваля науки «Социальная работа в современном мире: тенденции и перспективы развития»*. Московский государственный областной университет.
- Белинская, Е. П., Вечерин, А. В. (2018). Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг». *Социальная психология и общество*, 9(3), 137–145. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090314>
- Белинская, Е. П., Вечерин, А. В., Агадуллина, Е. Р. (2018). Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности. *Клиническая и специальная психология*, 7(3), 192–211. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070312>
- Боброва, А. В., Довбня, С. В., Морозова, Т. Ю., Сотова, Е. Н. (2022). Реализация программ поддержки родителей дошкольников с РАС. *Аутизм и нарушения развития*, 20(1), 37–46. <https://doi.org/10.17759/autdd.2022200105>
- Богачева, О. И., Иванов, М. В. (2019). Особенности материнского отношения к болезни детей с расстройствами аутистического спектра. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 3, 21–28.
- Брагина, Е. А., Белозерова, Л. А., Прокофьева, М. В. (2021). Отношение к ребенку и семейной роли матерей детей с расстройствами аутистического спектра и детей с нарушениями речи. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*, 2, 39–45. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2021-2-39-45>
- Водопьянова, Н. Е. (2009). *Психодиагностика стресса*. Питер.

- Водопьянова, Н. Е., Старченкова, Е. С. (2008). *Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд.* Питер.
- Горина, Е. Н., Гринина, Е. С., Рудзинская, Т. Ф. (2019). Современные подходы к изучению семьи, воспитывающей ребенка с расстройством аутистического спектра. *Мир науки. Педагогика и психология*, (5), 1–10.
- Еремина, Ю. А. (2015). Доминирующие копинг-стратегии матери, воспитывающей ребенка раннего возраста. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 11(164), 77–81.
- Еремина, Ю. А. (2016). Особенности совладающего поведения матерей, воспитывающих детей первых лет жизни с разным уровнем социального развития. *Научно-педагогическое обозрение*, 2(12), 16–24.
- Еремина, Ю. А. (2017). Ранний материнский копинг и его взаимосвязь с психосоциальным развитием ребенка в возрасте от одного года до трех лет. *Научно-педагогическое обозрение*, 2(16), 37–47.
- Ефимова, И. Н. (2013). Возможности исследования родительского «выгорания». *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, 4, 31–40.
- Ильина, Т. И., Гуриева, С. Д. (2019). Кризис идентичности как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей. *Человек и образование*, 3(60), 85–93.
- Кисова В. В., Конева, И. А. (2022). Родительская позиция в семьях, воспитывающих дошкольников с расстройствами аутистического спектра. *Аутизм и нарушения развития*, 20(1), 12–19. <https://doi.org/10.17759/autdd.2022200102>
- Конищева, А. В. (2022). Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии. *Психология и право*, 12(3), 86–96.
- Корытова, Г. С., Корытова, Ю. А., Еремина, Ю. А. (2019). Факторная структура раннего материнского копинга с позиции разноуровневого психосоциального развития ребенка. *Science for Education Today*, 9(1), 157–169.
- Морозов, С. А., Морозова, С. С., Тарасова, Н. В., Чигрина, С. Г. (2023). Исследование отношений внутри семьи, имеющей ребенка с аутизмом, и ее отношений с социальным окружением. *Аутизм и нарушения развития*, 21(1), 86–93. <https://doi.org/10.17759/autdd.2023210110>
- Первушина, О. Н., Киселева, О. В., Мурашова, Т. А., Дорошева, Е. А. (2021). Эмоциональное состояние родителей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 21(1), 14–22.
- Подобина, О. Б. (2005). Совладающее поведение женщины на этапе принятия роли матери. Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова.
- Пустовая, А. В., Пустовая, Е. Н., Гуткевич, Е. В. (2021). Взаимосвязи ведущих установок отношения родителей к болезни, поведенческим особенностям и социальным навыкам детей с аутизмом. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 10(2А), 83–94. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.21.64.004>
- Старченкова, Е. С. (2009). Концепция проактивного совладающего поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика*, 2(1), 198–205.
- Фадеева, Т. Ю. (2021). Психологические факторы родительского выгорания отцов и матерей. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 10, 4(40), 334–343. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343>
- Филлипова, Г. Г. (2017). Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии. *Материалы итогового международного конгресса*

- «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества».
- Crnic K., Ross E. (2017) Parenting Stress and Parental Efficacy. In: *Parental Stress and Early Child Development: Adaptive and Maladaptive Outcomes*. K. DeaterDeckard, R. Panneton. (eds.). Springer, 263–284. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55376-4_11
- Geiger D.M., Smith D.T., Creaghead N.A. (2002) Parent and Professional Agreement on Cognitive Level of Children with Autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 32(4), 307–312. <https://doi.org/10.1023/a:1016382819186>
- Hayes, S. A., & Watson, S. L. (2013). The Impact of Parenting Stress: A Meta-analysis of Studies Comparing the Experience of Parenting Stress in Parents of Children With and Without Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 43(3), 629–642. <https://doi.org/10.1007/s10803-012-1604-y>
- Kurowska A., Kózka M., Majda A. (2021) 'How to cope with stress?' Determinants of coping strategies used by parents raising children with intellectual disabilities, other developmental disorders and typically developing children. A cross-sectional study from Poland. *Journal of Mental Health Research in Intellectual Disabilities*. 2021, 14(1), 23–49. <https://doi.org/10.1080/19315864.2020.1832166>
- Kwiatkowski, P., & Sekułowicz, M. (2017). Examining the Relationship of Individual Resources and Burnout in Mothers of Children with Disabilities. *International Journal of Special Education*, 32(4), 823–841.
- Lebert-Charron, A., Dorard, G., Boujur, E., & Wendland, J. (2018). Maternal burnout syndrome: contextual and psychological associated factors. *Frontiers in Psychology*, 9, 885. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00885>
- Lee S. J., Pace G. T., Lee J. Y., Knauer H. (2018) The association of fathers' parental warmth and parenting stress to child behavior problems. *Children and Youth Services Review*, 91, 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.childev.2018.05.020>
- Maslach, C., & Leiter, M. (2016). Understanding the burnout experience. Recent research and its implications for psychiatry. *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 15, 103–111, <https://doi.org/10.1002/wps.20311>
- Mikolajczak, M., Aunola, K., Sorkkila, M., & Roskam, I. (2023). 15 years of Parental Burnout Research: Systematic Review and Agenda. *Current Directions in Psychological Science*, 32(4), 276–283. <https://doi.org/10.1177/09637214221142777>
- Mikolajczak, M., Gross J., & Roskam I. (2019). Parental Burnout: What Is It, and Why Does It Matter? *Clinical Psychological Science*, 7(6). <https://doi.org/10.1177/2167702619858430>
- Mikolajczak, M., Gross, J., & Roskam, I. (2021). Beyond Job Burnout: Parental Burnout! *Trend in Cognitive Sciences*, 25(5). <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.01.012>
- Mikolajczak, M., Raes, M-E., Avalosse, H., & Roskam, I. (2017). Exhausted parents: Sociodemographic, child-related, parent-related, parenting and family functioning correlates of parental burnout. *Journal of Child and Family Studies*, 27(2), 602–614. <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0892-4>
- Mikolajczak, M., & Roskam, I. A. (2018). Theoretical and Clinical Framework for Parental Burnout: The Balance Between Risks and Resources (BR²). *Frontiers in Psychology*, 12(9). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00886>
- Mikolajczak, M., & Roskam, I. A. (2020). Parental Burnout: Moving the Focus from Children to Parents. *New Directions for Child and Adolescent Development*. <https://doi.org/10.1002/cad.20376>
- Robinson M., Neece C. L. (2015) Marital satisfaction, parental stress, and child behavior problems among parents of young children with developmental delays. *Journal of Mental Health Research in Intellectual Disabilities*, 8(1), 23–46. <https://doi.org/10.1080/19315864.2014.994247>

- Thomas K., Ellis A.R., McLaurin C. et al. (2007) Access to Care for Autism-Related Services. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 37(10), 1902–1912. <https://doi.org/10.1007/s10803-006-0323-7>
- Stallman H.M., Beaudequin D., Hermens D.F., Eisenberg D. (2021) Modelling the relationship between healthy and unhealthy coping strategies to understand overwhelming distress: A Bayesian network approach. *Journal of Affective Disorders Reports*, 3. <https://doi.org/10.1016/j.jadr.2020.100054>
- Wallace-Watkin, C., Whitehouse, A. J. O., & Waddington, H. (2021) Early Intervention Delivery Methods for New Zealand Children with Autism: Current Practices Versus Parental Preferences *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 51(9), 3199–3211. <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04777-w>

Поступила в редакцию: 28.09.2023

Поступила после рецензирования: 01.01.2024

Принята к публикации: 25.02.2024

Заявленный вклад авторов

Анна Сергеевна Кузьмина – планирование исследования, анализ и интерпретация результатов.

Ирина Яковлевна Стоянова – интерпретация результатов, научное редактирование текстов разделов «Результаты»; «Обсуждение результатов» критический пересмотр содержания статьи.

Кристина Олеговна Кривошей – планирование и проведение исследования, формирование эмпирической выборки, анализ и интерпретация результатов.

Светлана Борисовна Лещинская – анализ и интерпретация результатов.

Информация об авторах

Анна Сергеевна Кузьмина – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; WOS Research ID: HGB-9377-2022, Scopus ID: 57961679500, SPIN-код: 3687-0328, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5864-7120>; e-mail: annakuz87@yandex.ru

Ирина Яковлевна Стоянова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», ведущий научный сотрудник отделения аффективных состояний, Научно-исследовательский институт психического здоровья ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук», г. Томск, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57193702114, ResearcherID: O-1358-2014, SPIN-код: 5048-1557, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2483-9604>; e-mail: lthka1948@mail.ru

Кристина Олеговна Кривошей – аспирантка 3 года обучения, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация Researcher ID: JEP-3530-2023, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2948-2245>; e-mail: krivoshepsy@yandex.ru

Светлана Борисовна Лещинская – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и психогенетики, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57204199403, ResearcherID: N-3029-2014, SPIN-код: 8965-4260, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9564-085X>; e-mail: s_leschins94@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.7>

Особенности эмоционального выгорания у военных врачей с разными моделями доверительных отношений

Татьяна П. Скрипкина^{1,3}, Илья И. Херсонский^{2*}

¹ Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

² Первый МГМУ им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва
Российская Федерация

³ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: kosmos086@mail.ru

Аннотация

Введение. Несмотря на высокий интерес научного сообщества к изучению выгорания и доверия в сфере медицины, по-прежнему недостаточно сведений о связи особенностей развития профессионального выгорания с доверием в широком смысле у медицинских специалистов. Наше исследование посвящено изучению особенностей проявления эмоционального выгорания у военных врачей, имеющих различные модели доверительных отношений. **Методы.** Мы использовали методики: опросник профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой), «Методика оценки доверия к себе» Т. П. Скрипкиной, «Шкала межличностного доверия» Дж. Роттера в адаптации С. Г. Достовалова. Количество респондентов – 41 военный врач. В ходе исследования мы разделили выборку на 3 подгруппы в зависимости установленных моделей доверительных отношений. **Результаты.** У специалистов, характеризующихся гармоничным соотношением доверия к себе и к Миру, менее выражены проявления деперсонализации и психоэмоционального истощения. У военных врачей, в большей степени доверяющих себе, чем Миру, наблюдаются наиболее выраженные показатели истощения и деперсонализации, что согласуется с теоретическими представлениями о роли доверия. Показатели профессионального выгорания менее

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

выражены у респондентов с высоким уровнем доверия к себе и к Миру. Самые низкие показатели деперсонализации и редукции личных достижений наблюдаются у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру, самые высокие показатели деперсонализации наблюдаются у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру, а наиболее выраженная редукция личных достижений наблюдается у военных врачей со средним уровнем доверия к себе и к Миру. **Обсуждение результатов.** Развитие доверительных отношений к себе и Миру способствуют менее выраженному развитию симптомов профессионального выгорания военных врачей. Полученные результаты расширяют знания о связи доверия и профессионального выгорания в медицинской сфере, в частности, у врачей военной сферы.

Ключевые слова

эмоциональное выгорание, истощение, деперсонализация, редукция личных достижений, доверие к себе, доверие к Миру, ценностная установка, военные врачи

Для цитирования

Скрипкина, Т. П., Херсонский, И. И. (2024). Особенности эмоционального выгорания у военных врачей с разными моделями доверительных отношений. *Российский психологический журнал*, 21(2), 119–132. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.7>

Введение

Проблема профессионального выгорания в медицинской сфере широко рассматривается во многих работах зарубежных и отечественных авторов. Профессиональное выгорание у врачей приводит к негативным последствиям не только в отношении здоровья, психологического благополучия самих специалистов (Toker et al., 2012; Verougstraete & Hachimi Idrissi, 2020; Матюшкина, Рой, Рахманина, Холмогорова, 2020), но и в отношении профессиональной деятельности и её результатов (Panagioti et al., 2018). Отмечается повышение риска совершения количества ошибок на рабочем месте при наличии профессионального выгорания (Hudson & Moore, 2011; Кобякова и др., 2016).

Факторы выгорания связаны как со спецификой рабочей среды, трудового процесса, организационной среды (Gluschkoff, Hakanen, Elovainio, Vänskä & Heroniemi, 2022), так и с личностными особенностями профессионала. К факторам организационной среды относят неопределенность, непредсказуемость на рабочем месте, тип работы, работу с пациентами в тяжелых состояниях (Gimenez Lozano, Martínez Ramón & Morales Rodríguez, 2021). В качестве факторов, вызывающих

выгорание у врачей, описаны молодой возраст специалистов, неудовлетворенность работой, её условиями, такими как заработная плата, количество сверхурочной работы, большая продолжительность рабочего дня (Atoafo et al., 2015). Помимо этого, отмечаются также и факторы протекции, препятствующие развитию синдрома выгорания, к числу которых относятся опыт, научная деятельность, наличие семьи, организация умеренного отдыха (Кобякова и др., 2019), благоприятная в психологическом плане рабочая среда, наличие внутренних стратегий преодоления трудностей, развитая саморегуляция, наличие ресурсов самоэффективности, адаптивных ресурсов (Gimenez Lozano et al., 2021).

Явление выгорания характеризуется нарастающим эмоциональным, физическим и мотивационным истощением, возникающим из-за влияния хронического профессионального стресса невысокой интенсивности. Одной из наиболее распространенных моделей выгорания является трехкомпонентная модель, предложенная К. Маслач и С. Джексоном, согласно которой выгорание составляют такие компоненты, как эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений (Maslach & Jackson, 1981).

Несмотря на такое пристальное внимание к теме профессионального выгорания, до сих пор недостаточно изучены механизмы развития выгорания во взаимосвязи с другими психологическими феноменами, не относящимися напрямую к профессиональной сфере, например, такими, как доверие. В свою очередь, доверие относится к сложным психологическим феноменам и рассматривается с разных сторон в контексте различных подходов. Одним из наиболее распространенных в отечественной литературе подходов к изучению этого феномена является определение доверия как отношения (Скрипкина, 1998, Антоненко, 2019). Т. П. Скрипкина одна из первых в рамках отечественной психологии предлагает рассматривать доверие в качестве самостоятельного социально-психологического явления, содержащего двухполюсную ценностную установку в отношении себя и мира (Скрипкина, 2000). С точки зрения данного подхода, доверие имеет многоуровневую структуру, в основе которой лежат первичные установки, строящиеся на биосоциальной природе из генетических предпосылок и базовой потребности в безопасности. Вторичные установки, отражающие доверие к себе и миру, возникают в ходе интериоризации (Скрипкина, 2000). Согласно положениям предложенной Т. П. Скрипкиной концепции построена типология системы доверительных отношений, опирающаяся на определение соотношения степени выраженности доверия к себе и к миру. Под «миром» подразумевается та его часть, с которой в определенный настоящий момент времени взаимодействует человек. В зависимости от соотношения выраженности доверительных установок к себе и другим выделены 6 видов доверия (Skripkina, 2019). Гармоничное соотношение доверия к себе и к миру способствует поддержанию не только устойчивости личности, но и обеспечивает устойчивость той или иной деятельности. Т.С. Пухарева (2013) пишет о том, что доверие, выступая средством интеграции отношений

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

личности к себе, а также обеспечивая её целостность, способствует формированию и установлению стабильности психологической структуры профессиональной деятельности специалистов. А. А. Алдашева (2016) также отмечает, что доверие к себе в профессиональной сфере играет важную роль в выполнении профессиональных задач и выступает показателем способности контролировать и принимать ответственность за результаты выполняемой деятельности, способности формировать и выбирать соответствующие стратегии поведения в зависимости от обстоятельств. Перечисленные характеристики являются в некоторой степени показателями адаптивности специалиста и могут выступать ресурсами, позволяющими снизить влияние факторов профессионального стресса, в том числе способных вызывать выгорание.

Существующие на сегодняшний день исследования связей доверия и выгорания специалистов медицинской сферы касаются по большей части области организационного доверия. Так, некоторые авторы отмечают наличие взаимосвязей между выгоранием и низкой степенью доверия к коллегам, работодателям и учреждению у медсестер (Özgür & Tektaş, 2018). В другом исследовании было обнаружено, что, врачи, которые ощущают меньшее доверие со стороны пациентов, имеют более высокий уровень выгорания (Huang et al., 2019). Исследователи проблемы также отмечают, что высокая степень доверия к организации у врачей связана с более высокой удовлетворенностью работой, меньшим воспринимаемым стрессом и меньшим намерением оставить свою практику (Linzer et al., 2019).

Специфика работы военнослужащих, в частности военного медицинского персонала, позволяет предполагать наличие свойственных данной группе особенностей развития и протекания синдрома эмоционального выгорания, а также связей с доверием по сравнению с гражданскими медиками. Так, например, в одном из исследований, посвященных изучению выгорания среди гражданских и военных медицинских сестер, было выявлено, что медицинский персонал военного госпиталя имел более высокий уровень эмоционального истощения и деперсонализации (Lang et al., 2010). В другом исследовании эмоционального выгорания у военного медицинского персонала было продемонстрировано, что забота о себе, забота о команде, лидерство, ориентированное на здоровье, и общее лидерство выступали в качестве факторов протекции (Adler et al., 2017). Исследование, проведенное И. В. Федоткиной, Л. О. Марченко, Л. В. Вайгачевой среди офицеров медицинской службы клинического и командного профиля деятельности продемонстрировало, что симптомы профессионального выгорания связаны со следующими личностными особенностями у военных врачей: склонность к риску, агрессия, поиск острых ощущений, наличие зависимостей, высокая тревожность, обособленность, сниженная самооценка (Федоткина и др., 2019). Перечисленные личностные черты в той или иной степени связаны с комплексным явлением доверия как социально-психологической установкой, направленной одновременно на себя и на мир. Показано, что большая выраженность социальной

тревоги связана с низкими показателями экстраверсии, доверия и открытости (Kaplan et al., 2015).

В ходе сравнительного анализа профессиограмм гражданских и военных врачей нами было установлено, что деятельность военного врача наиболее жестко регламентирована и структурирована и характеризуется наличием карьерных перспектив, связанных с повышением воинских званий, что выступает фактором, снижающим риски возникновения эмоционального выгорания у военных врачей (Скрипкина, Херсонский, 2023). Таким образом, в статье было показано, что наличие карьерных перспектив позволяет структурировать будущее, что в значительной степени снижает показатели выгорания.

Цель исследования

Цель исследования – изучение связей проявлений выгорания и особенностей моделей доверительных отношений у военных врачей. Изучение связи выгорания и моделей доверительных отношений позволит расширить понимание влияния факторов военной профессиональной среды на развитие выгорания у врачей и использовать результаты при формировании профилактических программ в отношении эмоционального выгорания у рассматриваемой группы специалистов.

Методы

Общую выборку исследования составили военные врачи ($N = 41$) в возрасте от 22 до 69 лет ($M_{\text{возраст}} = 49,1$; $Me_{\text{возраст}} = 50$; $SD_{\text{возраст}} = 10,3$).

Для измерения индикаторов эмоционального выгорания и уровня доверия к себе и окружающим в исследовании были использованы следующие методики:

- **Методика оценки доверия к себе** (Скрипкина, 2000). Методика включает 73 утверждения, предполагающих оценку респондентом согласия с ними (верно/неверно). На основании ответов на вопросы методика включает 11 шкал, позволяющих оценить доверие к себе в: профессиональной деятельности (1), интеллектуальной сфере (2), решении бытовых проблем (3), умении строить взаимоотношения с друзьями (4), умении строить взаимоотношения с подчиненными (5), умении строить взаимоотношения с вышестоящими (6), умении строить взаимоотношения в семье (7), умении строить взаимоотношения с детьми (8), умении строить взаимоотношения с родителями (9), умении нравиться представителям противоположного пола (10), умении интересно проводить досуг (11). Суммарный показатель доверия к себе рассчитывается на основании выделенных шкал.
- **Шкала межличностного доверия Дж. Роттера в адаптации С.Г. Достовалова** (Достовалов, 2000). Методика позволяет оценить уровень социального доверия респондента, т. е. его доверия к окружающим людям. Методика включает

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

25 утверждений, с каждым из которых респонденту необходимо оценить степень своего согласия по шкале от 1 до 4 баллов, где 1 – абсолютно согласен, а 4 – абсолютно не согласен. Большой суммарный балл по шкале отражает большую степень социального доверия у респондента.

- **Методика диагностики эмоционального выгорания К. Маслач и С. Джексон в адаптации Водопьяновой** (Водопьянова & Старченкова, 2017). Методика позволяет оценить степень выраженности эмоционального выгорания по трем показателям: психоэмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений. Чем выше сумма баллов по шкалам психоэмоционального истощения и деперсонализации, тем более выражены данные симптомы эмоционального выгорания. При этом шкала редукции личных достижений является обратной.

В соответствии с поставленными эмпирическими задачами нами было проведено изучение доверительных установок у военных врачей (методика «Оценка доверия к себе» Т. П. Скрипкиной и «Шкала межличностного доверия» Дж. Б. Роттера). Данные методик позволили оценить уровень выраженности двух параметров: уровня доверия к себе, который располагается в диапазоне от высокого к низкому, и уровня доверия к Миру, а также построить модели доверительных отношений, характерные для данной выборки.

Результаты

Респонденты были разделены на 3 группы, по результатам проведённых методик:

- Группа «А» – респонденты с гармоничным соотношением уровня доверия к себе и к Миру;
- Группа «Б» – респонденты с высоким уровнем доверия к себе и к Миру;
- Группа «В» – респонденты, у которых уровень доверия к себе выше, чем уровня доверия к Миру;

Стоит обратить внимание, что в данной выборке отсутствовали респонденты, для которых уровень доверия к себе ниже, чем уровень доверия к миру. Мы предполагаем, что данный эмпирический факт связан с особенностями профессиональной деятельности военных врачей. В своей профессиональной деятельности они опираются преимущественно на себя, что, видимо является для них профессионально важным качеством.

Было обнаружено, что большая часть респондентов имеет гармоничное соотношения уровня доверия к себе и к Миру – 78%, у меньшего количества респондентов уровень доверия к себе выше, чем уровень доверия к Миру – 14,6% и меньше всего респондентов имеет высокий уровень доверия к себе и к Миру одновременно – 7,3% (таблица 1).

Таблица 1
Модели доверительных отношений у военных врачей

Обозначение подгруппы	Показатель доверия	n	% от выборки
А	Средний уровень доверия к себе и к Миру	32	78%
Б	Высокий уровень доверия к себе и к Миру	3	7,3%
В	Уровень доверия к себе выше, чем уровень доверия к Миру	6	14,6%

Согласно задачам нашего исследования, мы провели сравнительный анализ особенностей эмоционального выгорания у военных врачей с разными моделями доверительных отношений.

Проверка характера распределения осуществлялась посредством применения критерия Шапиро-Уилка. В ходе проверки оказалось, что распределение по всем шкалам исследования носит характер отличный от нормального ($p < 0,001$), вследствие чего для дальнейшего анализа были использованы непараметрические методы статистического вывода. С целью сравнения показателей выгорания между группами врачей с различными моделями доверительных отношений был применен критерий Краскелла–Уоллиса. Для попарных сравнений между группами с разными моделями использовался критерий Манна–Уитни.

В ходе сравнительного анализа (H Краскелла–Уоллиса) показателей эмоционального выгорания у военных врачей с разными моделями доверительных отношений был получен ряд значимых различий в измеряемых показателях (таблица 2). Так:

- деперсонализация выше у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе относительно доверия к Миру (группа В) и ниже у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру (группа Б) ($p = 0,002$).
- редукция личных достижений ниже у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру (группа Б) и выше у военных врачей со средним уровнем доверия к себе и к Миру (группа А) ($p = 0,033$).

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей эмоционального выгорания у военных врачей с разными моделями доверительных отношений (Н Краскелла-Уоллиса)

	Группа А (N=32)		Группа Б (N=3)		Группа В (N=6)		Значимость различий	
	М	SD	М	SD	М	SD	Н Краскелла- Уоллиса	p-value
Психо-эмоциональное истощение	18,7	6,54	15,5	2,12	19,8	6,2	3,89	0,143
Деперсонализация	6,6	5,08	3	4,24	8,58	3,73	12,05	0,002
Редукция личных достижений	37,2	6,28	45	1,41	39,8	7,51	6,8	0,033

Вместе с тем при попарном сравнении было выявлено, что:

- психоэмоциональное истощение у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру на уровне тенденций ниже по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру ($U = 18$, $p = 0,074$) и значимо ниже по сравнению с военными врачами с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру ($U = 0$, $p = 0,016$), несмотря на отсутствие значимых различий при общем анализе;
- деперсонализация у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру значимо ниже по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру ($U = 0$, $p = 0,004$) и с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру ($U = 0$, $p = 0,017$), также деперсонализация значимо выше у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру, по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру ($U = 46,5$, $p = 0,042$);
- редукция личных достижений у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру значимо ниже по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру ($U = 7,5$, $p = 0,015$) и с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру ($U = 0$, $p = 0,013$).

Так, было обнаружено, что все показатели эмоционального выгорания (психоэмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных

достижений) менее выражены у респондентов с высоким уровнем доверия к себе и к Миру (группа Б) относительно респондентов со средним уровнем доверия к себе и к Миру (группа А) и с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру (группа В), также деперсонализация ниже у военных врачей со средним уровнем доверия к себе (группа А) относительно врачей с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру (группа В).

Самые низкие показатели деперсонализации и редукции личных достижений наблюдаются у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру (группа Б), самые высокие показатели деперсонализации наблюдаются у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру (группа В), а наиболее выраженная редукция личных достижений наблюдается у военных врачей со средним уровнем доверия к себе и к Миру (группа А).

Обсуждение результатов

Несмотря на активный интерес психологического научного сообщества к теме профессионального выгорания и доверия в медицинской сфере, на сегодняшний день лишь небольшое количество исследований посвящены изучению связей между выгоранием и доверием врачей. В ходе настоящего исследования нами осуществлена попытка изучения взаимосвязи между особенностями доверительных моделей и проявлением различных аспектов профессионального выгорания. Получены данные, подтверждающие предыдущие теоретические и эмпирические исследования в области связи социально-психологического феномена доверия и успешности взаимодействия субъекта с предметной и социальной средой, в частности, в профессиональной деятельности (Алдашева, 2016; Пухарева, 2013; Huang et al., 2019)

Исследованиям эмоционального выгорания военнослужащих посвящены работы многих российских авторов. Так, Н. Н. Воробьева в своём исследовании рассматривает взаимосвязь личностных характеристик военнослужащих с уровнем эмоционального выгорания (2017). М. Е. Зеленова и А. В. Захаров приводят результаты изучения соотношения эмоционального выгорания и уровня стресса в контексте профессиональной деятельности военнослужащих. Также ими рассматривается аспект здоровья военнослужащего в условиях профессионального стресса (Зеленова, Захаров, 2014). Феноменология эмоционального выгорания военнослужащих освещена в работах И. А. Мачульской и др. (2015). Н. Н. Судиловская и А. М. Хизматулина (2017) констатируют наличие средней степени выраженности синдрома эмоционального выгорания как у врачей, так и у медицинских сестёр. В исследовании они обращаются не только к структурному, но и к процессуальному аспекту явления эмоционального выгорания и отмечают преобладание фазы резистентности у двух исследуемых категорий медицинского персонала.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Следует отметить, что большинство работ, посвящённых доверию в медицине, посвящены исследованию феномена доверия пациентов, а не исследованию моделей доверительных отношений медицинского персонала. Так, в работе А.Н. Сухова и Л.Н. Карашука (Сухов, Карашук, 2022) произведён анализ уже существующих подходов к содержанию доверия в рамках различных отраслей научной деятельности с акцентом на психологическую составляющую контента данного феномена.

Е. А. Евстифеева и др. (2020) в работе, посвящённой исследованию профессионального выгорания врачей-онкологов, отмечают, что врачи демонстрируют низкий уровень рефлексивности и не склонны к доверительности в межличностных контактах. Практически две трети обследованных врачей-онкологов имеют уже сформировавшийся синдром эмоционального выгорания. Данное исследование демонстрирует, что при низком уровне межличностного доверия в профессиональной деятельности врача увеличивается вероятность возникновения профессионального выгорания, что также подтверждается результатами нашего исследования.

Таким образом, обнаружено, что среди военных врачей менее всего происходит выгорание по показателям психоэмоционального истощения и деперсонализации у специалистов, имеющих гармоничное соотношение уровня доверия к себе и к Миру (высокие или средние показатели) по сравнению с теми, у кого был выше уровень доверия к себе, чем к миру. При этом военные врачи, которым были присущи высокие показатели доверия к себе и к Миру, оказались менее подвержены явлениям деперсонализации и редукции личных отношений по сравнению с теми, у кого был средний уровень в отношении доверия к себе и Миру. Редукция личных достижений, проявляющаяся в снижении чувства собственной компетентности, негативной оценке своих профессиональных успехов и достижений, была более всего выражена в группе врачей, имеющих средний уровень доверия к себе и к Миру. Так, военные врачи, склонные в большей степени доверять себе и ориентироваться в первую очередь на себя, при этом меньше доверяют окружающим, испытывают в большей степени психологическое, эмоциональное истощение и больше обезличивают пациентов, отстранены в ситуациях взаимодействия по сравнению с врачами, у которых отмечается равная средняя или высокая степень доверия к себе и к окружающим. Однако, в то же время они менее склонны к обесцениванию своих достижений и результатов деятельности по сравнению с врачами, имеющими средний уровень доверия к себе и к Миру, что, вероятно, имеет компенсаторное значение, призванное обеспечивать адаптивное функционирование в сложных ситуациях профессионального выбора.

Интересным является факт отсутствия в рассматриваемой выборке военных врачей специалистов, имеющих равнозначно низкие уровни доверия к себе и Миру, и в большей степени доверяющих Миру, чем себе. Это может отчасти объясняться личностными особенностями субъектов, выбирающих развитие в военной сфере, а отчасти и явлением профессиональной деформации, подверженной влиянию рабочих условий, что требует отдельного исследования.

Заключение

Особенности профессиональной деятельности военных врачей формируют доверие к себе при выполнении своих профессиональных обязанностей. Следует отметить, что, большая часть респондентов имеет гармоничное соотношение доверия к себе и к миру.

В ходе проведённого исследования было выявлено, что высокий уровень такого показателя профессионального выгорания, как деперсонализация, выявлен у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе относительно доверия к Миру и ниже у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру. При общем анализе мы видим, что деперсонализация у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру значимо ниже по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру и с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру. Деперсонализация значимо выше у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру, по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру.

Психоэмоциональное истощение у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру на уровне тенденций ниже по сравнению с военными врачами со средним уровнем доверия к себе и к Миру и значимо ниже по сравнению с военными врачами с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру, несмотря на отсутствие значимых различий.

Редукция личных достижений ниже у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру и выше у военных врачей со средним уровнем доверия к себе и к Миру.

Самые низкие показатели деперсонализации и редукции личных достижений наблюдаются у военных врачей с высоким уровнем доверия к себе и к Миру (группа Б), самые высокие показатели деперсонализации наблюдаются у военных врачей с более высоким уровнем доверия к себе, чем к Миру (группа В), а наиболее выраженная редукция личных достижений наблюдается у военных врачей со средним уровнем доверия к себе и к Миру (группа А).

Проведенное нами исследование позволяет осветить проблему взаимозависимости проявления аспектов выгорания и соотношения доверительных установок у военных врачей (соотношение уровней выраженности доверия к себе и к другим).

Результаты настоящей работы вносят вклад в развитие идеи о фундаментальной роли доверия к себе и к другим в профессиональной деятельности врачей и о связи профессионального выгорания с умением врача одновременно полагаться на себя и на других. Результаты исследования наглядно показывают, что деформация выраженности названных установок взаимосвязана с эмоциональным выгоранием в профессиональной сфере врачей.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Результаты могут быть использованы при разработке программ профилактики эмоционального выгорания для военных врачей с учетом выделенных особенностей, а также в целях профориентации. Дальнейшее развитие исследований данной проблемной области предполагается в направлении изучения явлений, опосредующих процессы развития выгорания в сочетании с типами доверительных установок в медицинской сфере.

Литература

- Алдашева, А. А. (2016). Доверие профессионала к себе в пространстве профессиональной деятельности. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 3, 65–70.
- Антоненко, И. В. (2019). Психология личности: генезис доверия. *Ярославский педагогический вестник*, 1, 112–121.
- Водопьянова, Н., Старченкова, Е. (2017). *Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. Практическое пособие*. Litres.
- Воробьева, Н. Н. (2017). *Взаимосвязь личностных характеристик военнослужащих контрактной службы с уровнем эмоционального выгорания*. Наука и технологии: Актуальные вопросы, достижения, инновации: сборник докладов и материалов Национальной научно-практической конференции. Москва.
- Достовалов, С. Г. (2000). *Система доверительных отношений как детерминанта восприятия индивидуальности в юношеском возрасте*. Ростовский государственный педагогический университет.
- Евстифеева, Е. А., Филиппченкова, С. И., Чирков, Р.Н., Мурашова, Л.А. (2020). Личностные детерминанты профессионального выгорания врачей в онкологической практике. *Вестник ТвГУ, Серия «Педагогика и психология»*, 3(52), 36–41.
- Зеленова, М. Е., & Захаров, А. В. (2014). Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих. *Социальная психология и общество*, 5(2), 50–70.
- Кобякова, О. С., Деев, И. А., Куликов, Е. С., Пименов, И. Д., Хомяков, К. В. (2016). Эмоциональное выгорание у врачей и медицинские ошибки. Есть ли связь? *Социальные аспекты здоровья населения*, 47(1), 5. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2016-47-1-5>
- Кобякова, О. С., Деев, И. А., Куликов, Е. С., Хомяков, К. В., Тюфилин, Д. С., Загროмова, Т. А., Балаганская, М. А. (2019). Факторы, ассоциированные с формированием профессионального выгорания у врачей. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 27(6), 967–971. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-6-967-971>
- Матюшкина, Е. Я., Рой, А. П., Рахманина, А. А., Холмогорова, А. Б. (2020). Профессиональный стресс и профессиональное выгорание у медицинских работников. *Современная зарубежная психология*, 9(1), 39–49. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090104>
- Мачульская, И. А., Беляев, Р. В., Машин, В. Н. (2015). Феномен эмоционального выгорания военнослужащих в процессе их профессиональной деятельности. *Территория науки*, (5), 72–77.
- Пухарева, Т. С. (2013). Доверие к себе и к другим в профессиональной деятельности представителей коммуникативных профессий. *Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ*, 1–2, 128–134.
- Скрипкина, Т. П. (2000). *Психология доверия: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений*. Академия.

- Скрипкина, Т. П., Херсонский, И. И. (2023). Особенности эмоционального выгорания у медицинского персонала. *Вестник Мининского университета*, 11(1 (42)), 11. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-11>
- Судиловская, Н. Н., Хизматулина, А. М. (2017). Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности медицинских работников. *Международный журнал экспериментального образования*, 1, 125–127.
- Сухов, А. Н., Карашук, Л. Н. (2022). Социально-психологический контент феномена доверия у пациентов медицинских учреждений. *Психолого-педагогический поиск*, 2(62), 138–147.
- Федоткина, И. В., Марченко, Л. О., & Вайгачева, Л. В. (2019). Психологические особенности личности военных врачей при развитии синдрома профессионального выгорания. *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*, 4, 96–102. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2019-0-4-96-102>
- Adler, A. B., Adrian, A. L., Hemphill, M., Scaro, N. H., Sipos, M. L., & Thomas, J. L. (2017). Professional stress and burnout in US military medical personnel deployed to Afghanistan. *Military medicine*, 182(3-4). <https://doi.org/10.7205/MILMED-D-16-00154>
- Amofo, E., Hanbali, N., Patel, A., Singh, P. (2015). What are the significant factors associated with burnout in doctors? *Occupational Medicine*, 65(2), 117–121. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqu144>
- Gimenez Lozano, J. M., Martínez Ramón, J. P., & Morales Rodríguez, F. M. (2021). Doctors and nurses: a systematic review of the risk and protective factors in workplace violence and burnout. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(6), 3280.
- Gluschkoff, K., Hakanen, J. J., Elovainio, M., Vänskä, J. & Heponiemi T. (2022). The relative importance of work-related psychosocial factors in physician burnout. *Occupational Medicine*, 72(1), 28–33. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqab147>
- Huang, E. C. H., Pu, C., Huang, N., & Chou, Y. J. (2019). Resident burnout in Taiwan Hospitals – and its relation to physician felt trust from patients. *Journal of the Formosan Medical Association*, 118(10), 1438–1449. <https://doi.org/10.1016/j.jfma.2018.12.015>
- Hudson, M. J., & Moore, G. P. (2011). Defenses to malpractice: What every emergency physician should know. *Journal of Emergency Medicine*, 41(6), 598–606. <https://doi.org/10.1016/j.jemermed.2010.07.001>
- Kaplan, S. C., Levinson, C. A., Rodebaugh, T. L., Menatti, A., & Weeks, J. W. (2015). Social anxiety and the big five personality traits: The interactive relationship of trust and openness. *Cognitive Behaviour Therapy*, 44(3), 212–222. <https://doi.org/10.1080/16506073.2015.1008032>
- Lang, G. M., Pfister, E. A., & Siemens, M. J. (2010). Nursing burnout: cross-sectional study at a large army hospital. *Military medicine*, 175(6), 435–441. <https://doi.org/10.7205/milmed-d-09-00284>
- Linzer, M., Poplau, S., Prasad, K., Khullar, D., Brown, R., Varkey, A., Yale, S., Grossman, E., Williams, E., Sinsky, C., & Healthy Work Place Investigators. (2019). Characteristics of health care organizations associated with clinician trust: results from the healthy work place study. *JAMA Network Open*, 2(6). <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2019.6201>
- Maslach, C., & Jackson, S. E. (1981). The measurement of experienced burnout. *Journal of organizational behavior*, 2(2), 99–113. <https://doi.org/10.1002/job.4030020205>
- Özgür, G., & Tektaş, P. (2018). An examination of the correlation between nurses' organizational trust and burnout levels. *Applied Nursing Research*, 43, 93–97. <https://doi.org/10.1016/j.apnr.2018.07.004>

- Panagioti, M., Geraghty, K., Johnson, J., Zhou, A., Panagopoulou, E., Chew-Graham, C., David, P., Alexander, H., Ruth, R. & Esmail A. (2018). Association between physician burnout and patient safety, professionalism, and patient satisfaction: a systematic review and meta-analysis. *JAMA internal medicine*, 178(10), 1317–1331. <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2018.3713>
- Skripkina, T. P. (2019). The main provisions of the concept of confidential relations of the person. *In The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.85>
- Toker, S., Melamed, S., Berliner, S., Zeltser, D., & Shapira, I. (2012). Burnout and risk of coronary heart disease: a prospective study of 8838 employees. *Psychosomatic Medicine*, 74(8), 840–847. <https://doi.org/10.1097/psy.0b013e31826c3174>
- Verougstraete, D., & Hachimi Idrissi, S. (2020). The impact of burn-out on emergency physicians and emergency medicine residents: a systematic review. *Acta Clinica Belgica*, 75(1), 57–79. <https://doi.org/10.1080/17843286.2019.1699690>

Поступила в редакцию: 25.01.2024

Поступила после рецензирования: 29.03.2024

Принята к публикации: 30.03.2024

Заявленный вклад авторов

Татьяна Петровна Скрипкина – разработка концепции и дизайна исследования, критический анализ, доработка текста.

Илья Игоревич Херсонский – анализ научной литературы, сбор и анализ данных, написание текста статьи.

Информация об авторах

Татьяна Петровна Скрипкина – доктор психологических наук, профессор, Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»; Scopus Author ID: 57201999951; РИНЦ Author ID: 618661; SPIN-код РИНЦ: 2566-4808; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5716-7448>; e-mail: skripkinaurao@mail.ru

Илья Игоревич Херсонский – ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет), г. Москва, Российская Федерация; WoS Researcher ID: ABD-9244-2021; Scopus Author ID: 57215004516; SPIN-код РИНЦ: 35907711; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2318-8475>; e-mail: kosmos086@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Смыслоразнозначные ориентации подростков с различными культурно-национальными особенностями

Елена М. Фещенко^{1*}, Галина Ф. Голубева¹, Валерий В. Спасенников²,
Армине А. Хангалдян¹

¹Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
Брянск, Российская Федерация

²Брянский государственный технический университет, Брянск, Российская
Федерация

* Почта ответственного автора: emfeshchenko@mail.ru

Аннотация

Введение. Социально-экономические и политические преобразования непосредственным образом меняют морально-нравственные ценности. Цель нашего исследования состоит в выявлении жизненных ценностей и смыслов у подростков армянской, грузинской и русской национальностей. **Методы.** Респонденты (69 человек) – подростки 14–15 лет русской, армянской и грузинской национальности. Методики исследования: методика «Смыслоразнозначные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева; опросник О. Л. Романовой для исследования этнической идентичности подростков; методика «Исследование системы жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова; тест культурно-ценностных ориентации (Дж. Таусенд, вариант Л. Г. Почебут). Статистический анализ результатов исследования проводился с помощью H -критерия Краскелла-Уоллеса. **Результаты.** Высокий уровень чувства принадлежности к своей этнической группе более выражен у подростков грузинской национальности (85%) в отличие от подростков армянской (70%) и русской национальности (60%). Подростки грузинской национальности удовлетворены самореализацией в большей степени, чем подростки армянской и русской национальности. **Обсуждение результатов.** Согласно нашим результатам, грузинские подростки имеют более выраженный показатель осмысленности жизни по сравнению с армянскими и русскими подростками; русские подростки отмечают важность использования русского

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

языка в процессе общения; подростки грузинской национальности в большей степени, чем русские и армянские подростки, видят смысл жизни в самореализации и достижении высокого статуса в обществе; армянские подростки, в сравнении с другими группами, в большей степени определяют смысл жизни в альтруизме и семейном благополучии, русские подростки более заинтересованы в поиске смысла жизни и свободы; подростки грузинской и армянской национальностей ориентированы на прошлое, придерживаются культурно-национальных традиций; русские подростки ориентированы на будущее и на получение быстрых результатов в деятельности и для них в большей степени характерно стремление к свободе, автономности и материальному вознаграждению.

Ключевые слова

смысложизненные ориентации, культурно-национальные особенности, ценностно-смысловая сфера, этническая идентичность, этническая социализация, гражданско-государственная идентичность, подростковый возраст

Для цитирования

Фещенко, Е. М., Голубева, Г. Ф., Спасенников, В. В., Хангалдян, А. А. (2024). Смысложизненные ориентации подростков с разными культурно-национальными особенностями. *Российский психологический журнал*, 21(2), 133–150. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.8>

Введение

Постоянные изменения в политической, экономической, социальной сферах общества порождают у подрастающего поколения сомнения в состоятельности общепринятых ценностей, побуждают к изменению взглядов на жизненные цели и смыслы. Изучение проблемы смысложизненных ориентаций подростков является одной из актуальных проблем, поскольку происходящие в стране и мире социально-экономические и политические преобразования непосредственным образом меняют морально-нравственные ценности, при этом «... трансформируют сознание современного человека, о чем свидетельствуют произошедшие события после распада Советского Союза» (Demintseva, E., 2018, с. 3).

Культурные ценности оказывают устойчивое и автономное влияние на общество и детерминированы смысложизненными ориентациями (Inglehart & Baker, 2000). Выявленные авторами межкультурные различия подрастающего поколения мигрантов являются частью национальной культуры страны пребывания. Национальная культура должна целенаправленно формироваться

образовательными учреждениями и средствами массовой информации. Изучаются проблемы обучения детей мигрантов, их социализации и адаптации к инокультурной среде, бесконфликтному сосуществованию в межэтнических взаимодействиях подростков с разными культурно-национальными особенностями. В исследовании Crul & Shneider (2009) отмечается тенденция к интеграции и ассимиляции мигрантов во втором и третьем поколениях к традициям и ценностям европейской культуры. Аналогичной проблеме полномасштабной интеграции мигрантов первого и второго поколения в европейских странах посвящено концептуальное и эмпирическое исследование Fajth & Lessard-Ph (2022). Дети мигрантов обладают большей мобильностью и вариативностью в выборе смысложизненных ценностей и могут утрачивать этническую идентичность (Levitt, 2009).

Междисциплинарной проблеме изучения динамики изменений в установках, стереотипах, смысложизненных ориентациях мигрантов и их детей, проживающих в России в первом и последующих поколениях, уделяется недостаточное внимание. Немногочисленные исследования отечественных авторов связаны с изучением феноменов преемственности традиционных семейных ценностей и социального и финансового благополучия мигрантов и их детей.

В молодежной среде мигрантов происходят изменения в отношении к семейным традиционным ценностям, добрым романтическим отношениям под влиянием социальных сетей и более тесными контактами с представителями титульного этноса (Varshaver, Rocheva & Ivanova, 2021). Распределение детей по элитным образовательным учреждениям определяется не столько их этническим, сколько социальным статусом и финансовым положением родителей (Alexandrov, D., Ivaniushina, V., Kazartseva, E., 2015).

Ценностно-нормативные ориентации, заложенные на предыдущих этапах развития нашего общества, перестают быть устойчивой основой для формирования осознанных жизненных ориентиров современных подростков (Спасенников, 2021). В российском социуме наблюдается тенденция нарушения духовного единства общества, переоценки жизненных приоритетов, деформации традиционных моральных норм и нравственных установок.

В работе отечественных социальных психологов Шамионова, Бочаровой, Невского (2021, с. 91) верифицирована гипотеза о том, что «показатели жизненных ориентаций и категории социальной идентичности тесно связаны с гражданской, протестной и досуговой активностью». Авторами показано, что категории социальной идентичности играют существенную роль в проявлении различных форм активности старших подростков и молодежи как в виртуальной, так и в реальной среде.

Проблема поиска жизненного смысла является важной составляющей процесса социализации личности в подростковом возрасте. У подростков активно происходит формирование мировоззрения и представлений о жизненных планах,

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

осуществляется самоопределение в профессии. Исследование особенностей смысложизненных ориентаций подростков крайне важно для понимания направленности развития всего общества.

Современное российское государство многонационально и представлено культурным многообразием, самобытными традициями, этнокультурными ценностями, которые непосредственно влияют на развитие ценностной сферы личности, на смыслы и жизненные ориентации современных подростков. Исследованию особенностей системы формирования российских национальных ценностей и национальной идентичности в подростковом возрасте посвящены работы отечественных ученых (Абакумова, Ермаков, 2003; Зинченко, Шайгерова, 2019; Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022 и др.). Понять закономерности формирования и развития современных подростков возможно с помощью междисциплинарного изучения их смысложизненных ориентаций, всей ценностно-смысловой сферы, выделения специфических и общих особенностей с учетом влияния культурно-национальных особенностей, социокультурных пространств, в которых они развиваются (Бичерова, Голубева, Фещенко, 2019; Дагбаева, 2018; Зинченко, Шайгерова, 2019; Рослякова, 2022).

На основе междисциплинарного синтеза мнений отечественных ученых можно описать базовые элементы структуры культурно-национальных особенностей, которые себя, как системообразующие компоненты (национальные самосознание, характер, интересы, ориентации, чувства, настроения, традиции и привычки), так и их динамические (функциональные) проявления.

В российских исследованиях социокультурной, региональной и этнической идентичности в основном затрагиваются вопросы, связанные с изучением этнической корпоративной культуры рыночного потребительского поведения (Берберян, 2019; Волков, Гурба, Гуськов, 2022). Значительно меньшее внимание в работах отечественных ученых уделяется конструированию ценностно-смыслового контекста жизненных ориентаций подростков с разными культурно-национальными особенностями на основе освоения традиционных культурных ценностей и норм российской государственной гражданской идентичности.

Гипотеза исследования заключается в том, что имеются значимые различия в уровне выраженности этнической идентичности у подростков армянской, грузинской и русской национальностей, которые связаны с формированием смысложизненных ориентаций.

Цель исследования – выявление характеристик смысложизненных ориентаций подростков с различными культурно-национальными особенностями в процессе этнической социализации.

Методы

Выборка

Общее количество **испытуемых подростков составило 69 человек**, из них 23 армянских, 28 русских и 18 грузинских подростков в возрасте 14–15 лет. Эмпирическое исследование проводилось на базе МБОУ Лицей № 27 имени героя Советского Союза И. Е. Кустова г. Брянска и на базе общественных организаций «Армянская община» и «Грузинское этнокультурное сообщество».

Методики

Для изучения ценностно-смысловой сферы подростков разной национальности был использован комплекс методик:

- «Смыслоразнозначные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева. Опросник составляют интегральная шкала общей осмысленности жизни и 5 субшкал – «Цели в жизни» (наличие у личности целей и планов на жизнь); «Процесс жизни» (удовлетворенность личностью наполненностью своей жизнью); «Результативность жизни» (удовлетворенность личностью результатами своей деятельности); «Локус контроля – Я» (уверенность в своих силах); «Локус контроля – Жизнь» (наличие веры в способность управлять собственной жизнью);
- Шкальный опросник О. Л. Романовой для исследования этнической идентичности подростков. Опросник позволяет определить самоидентификацию через осознание особенностей собственной этнической группы;
- Методика «Исследование системы жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова;
- Тест культурно-ценностных ориентации (Дж. Таусенд, в модификации Л. Г. Почебут), позволяющий определить основные тенденции формирования и становления изучаемой культуры.

Обоснование методического инструментария базировалось на использовании валидных стандартизированных методик тестового исследования (Голубева, 2019), концепции эмпирических исследований с учетом этнической социализации и преемственности поколений (Спасенников, 2021), анализе качественно-количественных измерений в психолого-педагогических исследованиях (Spasennikov, Morozova, 2020).

Статистическая обработка данных производилась с помощью программы SPSS Statistics, с использованием Н-критерия Краскелла-Уоллеса.

Результаты

Смыслоразнозначные ориентации (СЖО)

Результаты изучения смыслоразнозначных ориентаций с помощью методики Д. А. Леонтьева и полученные значения по высокому уровню смыслоразнозначных ориентаций подростков представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты исследования смыслоразнозначных ориентаций подростков разной национальности (высокий уровень, в %)

Шкала методики	Среднее значение	Высокие значения, кол-во человек (% от выборки)
Русские подростки (n = 28 человек)		
Цели в жизни	32,8	12 человек (44%)
Насыщенность жизни	31,0	12 человек (44%)
Результативность жизни	25,9	11 человек (39%)
Локус контроля-Я	23,4	10 человек (35%)
Локус контроля-жизнь	32,7	15 человек (52%)
Общий показатель осмысленности жизни	104,9	12 человек (43%)
Армянские подростки (n = 23 человека)		
Цели в жизни	33,0	13 человек (55%)
Насыщенность жизни	28,5	11 человек (46%)
Результативность жизни	26,9	10 человек (42%)
Локус контроля-Я	21,6	8 человек (36%)
Локус контроля-жизнь	34,2	13 человек (57%)
Общий показатель осмысленности жизни	107,5	11 человек (47%)
Грузинские подростки (n = 18 человек)		
Цели в жизни	35,3	9 человек (50%)
Насыщенность жизни	32,5	8 человек (44%)
Результативность жизни	27,5	10 человек (56%)
Локус контроля-Я	23,7	7 человек (39%)
Локус контроля-жизнь	36,0	10 человек (56%)
Общий показатель осмысленности жизни	112,10	9 человек (45%)

Приблизительно у половины подростков разной национальности наблюдаются высокие значения по шкале «Цели в жизни», что говорит о понимании и осмысленности этих целей. При этом можно отметить, что осмысленность целей выше у армянских подростков (55%), чем у грузинских (50%) и русских подростков (44%).

Высокий уровень интереса и эмоциональной насыщенности жизни (шкала «Насыщенность жизни») установлен приблизительно у половины испытуемых подростков – у 44% русских подростков, 46% армянских и 44% грузинских подростков. Испытуемые воспринимают процесс жизни как интересный, эмоционально-насыщенный и наполненный смыслом.

Высокие показатели по шкале «Удовлетворенность результативностью жизни» выявлены у 39% русских, у 42% армянских и у 56% грузинских подростков. Это говорит о том, что испытуемые подростки позитивно оценили пройденный отрезок своей жизни, они удовлетворены своими результатами и теми событиями, которые происходят в их жизни.

Во всех трех группах подростков (русской, армянской и грузинской национальности) выявлено преобладание высоких значений по шкале «Локус контроля – жизнь» над высокими значениями по шкале (Локус контроля – Я).

По шкале «Локус контроля-Я» высокий уровень среди испытуемых наблюдается у 35% русских подростков, 36% армянских и 39% грузинских подростков. Это может говорить о том, что треть молодых людей из выборки имеет представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле жизни.

Высокий уровень по шкале «Локус контроля – жизнь» имеют 52% русских, 57% армянских и у 56% грузинских подростков. У данных испытуемых есть убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их.

У подростков русской, армянской и грузинской национальности наиболее выражены такие шкалы методики СЖО, как «Цели в жизни», «Насыщенность жизни» и «Локус контроля-жизнь». Можно сделать вывод, что испытуемые подросткового возраста в целом способны составлять планы на будущее, определяться с жизненными целями. Пройденную часть жизни подростки определяют как интересную, эмоциональную, насыщенную событиями. Можно предположить, что подростки считают себя независимыми, обладающими достаточной свободой и ответственностью, имеющими возможности выбирать пути в жизни в соответствии со своими целями и ценностями. Более низкие значения по методике СЖО у подростков наблюдаются в таких составляющих смысложизненных ориентаций, как «Результативность жизни» и «Локус контроля-Я».

Этническая идентичность

В таблице 2 представлены результаты исследования этнической идентичности подростков разной национальности, полученные с помощью опросника О. Л. Романовой. Этническая идентичность выражается в принадлежности к своей этнической группе, в значимости для человека своей национальности, в приобщения к духовным и материальным ценностям своего народа.

Таблица 2

Результаты исследования этнической идентичности подростков грузинской, армянской и русской национальности (методика О. Л. Романовой)

Характеристики	Уровни этнической идентичности								
	Грузинские подростки			Армянские подростки			Русские подростки		
	ВУ (в%)	СУ (в%)	НУ (в%)	ВУ (в%)	СУ (в%)	НУ (в%)	ВУ (в%)	СУ (в%)	НУ (в%)
Чувство принадлежности к своей этнической группе	85	10	5	70	15	15	60	20	20
Значимость национальности	20	45	35	30	55	15	45	35	20
Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства	65	25	10	55	35	10	30	55	15
Использование того или иного языка	60	20	20	60	30	10	20	30	50

Примечание: ВУ- высокий уровень этнической идентичности; СУ – средний уровень этнической идентичности; НУ – низкий уровень этнической идентичности

Высокий уровень чувства принадлежности к своей этнической группе отмечается у подростков армянской (70%), грузинской (85%) и русской национальности (60%).

«Значимость национальности» имеет средний уровень выраженности у подростков армянской (55%), грузинской (45%) и русской (35%) национальностей. Высокий уровень понимания важности взаимоотношения этнического большинства и меньшинства имеют 65% грузинских подростков, 55% армянских подростков и 30% русских подростков.

Жизненные смыслы

В таблице 3 представлены результаты изучения системы жизненных смыслов подростков с разными культурно-национальными особенностями по методике В. Ю. Котлякова.

Таблица 3

Результаты исследования системы жизненных смыслов подростков грузинской, армянской и русской национальности (методика В.Ю. Котлякова)

Категории жизненных смыслов	Грузинские подростки (среднее значение)	Армянские подростки (среднее значение)	Русские подростки (среднее значение)
Альтруистические	19,2	10,6	18,6
Экзистенциальные	18,9	18,6	11,2
Гедонистические	16,9	14,3	13,4
Самореализации	2,7	3,5	16,3
Статусные	4	14,2	15,6
Коммуникативные	5	4,3	3,6
Семейные	2,5	2,1	16,7
Когнитивные	14,5	16,1	16,1

Данные таблицы 3 позволяют сделать следующие выводы: у подростков грузинской национальности слабо представлены такие категории жизненных смыслов, как: альтруистические и экзистенциальные, представлены достаточно гедонистические и когнитивные, доминируют – статусные, самореализации, коммуникативные, семейные, когнитивные жизненные смыслы.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

У подростков армянской национальности доминируют категории самореализации, коммуникативные и семейные, представлены достаточно альтруистические, статусные и когнитивные, слабо – экзистенциальные.

У подростков русской национальности доминирует категория коммуникативных смыслов, представлены слабо – альтруистические жизненные смыслы и представлены достаточно – экзистенциальные, гедонистические, статусные, когнитивные, самореализации, семейные жизненные смыслы.

Культурно-ценностные ориентации

Результаты теста культурно-ценностных ориентаций подростков разной национальности по методике Дж. Таусена, в адаптации Л. Г. Почебут имеют следующие показатели:

- представления подростков об ориентации современных людей при принятии решений: приблизительно 60% армянских подростков и 57% грузинских подростков, а также 50% русских подростков указали, что современные люди ориентируются в своей жизни на настоящее. Представленные данные позволяют отметить тот факт, что подростки всех национальностей в своем большинстве ориентированы на настоящее;
- результаты ответов на вопрос «В моей культуре считается, что если людьми не управлять, то они, вероятно, будут совершать необдуманные поступки» показывают, что большинство грузинских подростков (60%), половина армянских подростков (53%) и 60% русских подростков считают, что если в их культуре не управлять людьми, то они способны совершать «плохие» поступки;
- результаты ответов подростков на вопрос «В моей культуре люди считают самым основным в своих взаимоотношениях...» представлены следующим образом: 47% грузинских и русских подростков, а также 60% армянских подростков считают, что во взаимоотношениях людей важным является индивидуальность и самобытность личности. Также 36% грузинских подростков, 40% армянских подростков и 30% русских подростков считают важным в нашем обществе иметь большую семью. Незначительный процент (17% грузинских подростков, 13% армянских подростков и 17% русских подростков) считает, что при выстраивании отношений важным становится наличие наследства и происхождение человека;
- подростки с разными культурно-национальными особенностями, отвечая на вопрос «В моей культуре люди полагают, что...» выразили свое мнение следующим образом: 63% грузинских подростков, 70% армянских подростков и 60% русских подростков считают, что развитие личности для современного человека становится важнейшей целью жизни. Грузинские подростки (50%), армянские подростки (53%) и русские подростки (57%) указали на важность в их жизни практической деятельности и достижение совершенства во многих сферах жизнедеятельности.

Всего лишь 10% подростков всех национальностей указали, что существование человека уже само по себе достаточно для жизни.

Ориентация на прошлое, приверженность традициям, интересам к своей истории выявлена у 20% подростков армянской и соответственно грузинской национальности, и у 27% русских подростков. Такие испытуемые отмечают значимость семейных связей, родственных отношений.

Сравнение групп

Результаты применения критерия Краскелла-Уоллеса для сравнения смыслоразнозначных ориентаций подростков трех групп (армянской, грузинской, русской национальности) представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты статистического анализа данных исследования смыслоразнозначных ориентаций подростков армянской, грузинской, русской национальности

Методики	Грузинские подростки (среднее значение)	Армянские подростки (среднее значение)	Русские подростки (среднее значение)	Н-критерий	Ур. знач.
Методика «Смыслоразнозначные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева					
Цели	35,3	33,0	32,8	2,625	0,269
Процесс	32,5	28,5	31,0	1,028	0,598
Результат	27,5	26,9	25,9	14,846	0,029
Локус контроля Я	23,7	21,6	23,4	0,681	0,712
Локус контроля жизнь	36,0	34,2	32,7	1,291	0,524
Осмысленность жизни	112,10	107,5	104,9	13,147	,000

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Методики	Грузинские подростки (среднее значение)	Армянские подростки (среднее значение)	Русские подростки (среднее значение)	Н-критерий	Ур. знач.
----------	---	--	--------------------------------------	------------	-----------

Шкальный опросник О. Л. Романовой

Чувство принадлежности к своей этнической группе	1,37	1,44	1,17	1,971	,578
Значимость национальности	4,41	5,5	3,62	5,164	,160
Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства	4,52	2,17	1,64	4,932	,177
Использование того или иного языка	4,5	5,1	5,63	6,798	,033

Методика «Исследование системы жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова

Альтруистические	19,2	10,6	18,6	6,832	,035
Экзистенциальные	18,9	18,6	11,2	7,961	,011
Гедонистические	16,9	14,3	13,4	4,972	,290
Самореализации	2,7	3,5	16,3	8,728	,016

Методики	Грузинские подростки (среднее значение)	Армянские подростки (среднее значение)	Русские подростки (среднее значение)	Н-критерий	Ур. знач.
Статусные	4	14,2	15,6	11,012	,026
Коммуникативные	5	4,3	3,6	6,084	,193
Семейные	2,5	2,1	16,7	4,462	,047
Когнитивные	14,5	16,1	16,1	5,890	,207

Тест культурно-ценностных ориентации (Дж. Таусенд, вариант Л.Г. Почебут)

Традиционная культура	1,7	1,65	1,0	5,967	0,049
Современная культура	2,3	2,3	2,3	0,120	0,942
Динамически развивающаяся культура	1,0	0,91	1,8	12,644	0,002

Как видно из таблицы 4, статистически значимые различия имеются по следующим характеристикам методики «Смыслоразнозначные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева:

- по шкале «Результативность жизни» ($N = 14,846$, при $p < 0,05$). Подростки грузинской национальности воспринимают результат прожитой жизни более продуктивно, чем русские и армянские подростки, которые не очень удовлетворены результативностью жизни.
- по общему показателю осмысленности жизни выявлены статистические

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

различия ($N = 13,147$, при $p = 0$). Можно говорить, что у грузинских подростков более осмысленная жизнь, чем у русских и армянских подростков.

Были выявлены значимые различия по шкале «Использование того или иного языка» (опросник О. Л. Романовой) ($N = 6,798$, при $p < 0,05$). Русские подростки отмечают большую необходимость использовать родной язык в процессе общения с другими, чем грузинские и армянские подростки.

По методике «Исследование системы жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова нами были выявлены различия в таких шкалах, как «Альтруистические жизненные смыслы» ($N = 6,832$, при $p < 0,05$), «Экзистенциальные жизненные смыслы» ($N = 7,961$, при $p < 0,05$), «Самореализация» ($N = 8,728$, при $p < 0,05$), «Статусные жизненные смыслы» ($N = 11,012$, при $p < 0,05$) и «Семейные жизненные смыслы» ($N = 4,462$, при $p < 0,05$). Подростки грузинской национальности, в отличие от остальных испытуемых, в большей степени видят смысл жизни в самореализации и достижении высокого статуса в обществе. Армянские подростки в большей степени видят смысл в альтруизме и семейном благополучии, чем другие национальные группы. Русские подростки более заинтересованы в поиске смысла жизни и свободы.

Также по тесту культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд в адаптации Л.Г. Почебут) были выявлены значимые различия по шкале «Традиционная культура» ($N = 5,967$, при $p < 0,05$). Полученные данные позволяют говорить, что подростки грузинской и армянской национальностей в большей степени ориентированы на прошлое, придерживаются традиций и заинтересованы в истории своей страны. В отличие от русских подростков, испытуемые этих групп придают большое значение традиционности родственных ролевых отношений, семейным связям и религиозным ориентациям.

По шкале «Динамически развивающаяся культура» также были обнаружены значимые различия ($N = 12,644$, при $p < 0,01$). Можно говорить, что русские подростки в большей степени ориентированы на будущее и быстрые результаты. Для них в большей степени характерно стремление к свободе, автономности и быстрому материальному вознаграждению.

Обсуждение результатов

Результаты эмпирического изучения смысловых ориентаций подростков с разными культурно-национальными особенностями согласуются с теоретическими положениями и выводами немногочисленных исследований этнокультурных традиций мигрантов в работах таких ученых как: Александров, Иванишина, Казарцева (2015); Деменцева (2018); Варшавер, Рочева, Иванова (2021). Наше исследование позволяет дополнить научные результаты других авторов по проблеме успешной социализации мигрантов. Показано, что в процессе обучения подростков из семей мигрантов приоритетными являются: духовно-нравственное воспитание,

формирование чувства принадлежности к своей этнической группе, и, главное - освоение культурных, гражданско-патриотических норм и ценностей российского государства.

В ходе изучения смыслозначных ориентаций подростков с различными культурно-национальными особенностями в проведенном исследовании выявлены следующие особенности:

- общий уровень осмысленности жизни одинаковый у подростков всех национальностей;
- интерес к жизни у подростков грузинской и армянской национальности выше, чем у подростков русской национальности;
- у подростков грузинской национальности доминирующими категориями жизненных смыслов являются статусные, самореализации, коммуникативные, семейные, когнитивные;
- у подростков армянской национальности доминируют такие категории жизненных смыслов, как самореализация, коммуникативные и семейные;
- у подростков русской национальности доминируют такие категории жизненных смыслов, как коммуникативные, экзистенциальные, статусные, самореализации, семейные.

Различия в смыслозначных ориентациях подростков с разными культурно-национальными особенностями:

- подростки грузинской национальности удовлетворены самореализацией в большей степени, чем подростки армянской и русской национальности;
- грузинские подростки имеют более выраженный показатель осмысленности жизни по сравнению с армянскими и русскими подростками;
- русские подростки отмечают важность использования русского языка в процессе общения;
- подростки грузинской национальности, в отличие от остальных испытуемых, в большей степени видят смысл жизни в самореализации и достижении высокого статуса в обществе;
- армянские подростки в большей степени определяют смысл жизни в альтруизме и семейном благополучии, в сравнении с другими группами испытуемых подростков;
- русские подростки более заинтересованы в поиске смысла жизни и свободы;
- подростки грузинской и армянской национальностей ориентированы на прошлое, придерживаются культурно-национальных традиций;
- русские подростки ориентированы на будущее и на получение быстрых результатов в деятельности;
- для русских подростков в большей степени характерно стремление к свободе, автономности и материальному вознаграждению.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Успешная этническая социализация армянских, грузинских и российских подростков связана с необходимостью учета в процессе духовно-нравственного воспитания, чувства принадлежности к своей этнической группе, системы жизненных смыслов, культурно-национальных особенностей, а также освоением культурных, государственных и гражданско-патриотических норм и ценностей.

Заключение

Теоретическим выводом исследования является то, что существуют различия в уровнях выраженности этнической идентичности у подростков армянской, грузинской и русской национальностей, которые детерминированы смысловыми ориентациями, этнокультурными традициями и этнической идентичностью.

Полученные эмпирические результаты позволяют заключить, что в воспитательной работе образовательных и этнокультурных учреждений особое внимание следует уделять реализации программы этнической социализации по развитию жизненных ценностей и смыслов у подростков с учетом их культурно-национальных особенностей. Это позволит подросткам не только осознать свою жизненную позицию, определить личное отношение к ценностям окружающего мира, сформулировать главные задачи, связанные с будущим, но и развивать у них уважительное отношение к культурно-национальным традициям и ценностям других народов, а также к культурным, гражданско-патриотическим нормам и ценностям российского государства.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение проблемы укрепления гражданской идентичности современных подростков для дальнейшей консолидации российского общества с целью исключения деструктивных проявлений этноэгоизма, этнической индифферентности, этнофанатизма, национального и религиозного экстремизма.

Литература

- Абакумова, И. В., Ермаков, И. В. (2003). О становлении толерантной личности в поликультурном образовании. *Вопросы психологии*, (3), 78–82.
- Берберян, А. С., Берберян Э.С., Тучина, О.Р. (2019). Соотношение гражданской и этнической идентичности у армянской молодежи с разной длительностью проживания в Армении. *Психологический журнал*, 40(6), 44–54. <https://doi.org/10.31857/S020595920007315-2>
- Бичерова, Е. Н., Голубева, Г. Ф., Фещенко, Е. М. (2019). Ситуационно-специфические показатели интернального локуса контроля подростков с разной самооценкой. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 12(1), 51–60.
- Волков, Ю. Г. Гурба, В. Н., Гуськов, И. А. (2022) Социокультурный габитус гражданской идентичности учащейся молодежи: факторы формирования в условиях неопределенности российского общества. *Гуманитарий Юга России*, 11(6), 59–74. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.3>
- Голубева, Г. Ф., Тришин, А. А. (2019). Эргономическое обеспечение разработки экспертных психодиагностических систем с использованием стандартизированных тестов. *Эргодизайн*, 4(6), 203–213. <https://doi.org/10.30987/2619-1512-2019-2019-4-203-213>

- Дагбаева, С. Б. (2018). Тенденции и варианты этнической социализации подростков. *Российский психологический журнал*, 15(1), 140–156. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.7>
- Зинченко, Ю. П., Шайгерова, Л. А. (2019). Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. РГПУ. 875–884. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0302>
- Ковалева, Ю. В. (2020). Субъективное благополучие и субъектность представителей больших социальных групп: на примере первого и второго поколений мигрантов из Армении и армян, проживающих на родине // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 5, 1(17), 73–115.
- Рослякова, С. В., Пташко, Т. Г., Перебейнос, А. Е., Павленко, Е. Ф. (2022). Проблема ценностей современных подростков в отечественных и зарубежных исследованиях. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 3(205), 613–618. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.3.p613-618>
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С. Н. (2022). Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых. *Культурно-историческая психология*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>
- Спасенников, В. В. (2021) Социодизайн преемственности поколений: теоретико-экспериментальный подход. *Эргодизайн*, 1(11), 15–26. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2021-1-15-26>
- Фещенко, Е. М. (2017) Изучение жизненных ценностей подростков, попавших в опасное социальное положение. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 12, 49–55.
- Шамионов, Р. М., Бочарова, Е. Е., Невский, Е. В. (2021). Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(4), 91–105. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
- Alexandrov, D., Ivaniushina, V., Kazartseva, E. (2015). Ethnic Composition and Migration Status of Primary and Secondary School Students in Russia. *Educational Studies. Moscow*, 2, 173–195. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-2-173-195>
- Crul, M., & Schneider, J. (2009). Comparative Integration Context Theory: Participation and Belonging in New Diverse European Cities. *Ethnic and Racial Studies*, 33(7), 1249–1268. <https://doi.org/10.1080/01419871003624068>
- Demintseva, E. (2018). 'Migrant schools' and the 'children of migrants': constructing boundaries around and inside school space. *Race Ethnicity and Education*, 23(81), 1–15. <https://doi.org/10.1080/13613324.2018.1538126>
- Inglehart R., & Baker W. E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 65(1), 19–51. <https://doi.org/10.2307/2657288>
- Fajth, V., & Lessard-Ph, L. (2022). Multidimensionality in the Integration of First- and Second-Generation Migrants in Europe: A Conceptual and Empirical Investigation. *International Migration Review*, 57(3). <https://doi.org/10.1177/01979183221089290>
- Levitt, P. (2009). Roots and Routes: Understanding the Lives of the Second Generation Transnationally. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 35(7), 1225–1242. <https://doi.org/10.1080/13691830903006309>
- Spasennikov, V., & Morozova, A. (2020). Accreditation examination of developing professional competencies at the university: A mathematical model. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 172, 223–228. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2244-4_19
- Varshaver E., Rocheva A., & Ivanova N. (2021) E-namus? Social networking sites and conservative norms of romantic relationships among secondgeneration migrants in Russia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 48(9). <https://doi.org/10.1080/1369183X.2021.1883423>

Поступила в редакцию: 31.10.2023

Поступила после рецензирования: 01.04.2024

Принята к публикации: 25.04.2024

Заявленный вклад авторов

Елена Михайловна Фещенко – разработка методологии исследования, подбор диагностического инструментария, вторичная обработка результатов исследования (25%).

Галина Федоровна Голубева – обзор существующих исследований по проблеме исследования, подготовка выводов и окончательного варианта статьи (25%).

Валерий Валентинович Спасенников – формулирование концепции и замысла исследования, обоснование темы и формулировка гипотезы исследования (25%).

Армине Арменовна Хангалдян – участие в анализе научной литературы, в сборе и первичной обработке данных на контингенте подростков разной национальности (25%).

Информация об авторах

Валерий Валентинович Спасенников – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры «ГиСД» Брянский государственный технический университет, главный редактор журнала «Эргодизайн», Брянск, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6507-1966-32, WoS Researcher ID: G-2314-2016; РИНЦ Author ID: 1524-9224; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4378-3426>

Галина Федоровна Голубева – кандидат психологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Российская Федерация; Author ID: 299769; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-6779>; e-mail: golubeva.galya2012@yandex.ru

Елена Михайловна Фещенко – кандидат психологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Российская Федерация; Author ID: 839365; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3791-5162>; e-mail: emfeshchenko@mail.ru

Армине Арменовна Хангалдян – магистр кафедры общей и профессиональной психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск, Российская Федерация. Номер идентификатора ORCID: ID: <https://orcid.org/0009-0005-7811-9436>; e-mail: akhangaldyan@icloud.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Функции производственных групп по отношению к их членам: роль структурно-количественных характеристик

Андрей В. Сидоренков, Юлия В. Обухова*, Анастасия А. Ерибемян, Даниил С. Игнатов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: yvobuhova@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты исследования связи численности (общего количества членов группы и количества включенных в неформальные подгруппы участников группы) и композиции (по полу и возрасту) производственных групп со степенью выполнения ими функций по отношению к включенным в нее индивидам. К функциям относятся: обеспечение возможности реализации членами группы индивидуальных целей и социальных потребностей; защита от внешних социальных угроз, информирование, обучение, адаптирование членов группы и контроль и регуляция их активности. **Методы.** Исследование проводилось в индивидуальной форме в 49 отделах компаний численностью от 4 до 14 человек (всего – 290 работников, 75,35% женщин и 24,65% мужчин в возрасте 21–70 лет). На первом этапе исследования применялась компьютерная программа «Групповой профиль – Универсал», включающая формализованный алгоритм выделения неформальных подгрупп в группе, а на втором этапе – печатный бланк опросника функций группы по отношению к ее членам. Анализ результатов проводился с использованием описательных статистик, Хи-квадрат Пирсона, непараметрического U-критерия Манна-Уитни, метода бутстрэппинга, скорректированного на смещение. **Результаты.** Количество включенных в подгруппы членов создает прямой позитивный эффект, а общий групповой размер – косвенный отрицательный эффект (медируемый количеством включенных в подгруппы членов группы) относительно выполнения производственными группами функций по отношению к членам. Ни одна

из функций не зависит от гетерогенности групп по половому признаку их членов, но функция информирования отрицательно зависит от гетерогенности групп по возрасту участников. Обсуждение результатов. В исследовании сделан первый шаг на пути осмысления antecedентов функций производственных групп по отношению к своим участникам. Полученные результаты могут использоваться менеджерами и психологами для решения практических задач. Перспективы исследования – изучение групповой композиции по иным признакам и групповых социально-психологических характеристик как antecedентов функций производственных групп по отношению к своим участникам.

Ключевые слова

производственная группа, неформальная подгруппа, групповой размер, включенные в неформальные подгруппы индивиды, групповая композиция, групповые функции

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00099 «Роль неформальных подгрупп в эффективности производственных групп и команд».

Для цитирования

Сидоренков А. В., Обухова Ю. В., Ерибемян А. А., Игнатов Д. С. (2024). Функции производственных групп по отношению к их членам: роль структурно-количественных характеристик. *Российский психологический журнал*, 21(2), 151–168, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.9>

Введение

Профессиональная деятельность и значительная часть суточного времени большинства людей протекает в производственных группах. В них формируется определенная микросреда со множеством измерений, влияющая на членов группы. В связи с этим возникает вопрос: какой вклад вносят производственные группы в трудовую активность, поведение, психическое состояние и развитие членов этих групп? Этот вопрос непосредственным образом затрагивает проблему функций групп по отношению к своим членам.

Исследователи и практики иногда обращают внимание на причины объединения людей в малые группы, среди которых отмечают:

- а) достижение персональных целей с использованием ресурсов группы (Бэрон, Бирн, Джонсон, 2003; Роббинз, 2006);
- б) удовлетворение социальных потребностей в групповом контексте (Бэрон и др., 2003; Ойстер, 2004; Роббинз, 2006);
- в) получение необходимой информации и приобретение новых знаний и навыков посредством социального научения (Бэрон и др., 2003);
- г) стремление к безопасности в условиях социальных угроз (Геберт, фон Розенштиль, 2006; Роббинз, 2006);
- д) самоопределение посредством групповой идентификации (Бэрон и др., 2003);
- е) повышение статуса и самоуважения (Роббинз, 2006).

Эти причины объединения людей в группы отображают, по сути, функции групп по отношению к людям, т.е. пользу, которые группы могут принести для входящих в них людей. Определенные функции выполняют не только группы, в которые люди хотят быть включенными, но также группы, в которые люди попадают «волею судьбы». Например, когда человек устраивается на работу, то он в первую очередь движим материальными, карьерными и иными мотивами, а не соображениями поиска «благоприятной» для него группы. Человек не знает, в какой производственной группе окажется, но, будучи включенным в конкретную группу, ожидает получить от членства в ней определенные позитивные эффекты для себя.

Проблеме функций малых групп (в том числе, производственных) по отношению к своим членам не уделялось должного внимания в научной литературе. Однако эта проблема является важной, так как ее изучение позволяет более глубоко понять активность самой группы и ее роль в жизнедеятельности своих членов. Выполнение группой своих функций отображается на аттитюдах, развитии, поведении и благополучии ее членов. В частности, некоторые исследователи отмечают, что социальный контекст (к которому мы также относим производственную группу) влияет на субъективное благополучие людей (Perelygina, Rikel & Dontsov, 2017). Можно выделить несколько аспектов этой проблемы: 1) antecedенты и условия степени выполнения группой каждой функции; 2) значимость для членов той или иной функции; 3) связь между функциями; 4) прямые и косвенные эффекты каждой функции; 5) дисфункции и др. Так, antecedентами выполнения производственными группами функций могут быть структурно-количественные (например, численность, композиция, внутренняя коммуникативная сеть) и социально-психологические (например, групповые нормы и ценности, доверие, конфликт) характеристики этих групп, а условиями – форма организации совместной деятельности (например, совместно-индивидуальная или совместно-взаимодействующая), способ стимулирования работников (например, по индивидуальным или групповым результатам) и др. В данном исследовании мы делаем первый шаг на пути изучения antecedентов функций групп, начиная с группового размера и композиции.

Цель этого исследования состоит в том, чтобы изучить связь размера и композиции (по полу и возрасту) производственных групп со степенью выполнения ими функций по отношению к членам этих групп.

Функции малой группы и неформальной подгруппы по отношению к своим членам

В контексте этого исследования функция понимается как вклад системы (группы) по отношению к своим элементам (членам группы). Иначе можно сказать, что функция – это такое отношение целого (группы) к своим частям (членам), при котором само существование или какой-либо вид проявления целого обеспечивает существование или какую-либо форму проявления частей.

На основе обобщения сложившихся в литературе представлений о причинах объединения людей в группы, выделены следующие функции малых групп (в том числе, производственных) по отношению к членам этих групп: 1) обеспечение возможности реализации индивидуальных целей и социальных потребностей; 2) защита от внешне групповых социальных угроз; 3) информирование; 4) обучение; 5) адаптирование; 6) контроль и регуляция (Сидоренков, 2010; Sidorenkov & Borokhovski, 2024).

Функция обеспечения возможности реализации индивидуальных целей и социальных потребностей отображает то, в какой степени члены могут удовлетворить свои актуальные потребности (прежде всего, социальные) и достичь своих целей в группе, которые они не могут удовлетворить и достичь в одиночку. Внутренняя среда группы должна удовлетворять потребности членов этой группы (Hackman, 1987). Если же среда группы постоянно фрустрирует ее участников, то это отрицательно сказывается на морально-психологическом состоянии индивидов и результатах деятельности группы. Итак, основное предназначение функции обеспечения возможности реализации индивидуальных целей и социальных потребностей – самоудовлетворенность членов в групповом контексте.

Функция защиты от внешнегрупповых социальных угроз отображает защиту и поддержку группой отдельных членов, когда они подвергаются угрозам со стороны членов аутгрупп или иных посторонних лиц. Такая функция реализуется группой прежде всего тогда, когда возникают необоснованные угрозы со стороны других лиц или групп, например, в форме явно беспричинной агрессии или несправедливых претензий. Функция защиты может выполняться группой в целом или ее частью, т.е. некоторой совокупностью участников группы. Содержание этой функции указывает на то, что основное ее предназначение – обеспечение отдельных членов группы ощущением психологической и физической безопасности. Эта функция затрагивает один из аспектов проблемы психологии безопасности (Zinchenko, 2011).

Благодаря **функции информирования** члены группы могут получить разную информацию об: а) отдельных членах ингруппы; б) определенных аспектах

ингрупповой активности; в) более широкой социальной среде, в частности об аутгруппах и их представителях. Функция информирования создает предпосылку для качественного обмена информацией внутри группы, что, в свою очередь, способствует успешному взаимодействию между членами и выполнению ими групповых задач (Wittenbaum, Hollingshead & Botero, 2004). Итак, основное предназначение этой функции – обладание индивидом информацией, необходимой для совместной деятельности и выстраивания отношений с другими членами ингруппы и представителями аутгрупп.

Функция обучения способствует формированию у членов группы производственно-профессиональных и социально-психологических знаний и навыков. Первый тип знаний и навыков связан с освоением человеком задач и условий их выполнения, а второй тип – правил и способов взаимодействия и отношения в разных сферах групповой активности. Формирование у членов производственно-профессиональных и социально-психологических знаний и навыков в групповом контексте может протекать стихийно, например, в процессе совместной деятельности (Hackman, 1987) или в рамках целенаправленного группового обучения, например, в тимбилдинге (Klein et al., 2009). Итак, основное предназначение функции обучения – развитие индивидов в предметной и социальной сферах.

Функция адаптивования отображает то, в какой степени группа способствует межличностной и инструментальной (Riddle, Anderson & Martin, 2000), социально-психологической и предметно-деятельностной (Сидоренков, 2010), краткосрочной и долгосрочной (Thoms, Pinto, Parente & Druskat, 2002) адаптации как полноправных, так и новых членов. Основное предназначение групповой функции адаптивования заключается в: а) нахождении членом группы определенного места в системе межличностных отношений в группе в соответствии с интересами и возможностями члена группы, с одной стороны, и группы в целом, с другой; б) достижении соответствия активности индивида требованиям групповой деятельности.

Функция контроля и регуляции выражается в стремлении группы в целом или ее доверенных представителей контролировать соблюдение всеми членами групповых целей, норм и совместно разделяемых позиций по важным для группы вопросам. Кроме того, функция контроля и регуляции предполагает воздействие группы на своих участников с целью подкрепления адекватного и санкционирования неадекватного поведения, общения или выполнения совместной деятельности. Воздействие группы на члена этой группы осуществляется в виде открыто выражаемого коллективного мнения или определенного действия (бездействия). Оно может быть положительным и выражаться в форме одобрения, но может быть отрицательным, т.е. проявляться в форме осуждения и критики (Русалинова, Говорова, Ильина, 1983), санкций со стороны членов группы (Hollinger & Clark, 1982). Итак, основное предназначение функции контроля и регуляции – это обеспечение

соответствие поведения и рабочей активности отдельных членов групповым целям, интересам, нормам и, как следствие, стабильности функционирования группы.

Роль численности и композиции производственных групп в выполнении ими функций

Исследователи часто обращают внимание на роль численности и композиции группы в ее социально-психологических характеристиках, процессах и эффективности. Например, обнаружена значимая связь численного состава производственных групп с внутригрупповыми конфликтами (Choi & Cho, 2010; Sidorenkov, Borokhovskii & Kovalenko, 2018), групповой аттракцией (Kristof-Brown, Barrick & Stevens, 2005), удовлетворенностью членов группой (Roodt, Krug & Otto, 2021). Также показана связь композиции группы по определенным характеристикам членов группы с конфликтами (Sidorenkov et al., 2018; Vodosek, 2007; Woehr, Arciniega & Poling, 2013) и доверием (Zheng & Wang, 2021) внутри групп, сплоченностью (Thatcher & Patel, 2011) и эффективностью (Fuel, Pardo-del-Val & Revuelto-Taboada, 2022) групп. Размер и композицию группы иногда рассматривают как модераторы связи между некоторыми переменными. Например, групповой размер опосредует связь между сплоченностью (Chaudhary, Chopra & Kaur, 2022), доверием (Morrissette & Kisamore, 2020) с одной стороны, и эффективностью группы с другой. Композиция (по полу, возрасту, образованию и сроку пребывания в организации) способствует положительному влиянию дистрибутивной несправедливости на конфликт задачи (Spell, Bezrukova, Haar & Spell, 2011).

Мы предполагаем, что размер и композиция (по полу и возрасту членов группы) производственных групп связаны со степенью выполнения ими функций по отношению к членам, входящим в состав группы. Во-первых, малочисленные группы, по сравнению с многочисленными группами, способны в большей степени выполнять некоторые функции, так как у их больше возможности уделить необходимое и одинаковое внимание всем членам группы (функция содействия реализации индивидуальных целей и социальных потребностей, функция защиты от внешних угроз) или контролировать каждого члена группы (функция контроля и регуляции). Исключение, на наш взгляд, составляют функции информирования, обучения и адаптирования, так как в более многочисленной группе участники группы имеют больше возможности: а) получать разнообразную информацию, что отражается на усилении функции информирования; б) наблюдать широкий спектр поведения и деятельности других членов, получить необходимую помощь и др., что способствует их научению; в) найти более удовлетворяющее их место в структуре межличностных отношений, что отражается на их успешной адаптации.

Степень выполнения группой функций также может зависеть от количества членов группы, включенных в неформальные подгруппы. Исследования показали, что фактически во всех производственных группах возникают неформальные

подгруппы (Luan, Ren & Hao, 2019; Сидоренков, Сидоренкова, Ульянова, 2014), количество которых возрастает по мере увеличения размера групп (Сидоренков, Штроо, 2023). Можно предположить, чем больше членов группы включены в неформальные подгруппы, тем в большей степени группа способна выполнять свои функции по отношению к участникам. Это соображение можно кратко обосновать следующим образом. Неформальные подгруппы выполняют все те же функции по отношению к своим участникам, что группа в целом (Сидоренков, 2010). Причем многие функции неформальные подгруппы выполняют более успешно, чем группа. Вероятно, что выполнение подгруппами функций компенсирует недостаточность выполнения функций всей группой, по крайней мере, по отношению к включенным в подгруппы членам.

Во-вторых, гетерогенность групп по полу и возрасту ее участников может быть отрицательно связана с выполнением группами функций по отношению к членам этих групп. Это обусловлено тем, что за разнообразием индивидов по половому и возрастному признакам скрывается их разнообразие по некоторым социальным установкам, ценностным ориентациям, стереотипам. При высокой разнообразии состава своих участников группа не способна в одинаковой степени удовлетворять функциональные потребности и ожидания каждого участника (т.е., выполнять свои функции).

Гипотезы исследования

Нами были сформулированы следующие гипотезы исследования:

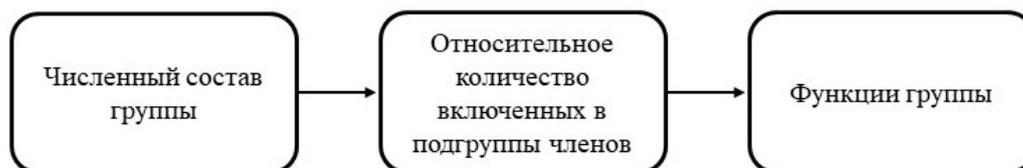
Гипотеза 1а. Численный состав производственных групп отрицательно связан с их функциями по отношению к членам группы (за исключением функции информирования, научения и адаптирования).

Гипотеза 1б. Количество включенных в неформальные подгруппы членов (относительно общего размера групп) положительно связано с функциями групп по отношению к членам.

Гипотеза 1в. Связь численного состава с функциями производственных групп медируется относительным количеством включенных в неформальные подгруппы членов группы (Рис. 1).

Рисунок 1

Схематичное отображение косвенной связи

Гипотеза 2а. Гетерогенность групп по половой принадлежности членов отрицательно связана с функциями групп.

Гипотеза 2б. Гетерогенность групп по возрасту членов отрицательно связана с их функциями.

Методы

Исследование проведено в 49 отделах офисных работников из одного государственного учреждения и трех коммерческих компаний разного профиля деятельности. Численный состав групп варьируется от 4 до 14 участников. Так как профиль деятельности организаций заметно отличается, то выборка является достаточно репрезентативной с точки зрения формы собственности и отраслей экономики. Вместе с тем выборка является унифицированной в плане типа трудовой деятельности, так как деятельность всех обследованных групп относится к «офисным профессиям».

В исследовании приняли участие 290 работников, среди которых было 75,35% женщин и 24,65% мужчин в возрасте от 21 до 70 лет ($M = 36,83$, $SD = 10,58$). Фактически все сотрудники по штатному расписанию участвовали в исследовании, за исключением трех человек, которые отсутствовали по болезни или работали дистанционно.

С целью выявления неформальных подгрупп и их состава в исследовании использовался специально для этого созданный формализованный алгоритм (Горбатенко, Горбатенко, 1984). Для измерения шести групповых функций был разработан опросник функций группы по отношению к ее членам. Опросник включает шесть соответствующих субшкал, в каждой из которых два пункта с обратной формулировкой. Исключение составляет субшкала обеспечения возможности реализации индивидуальных целей и социальных потребностей, которая содержит четыре пункта. Примеры пунктов:

- «Мне достаточно трудно достигать своих индивидуальных целей в этой группе» (субшкала функции обеспечения возможности реализации индивидуальных целей и социальных потребностей);
- «Если кто-то из сотрудников другого коллектива (клиентов и др.) будет со мной обращаться пренебрежительно, агрессивно и т.п., то сомневаюсь, что члены нашей группы за меня заступятся» (субшкала функции защиты от социальных угроз);
- «Я ощущаю, что временами недостаточно информирован(а) о том, что происходит в группе» (субшкала функции информирования);
- «Пребывание в этой группе дает мне мало возможностей для приобретения нового опыта, знаний и умений» (субшкала функции научения);

- «Если в группе окажется новичок, то многие члены вряд ли ему будут помогать в работе» (субшкала функции адаптирования);
- «Если некоторые члены будут нарушать негласные правила поведения и общения, то это не вызовет должной реакции в нашей группе» (субшкала функции контроля и регуляции).

Оценка осуществляется на основе 6-балльной шкалы: от 1 (полностью согласен) до 6 (полностью не согласен).

Средние показатели содержательной валидности опросника, которую три эксперта оценили по пятибалльной шкале, были максимальными (5.0) по 12 пунктам, а по двум пунктам были по 4.66 балла. Процедура КФА подтвердила шестифакторную структуру опросника: $df = 62$, $\chi^2 = 133.46$, $CFI = .971$, $TLI = .958$, $RMSEA = .062$ [.048-.078], $p = .000$. Показатели α Кронбаха субшкал (табл. 1) были выше .800, за исключением субшкалы функции контроля и регуляции.

Исследование проводилось на рабочих местах по согласованию с администрацией соответствующих организаций и с согласия участников, выраженного в устной форме. Исследование проводилось в индивидуальной форме. Каждый участник сначала работал на ноутбуке с компьютерной программой «Групповой профиль – Универсал» (Sidorenkov & Pavlenko, 2015), в которую включен формализованный алгоритм выделения неформальных подгрупп в группе. Затем он(она) заполнял печатный бланк опросника функций группы по отношению к членам.

Результаты

В 47 из 49 исследованных групп выявлено 67 неформальных подгрупп, количество которых в разных группах варьировалось от одной до трех. Соответственно, в двух группах не было обнаружено ни одной подгруппы, а потому они были исключены из дальнейшего анализа. Больше всего было обнаружено диад (43,3% подгрупп) и триад (32,8%), а существенно меньше подгрупп из четырех (19,4%) и пяти (4,5%) человек. В неформальные подгруппы оказались включенными 64,8% сотрудников.

Таблица 1 показывает описательную статистику, корреляции Пирсона и α Кронбаха на уровне производственных групп и неформальных подгрупп, соответственно. Относительное количество включенных в подгруппы членов рассчитывалось как отношение количества включенных в подгруппы членов к общей численности группы. Две группы, в которых не обнаружено ни одной подгруппы, исключены из этого расчета. Перед корреляционным анализом все переменные были нормализованы (преобразованы в T -оценки).

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Таблица 1
 Описательные статистики, α Кронбаха и корреляции Пирсона

Переменная	M	SD	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Численный состав групп	6.14	2.45	-.41**	.09	-.03	-.17	.06	-.25	-.22	-.08	-.08
2. Относительное количество включенных в подгруппы членов	.69	.23	-	-.04	-.04	.39**	.29*	.44**	.45**	.19	.34*
3. Композиция по полу	.25	.19			-.05	.09	.18	.01	.06	-.11	.13
4. Композиция по возрасту	20.68	8.65				.46**	-.03	-.25	-.17	.06	-.17
5. Информирование	8.16	2.86					.861	.57***	.79***	.71***	.31*
6. Научение	9.19	2.68						.804	.52***	.56***	.42**
7. Обеспечение целей и потребностей	17.51	4.72							.850	.70***	.33*
8. Защита	9.10	2.74								.921	.52***
9. Контроль и регуляция	9.38	2.32									.706
10. Адаптирование	9.91	2.41									

Примечание. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Согласно гипотезе 1а, численность производственных групп отрицательно связана с их функциями по отношению к членам группы (за исключением функций информирования, научения и адаптирования). В таблице 2 видно, что размер групп значимо не связан ни с одной их функцией. Следовательно, гипотеза 1а не подтвердилась.

Однако мы предположили, что отсутствие линейной связи может быть результатом неравномерной выборки групп с точки зрения их численного состава. Оказалось, что в нашей выборке более половины групп ($N = 27$) состоят из 4–5 человек. Поэтому мы разделили выборку (на основе $M \pm 1SD$) на условно малочисленные (4–5 человек) и многочисленными (8–14 человек) группы. Попарное сравнение (Mann-Whitney test) каждой функции малочисленных и многочисленных групп (табл. 2) показало статистически значимое отличие (хоть и небольшое) между степенью выполнения этими категориями групп двух функций: а) обеспечение возможности реализации индивидуальных целей и социальных потребностей; б) защита от социальных угроз. Причем, эти функции значимо сильнее выполняются малочисленными, чем многочисленными группами, на что указывает средний ранг.

По другим функциям нет значимого отличия между этими категориями групп. Этот результат не противоречит гипотезе 1а и позволяет уточнить ее формулировку: малочисленные группы сильнее, по сравнению с многочисленными группами, выполняют функции по отношению к их членам (за исключением функции информирования, научения и адаптирования).

Таблица 2

Сравнение функций условно малочисленных ($N = 27$) и многочисленных ($N = 11$) групп

Функции	<i>Z</i>	<i>p</i>	Mean Rank
Информирование	-1.759	.082	21.52/14.55
Научение	-.32	.974	19.46/19.59
Обеспечение целей и потребностей	-2.302	.021	22.15/13.00
Защита	-1.965	.049	21.76/13.95
Контроль и регуляция	-.725	.468	20.33/17.45
Адаптирование	-1.015	.310	20.67/16.64

Гипотеза 1б предполагает, что относительное количество включенных в неформальные подгруппы членов положительно связано с функциями групп по отношению к своим членам. Обнаружено (табл. 1), что относительное количество включенных в неформальные подгруппы членов значимо положительно связано с пятью функциями производственных групп, но значимо не коррелирует с функцией контроля и регуляции. Таким образом, гипотеза 1б подтвердилась относительно пяти функций.

В гипотезе 1в утверждается, что связь «численный состав – функции» медируется относительным количеством включенных в неформальные подгруппы членов. Для тестирования этой гипотезы был использован метод бутстрэппинга (определения доверительных интервалов статистических оценок), скорректированный на смещение (Hayes, 2018). Анализ проводился с использованием PROCESS macro (Модель 4) посредством программного пакета SPSS Statistics 23. Перед анализом переменные были центрированы по среднему значению. Если ноль не попадает в доверительный интервал, эффект медиации значителен. В таблице 3 видно, что количество членов подгрупп (относительно общей численности группы) значимо медирует связь абсолютного численного состава групп почти со всеми их функциями, за исключением функции контроля и регуляции. Причем во всех случаях косвенный эффект является отрицательным. Следовательно, гипотеза 1в подтвердилась относительно пяти из шести функций групп.

Таблица 3

Медиацция связи численного состава с функциями групп посредством относительного количества включенных в подгруппы членов

Модели функций	Оценка		95% CI	
	<i>b</i>	<i>SE</i>	Boot LLCI	Boot ULCI
Информирование	-.090	.052	-.219	-.012
Научение	-.084	.047	-.199	-.016
Обеспечение целей и потребностей	-.211	.121	-.510	-.039
Защита	-.127	.064	-.283	-.034
Контроль и регуляция	-.039	.044	-.139	.031
Адаптирование	-.086	.049	-.206	-.013

Степень гетерогенности-гомогенности группы по возрасту ее членов, измеренному в годах (количественная переменная), оценивалась посредством расчета коэффициента вариации. Разнообразие членов группы по этой персональной характеристике тем выше, чем больше значение этого коэффициента. Гетерогенность группы по половой принадлежности членов (категориальная переменная) определялась на основе расчета индекса Блау (Blau, 1977). Он может варьироваться от нуля (полная гомогенность с пропорцией 0/100) до 0,5 (максимальная гетерогенность с пропорцией 50/50). В гипотезах 2а и 2б утверждается, что гетерогенность групп, соответственно по половой и возрастной принадлежности членов, отрицательно связана с их групповыми функциями. Не обнаружено значимой связи этой композиционной переменной ни с одной функцией групп (табл. 1). Тем самым, гипотеза 2а не подтвердилась. Однако выявлена значимая отрицательная связь гетерогенности групп по возрасту членов с одной функцией – информированием (табл. 1). Такой результат позволяет утверждать, что гипотеза 2б подтвердилась, но только относительно одной групповой функции.

Обсуждение результатов

Ограниченное количество литературы по функциям малых (в том числе производственных) групп и ее фактическое отсутствие по проблеме antecedents групповых функций затруднило полноценное обсуждение полученных нами результатов, в том числе сделало невозможным соотнести представленные в этой

работе результаты с данными других исследований. Тем не менее, мы постарались их проанализировать.

Обнаружено, что степень выполнения группами некоторых функций зависит от их численного состава. А именно: малочисленные группы, по сравнению с многочисленными, значительно сильнее выполняют функцию обеспечения реализации индивидуальных целей и социальных потребностей и функцию защиты от социальных угроз. Вероятно, в большинстве малочисленных формальных групп возникают более благоприятные условия для удовлетворения членами этих групп некоторых своих социальных потребностей, например потребности в включении, контроле и/или аффекте (Schutz, 1958), позитивной самооценке (Tajfel & Turner, 1986), принадлежности (Cooper & Thatcher, 2010), самопрезентации (Roberts, 2005). К этим благоприятным условиям относятся прежде всего более сильная выраженность неформальных и тесных отношений внутри группы, а также возможность группы уделить больше внимания персональным потребностям членов. В большинстве малочисленных групп также сильнее сплоченность (Neubert, 1999), что может способствовать более сильному выполнению группой функции защиты своих членов. В свою очередь, в многочисленных группах возрастают координационные и мотивационные потери (Gooding & Wagner, 1985) и внутригрупповое предубеждение (Mullen et al., 1992), ухудшается обмен информацией (De Dreu, 2007). Можно предположить, что эти негативные явления отражаются на снижении возможности групп выполнять большинство своих функций.

Также обнаружено, что относительное количество включенных в неформальные подгруппы членов создает позитивный эффект по отношению к пяти функциям групп (за исключением функции контроля и регуляции). Т.е., чем больше людей включено в подгруппы, тем сильнее производственные группы способны выполнять свои функции. Этот результат косвенно указывает на то, что неформальные подгруппы сильнее выполняют большинство функций по отношению к их членам, чем группы по отношению ко всем членам (Sidorenkov & Borokhovskii, 2024), и тем самым, компенсируют слабое выполнение группами своих функций. Иначе можно сказать, чем больше членов включено в подгруппы и, соответственно, охвачено функциями своих подгрупп, тем сильнее будет восприниматься членами выполнение функций группой в целом. Кроме того, относительное количество включенных в неформальные подгруппы членов медирует косвенную связь численного состава групп с пятью их функциями (кроме функции контроля и регуляции). Такой косвенный эффект является отрицательным. Т.е., чем больше численный состав групп, тем меньше людей включены в неформальные подгруппы и, как следствие, группы слабее выполняют каждую из пяти функций по отношению к своим членам. Кстати, обнаружена отрицательная связь между численностью групп и количеством включенных в подгруппы членов.

Особое внимание надо обратить на функцию контроля и регламентации, которая выделяется в ряду остальных функций. Т.е., эта функция, в отличие от остальных

функций, прямым образом не затрагивает функциональные потребности (в широком значении этого слова) членов (Sidorenkov & Borokhovski, 2024). Если большинство членов группы лично заинтересованы в удовлетворении некоторых своих социальных потребностей, получении важной информации и т.д., то в меньшей степени они хотят, чтобы группа или подгруппа их контролировала и оказывала на них воздействие. Поэтому, как мы думаем, эта функция прямым или косвенным образом не зависит от численного состава групп и относительного количества включенных в подгруппы членов.

Как показали результаты, гетерогенность групп по полу и возрасту их участников не связана с групповыми функциями. Исключение составляет функция информирования, которая отрицательно зависит от гетерогенности членов по возрасту. Т.е., чем сильнее члены группы отличаются по возрасту, тем слабее группы выполняют эту функцию. Вероятно, что за возрастным разнообразием индивидов скрывается их разнообразие по аттитюдам, стереотипам или иным характеристикам, которое затрудняет циркуляцию информации внутри группы, а потому члены не получают необходимой информации в соответствии с их ожиданиями.

Результаты исследования, представленные в этой статье, делают определенный вклад в теоретические знания об активности малых групп и их роли в жизнедеятельности индивидов в групповом контексте. А именно: сделан первый шаг на пути понимания antecedентов функций групп по отношению к своим членам. Т.е., было показано, что выполнение группами большинства функций косвенно зависит от их численного состава и прямым образом от количества включенных в подгруппы участников. Также на выполнение функции информирования отрицательно действует гетерогенность групп по возрасту членов групп.

Идеи и результаты этого исследования могут использоваться, руководителями, HRM и психологами для решения некоторых практических задач. Знание о связи «численность группы – групповая функция», «количество включенных в подгруппы членов – групповая функция» и «групповая композиция – групповая функция» позволит делать прогноз относительно степени выполнения группами определенных функций по отношению к своим членам. В свою очередь, знание того, как группа выполняет определенные функции, является своего рода «лакмусовой бумагой», по которой можно судить о благополучном или неблагополучном «состоянии» группы в целом с точки зрения: а) психического состояния ее участников (например, функция защиты от социальных угроз и функция адаптирования); б) развития членов группы (например, функция обучения); в) стабильности функционирования участников группы (например, функция контроля и регуляции).

Ограничения исследования

Это исследование имеет некоторые ограничения. В нашей выборке большинство исследованных групп оказались малочисленными по составу. Неравномерная

представленность групп разной численности во всей выборке могла отразиться на результатах исследования. Кроме того, мы изучали только группы офисных работников. Однако в группах с другими условиями организации совместной деятельности участников могут быть специфические особенности связи размера и композиции (по полу и возрасту) групп с выполнением ими функций.

Перспективы исследования

Перспектива исследования заключается в изучении: 1) композиции группы по иным характеристикам членов (например, образование, личностные качества, ценности) как antecedента функций производственных групп; 2) социально-психологических характеристик групп (например, определенных групповых норм, доверия внутри группы, отношений между подгруппами) как предикторов выполнения группами функций по отношению к своим членам.

Литература

- Бэрн, Р., Бирн, Д., Джонсон, Б. (2003). *Социальная психология: ключевые идеи*. Питер.
- Геберт, Д., фон Розеншиль, Л. (2006). *Организационная психология. Человек и организация*. Гуманитарный центр.
- Горбатенко, А. С., Горбатенко, Т. М. (1984). Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов, *Вопросы психологии*, 4, 112–118.
- Ойстер, К. (2004). *Социальная психология групп*. Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Роббинз, С. П. (2006). *Основы организационного поведения*. Вильямс.
- Русалинова, А. А., Говорова, А. А., Ильина, Н. А. (1983). *Социально-психологические аспекты нравственного воспитания трудящихся в производственном коллективе*. Е. В. Шорохова (ред.). *Социально-психологические проблемы производственного коллектива*. Наука.
- Сидоренков, А. В. (2010). *Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория*. Издательство ЮФУ.
- Сидоренков, А. В., Сидоренкова, И. И., Ульянова, Н. Ю. (2014). *Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации*. Мини Тайп.
- Сидоренков, А. В., Штроо, В. А. (2023). Роль количества неформальных подгрупп в эффективности производственной малой группы. *Организационная психология*, 13(1), 35–58. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru>
- Blau, P. M. (1977). *Inequality and heterogeneity: A primitive theory of social structure*. Free Press.
- Chaudhary, M., Chopra, S., & Kaur, J. (2022). Cohesion as a cardinal antecedent in virtual team performance: A meta-analysis. *Team Performance Management*, 28(5/6), 398–414. <https://doi.org/10.1108/TPM-02-2022-0017>
- Choi, K., & Cho, B. (2010). Competing hypotheses analyses of the associations between group task conflict and group relationship conflict. *Journal of Organizational Behavior*, 32, 1106–1126. <https://doi.org/10.1002/job.733>
- Cooper, D., & Thatcher, S. M. B. (2010). Identification in organizations: The role of self-concept orientations and identification motives. *Academy of Management Review*, 35(4), 516–538. <https://doi.org/10.5465/AMR.2010.53502693>
- De Dreu, C. K. W. (2007). Cooperative outcome interdependence, task reflexivity, and team effectiveness: A motivated information processing perspective. *Journal of Applied*

- Psychology*, 92(3), 628–638. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.92.3.628>
- Fuel, P., Pardo-del-Val, M., & Revuelto-Taboada, L. (2022). Does the ideal entrepreneurial team exist? *International Entrepreneurship and Management Journal*, 18(2), 1–27.
- Gooding, R. Z., & Wagner, J. A., III. (1985). A meta-analytic review of the relationship between size and performance: The productivity and efficiency of organizations and their subunits. *Administrative Science Quarterly*, 30, 462–481. <https://doi.org/10.2307/2392692>
- Hackman, J. R. (1987). The design of work teams. In J. W. Lorsch (Ed.), *Handbook of organizational behavior* (pp. 315–342). Prentice Hall.
- Hayes, A. F. (2018). *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. Guilford press.
- Hollinger, R. C., & Clark, J. P. (1982). Formal and informal social controls of employee deviance. *The Sociological Quarterly*, 23, 333–343. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1982.tb01016.x>
- Klein, C., Salas, E., Le, H., Burke, C. S., Lyons, R., & Goodwin, G. F. (2009). Does team building work? *Small Group Research*, 40, 181–222. <https://doi.org/10.1177/1046496408328821>
- Kristof-Brown, A., Barrick, M. R., & Stevens, C. K. (2005). When opposites attract: A multi-sample demonstration of complementary person-team fit on extraversion. *Journal of Personality*, 73(4), 935–958. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00334.x>
- Luan, M., Ren, H., & Hao, X. (2019). Perceived subgroups, TMS, and team performance: The moderating role of guanxi perception. *Frontiers in Psychology*, 10, 2655. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02655>
- Morrisette, A. M., & Kisamore, J. L. (2020). Trust and performance in business teams: A meta-analysis. *Team Performance Management: An International Journal*, 26(5/6), 287–300. <https://doi.org/10.1108/TPM-02-2020-0012>
- Mullen, B., Brown, R. J., & Smith, C. (1992). Ingroup bias as a function of salience, relevance, and status: An integration. *European Journal of Social Psychology*, 22(2), 103–122. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420220202>
- Neubert, M. J. (1999). Too much of a good thing or the more the merrier? Exploring the dispersion and gender composition of informal leadership in manufacturing teams. *Small group research*, 30(5), 635–646. <https://doi.org/10.1177/104649649903000507>
- Perelygina, E. B., Rikel, A. M., Dontsov, A. I. (2017). The subjective well-being of a person as a prism of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 185–194. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0416>
- Riddle, B. L., Anderson, C. M., & Martin, M. M. (2000). Small group socialization scale: Development and validity. *Small Group Research*, 31(5), 554–572.
- Roberts, L. M. (2005). Changing faces: Professional image construction in diverse organizational settings. *Academy of Management Review*, 30(4), 685–711. <https://doi.org/10.5465/AMR.2005.18378873>
- Roodt, H., Krug, H., & Otto, K. (2021). Subgroup formation in diverse virtual teams: The moderating role of identity leadership. *Frontiers in Psychology*, 12, 722650.
- Schutz, W. C. (1958). *FIRO-B a three-dimensional theory of interpersonal behavior*. Holt, Rinehart and Winston.
- Sidoronkov, A. V., & Borokhovski, E. F. (2024). Comparative analysis of the functions work groups and informal subgroups carry out in relation to their members: The essence, conditions of implementation, effects, and dysfunctions. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. <https://doi.org/10.1007/s12124-024-09834-y>
- Sidoronkov, A. V., & Pavlenko, R. V. (2015). GROUP PROFILE computer technique: A tool for complex study of small groups. *SAGE Open*, 5(1), 1–13. <https://doi.org/10.1177/21582440155694187774>

- Sidorenkov, A. V., Borokhovskii, E. F., & Kovalenko, V. A. (2018). Group size and composition of work groups as precursors of intragroup conflicts. *Psychology Research and Behavior Management, 11*, 511–523. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S178761>
- Spell, C. S., Bezrukova, K., Haar, J., & Spell, C. (2011). Faultlines, fairness, and fighting: A justice perspective on conflict in diverse groups. *Small Group Research, 42*(3), 309–340. <https://doi.org/10.1177/1046496411402359>
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). *The social identity theory of intergroup behavior*. In S. Worchel, W. G. Austin (Eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Nelson-Hall.
- Thatcher, S. M. B., & Patel, P. C. (2011). Demographic faultlines: A meta-analysis of the literature. *Journal of Applied Psychology, 96*(6), 1119–1139. <https://doi.org/10.1037/a0024167>
- Thoms, P., Pinto, J. K., Parente, D. H., & Druskat, V. U. (2002). Adaptation to self-managing work teams. *Small Group Research, 33*(1), 3–31. <https://doi.org/10.1177/104649640203300101>
- Vodosek, M. (2007). Intragroup conflict as a mediator between cultural diversity and work group outcomes. *International Journal of Conflict Management, 18*, 345–376. <https://doi.org/10.1108/10444060710833469>
- Wittenbaum, G. M., Hollingshead, A. B., & Botero, I. C. (2004). From cooperative to motivated information sharing in groups: Moving beyond the hidden profile paradigm. *Communication Monographs, 71*, 286–310. <https://doi.org/10.1080/0363452042000299894>
- Woehr, D. J., Arciniega, L. M., & Poling, T. (2013). Exploring the effects of value diversity on team effectiveness. *Journal of Business and Psychology, 28*, 107–121. <https://doi.org/10.1007/s10869-012-9267-4>
- Zinchenko Yu.P. (2011). Security psychology as social systemic phenomenon. *Psychology in Russia: State of the Art, 4*, 307–315. <https://doi.org/10.11621/pir.2011.0019>
- Zheng, Q., & Wang, L. (2021). Teammate conscientiousness diversity depletes team cohesion: The mediating effect of intra-team trust and the moderating effect of team coaching. *Current Psychology, 42*, 6866–6876. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01946-7>

Поступила в редакцию: 25.09.2023

Поступила после рецензирования: 10.04.2024

Принята к публикации: 25.04.2024

Заявленный вклад авторов

Андрей Владимирович Сидоренков – разработка идеи и цели статьи, проведение обзора литературы, планирование и организация исследования, статистический анализ данных, написание текста статьи.

Юлия Владимировна Обухова – участие в сборе данных, обработка первичных данных, написание текста статьи, редакторская правка.

Анастасия Амбарцумовна Ерибекян – участие в сборе данных, обработка первичных данных.

Даниил Сергеевич Игнатов – сбор данных, обработка первичных данных и статистический анализ данных.

Информация об авторах

Андрей Владимирович Сидоренков – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Россия; WoS Researcher ID: C-1299-2013; Scopus Author ID: 6602480376; РИНЦ Author ID: 71913; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0554-3103>; e-mail: avsidorenkov@sfedu.ru

Юлия Владимировна Обухова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия; WoS Researcher ID: B-4588-2017, Scopus Author ID: 57221959662, РИНЦ Author ID: 498469, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8976-4650>; e-mail: yvobuhova@sfedu.ru

Анастасия Амбарцумовна Ерибемян – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия. Researcher ID: A-7374-2016, РИНЦ Author ID: 695033, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6310-1712>, e-mail: anbzezyan@sfedu.ru

Даниил Сергеевич Игнатов – руководитель центра Социально-профессиональный коворкинг «Территория действий», ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия; Researcher ID: JFB-1296-2023, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4743-0836>; e-mail: dignatov@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.923

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.10>

Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ

Ирина В. Абакумова¹, Евгения Н. Рядинская^{1*}, Кристина Б. Богрова¹,
Алексей А. Щетинин², Сергей В. Сотников³

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский Государственный Экономический Университет (РГЭУ (РИНХ)),
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: muchalola@mail.ru

Аннотация

Введение. Непосредственное участие в рискоопасных и травмирующих психику событиях, таких как локальные вооруженные конфликты, определенным образом действует на психику не только участников боевых действий, но и мирного населения, которое осталось жить и работать в зоне конфликта. Цель нашего исследования заключается в получении эмпирических данных о ценностно-смысловой сфере населения районов локальных вооруженных конфликтов, то есть проживающих непосредственно в эпицентре военных событий. **Методы.** Выборку составили 211 человек в возрасте 21–53 лет, из них: 67 мужчин и 144 женщины. Использовались беседа и ассоциативный эксперимент. **Результаты.** Выявлено, что страх смерти приводит население к осознанию смысложизненных ценностей, побуждает определить самое важное в своей жизни. Мирные жители в зависимости от пребывания на территориях с высокой степенью интенсивности боевых действий испытывают неблагоприятное самочувствие, снижение активности, ухудшение настроения и депрессивные состояния, у них преобладают непродуктивные стратегии поведения, что оказывает влияние на приоритетные жизненные цели, оценку текущего периода жизни. **Обсуждение результатов.** Во время вооруженного

конфликта смысл жизни людей, которые проживают в эпицентре войны, заключается, прежде всего, в выживании и сохранении семьи. Люди, в основном, живут одним днем, не особо задумываясь о своем будущем, и в большей степени их волнует будущее своих детей. Полученные нами результаты могут использоваться для разработки различных направлений психологической помощи населению районов локальных вооруженных конфликтов.

Ключевые слова

локальный конфликт, вооруженный конфликт, ценностно-смысловая сфера, война, мирные жители, ценности, смыслы, страх смерти

Финансирование

Грант РФФ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков».

Для цитирования

Абакумова, И. В., Рядинская, Е. Н., Богрова, К. Б., Щетинин, А. А., Сотников, С. В. (2024). Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ. *Российский психологический журнал*, 21(2), 169–183. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.10>

Введение

Война – это чрезвычайные, экстремальные условия, при которых может выжить только тот, кто обладает высоким уровнем адаптационных возможностей, а также быстро реагирует на действия раздражителей (Horowitz, 1985). Человек, оказавшийся в зоне боевых действий, находится под воздействием стрессоров и встречается с их невероятной «атакой»: слышит постоянные звуки сирены, сменяющиеся на такие же невыносимые звуки обстрелов, испытывает постоянный страх за себя и своих близких, страх перед неизвестным; человека накрывает полная беспомощность через понимание невозможности что-то изменить или повлиять на ситуацию, и прибегает к ежеминутному мониторингу информационных каналов по наличной ситуации. Даже затишье, возникающее между обстрелами, вызывает напряжение и ожидание худшего (Горноста́й, 2022).

Изучением психологических последствий вооруженных конфликтов занимаются как российские, так и зарубежные ученые. Так, среди отечественных работ В. И. Екимова и Е. П. Лучникова изучали комплексную психологическую

травму как последствие экстремального стресса (Екимова, Лучникова, 2020); М. Ш. Магомед-Эминов проводил анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы (Магомед-Эминов, 2014); В. Ю. Рыбников и А. А. Кузьменко рассматривали проявления защитно-совладающего поведения при стрессе у различных категорий военнослужащих (Рыбников, Кузьменко, 2013); Н. В. Тарабрина и И. С. Хажуев исследовали посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации (Тарабрина, Хажуев, 2015).

Среди зарубежных исследователей заслуживают внимания работы R. M. Bhat et al., которые исследовали воздействие вооруженного конфликта на психическую жизнь студенческой молодежи в Кашмире) (Bhat et al., 2017); A. Richards, изучавшего проявления ПТСР у вынужденных переселенцев Колумбии Richards et al., (2011); I. A. Gutierrez и A. Adler, выявивших острые стрессовые реакции подростков в сложных условиях жизнедеятельности (Gutierrez & Adler, 2022); Y. Wang, рассматривающего влияние дистанционного обучения на психическое здоровье студентов конфликтных стран (Wang, 2023).

Опыт стран, столкнувшихся с психологическими последствиями локальных вооруженных конфликтов, показал, что непосредственное участие в рискоопасных и травмирующих психику событиях определенным образом действует на психику, в том числе на ценностно-смысловую сферу не только участников боевых действий, но и мирного населения, которое осталось жить и работать в зоне конфликта.

Цель исследования

Цель исследования – проанализировать психологические последствия локальных вооруженных конфликтов в отношении ценностно-смысловой сферы мирных жителей.

Теоретический обзор темы

Характеристика ценностно-смысловой сферы

Для характеристики ценностно-смысловой сферы в научном дискурсе используются такие синонимичные понятия, как: «ценностные ориентации» (М. Рокич, М. С. Яницкий), «смысложизненные ориентации», «мотивационно-смысловая сфера», «смысловые образования» (А. Г. Асмолов), «личностные смыслы» (А. Н. Леонтьев), «обобщенные смысловые образования» (Б. С. Братусь), «смысловое поле» (Г. В. Биренбаум, Б. В. Зейгарник), «смысложизненные стратегии» (И. В. Абакумова, Е. Н. Рядинская, А. А. Левшина, Л. Ю. Крутолева), «смыслообразовательные стратегии» (П. Н. Ермаков), «операциональные смыслы» (В. В. Знаков).

Так, В. А. Кутырев констатирует, что «опираясь на общее ядро понятий «смысложизненная ориентация», «тип», «парадигма» (иногда «установка»), можно

употреблять эти понятия как синонимы» (Кутырев, 1990, с. 116). А. Маслоу (Maslow, 1970) не разделяет такие понятия, как ценности и ценностные ориентации, мотивацию и потребности, а В. Франкл (Франкл, 1982) отождествляет ценности и смыслы личности. Для данных учёных это аспекты одного и того же явления.

Ценностно-смысловая сфера представляется через центральное образование личности, ее базовое ядро, и включает в себя два компонента – личностные ценности и систему личностных смыслов, задающую направленность жизнедеятельности.

Понятие «смысложизненная ориентация» отождествляется с понятием «ценностная ориентация» в сегменте смысложизненных ценностей. Смысложизненная ориентация – своего рода осознаваемая на уровне предпочтений направленность на определённый ряд высокозначимых ценностей-смыслов (Рощин, 2010). Смысложизненные ориентации связывают с тестом смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2006).

Аналогичное понятие «смысложизненная концепция» встречается в ряде работ других авторов (Зеленкова, 1988; Гумницкий, 1981; Немировский, 1990; Пальм, 1998). «Смысложизненная концепция» – аналог понятия «понимание смысла жизни» или «представление о смысле жизни». К примеру, авторами выделяется всего две концепции смысла жизни – религиозно-идеалистическая и материалистическая (Гумницкий, 1981).

Отождествление и разграничение смысложизненных ориентаций и смысложизненных концепций – это попытки решения вопроса о единстве ценностно-смысловой сферы.

Под смысложизненными стратегиями нами понимается сформировавшаяся в ходе онтогенеза устойчивая система личностных смыслов индивида, которая позволяет оптимизировать или минимизировать активность субъекта во взаимоотношениях с реальностью и проявляющаяся в отношении к цели, процессу и результату деятельности, а также в отношении к жизни и самому себе (Абакумова, Рядинская, 2017).

Под ценностями в данном исследовании мы понимаем мотивы деятельности и поведения. Ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей строго соотносятся с ценностями, вошедшими в личностную структуру. Такого определения придерживались Б. С. Братусь, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Г. Олпорт, С. Л. Рубинштейн, В. В. Столин, В. Франкл (Горькая, 2014).

Локальный вооруженный конфликт

Для дальнейшего освещения категории «локальный вооруженный конфликт» рассмотрим ряд понятий, которые помогут охарактеризовать сущность изучаемого явления: «война», «конфликт», «внутренний вооруженный конфликт», «гражданская война».

В исследованиях Р. Барта, К. Маркса, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра война определяется как противостояние, борьба, конфликт и рассматривается как один из факторов воздействия на личность, общество (Журба, 2022).

Конфликт – явление социально-психологическое, сложное и многоплановое, вызванное различными причинами и мотивами. Они могут быть психологическими, экономическими, политическими, ценностными, религиозными и объединять разные стороны, такие как индивиды, социальные группы, национально-этнические общности, государства и группы стран (Аленевский, 2017).

Внутренний вооруженный конфликт – это экстремальная форма разрешения противоречий между военными и политическими группировками внутри страны, когда обе стороны активно используют военную силу (Абакумова, Рядинская, 2017).

Нынешние войны называют гибридными, поскольку в них входят средства «жесткой» и «мягкой» силы, военной и информационной – сочетание, которое в разное время так или иначе присутствовало во всех войнах. Гибридная война – современная военная стратегия, сочетающая одновременное применение конвенционных милитарных сил с использованием иррегулярных образований, ведением действий в киберпространстве, а также информационных операций и средств экономического и дипломатического давления на противника. В современных войнах происходит смещение центра тяготения с физической силовой составляющей, который преобладает в традиционных войнах, на ментальную и информационную составляющие.

2000-е годы отличились рядом политических, экономических, демографических кризисных явлений. На всей планете наблюдались стихийные бедствия, экономические катаклизмы и вспышки военных конфликтов, обострялись экологические проблемы и распространялись разные болезни среди людей. К примеру, большинство американских граждан впервые за многие годы чувствуют себя незащищенными и находятся в состоянии постоянной тревоги и депрессии или же становятся агрессивными преступниками. Как следствие, в молодежной среде проявляются противоречия между необходимостью принятия новых жизненных ценностей и недоверием к предлагаемой социумом ценностной парадигме (Berk & Asarnow, 2015.).

Вооруженные конфликты и ценностно-смысловая сфера личности

Личность осознает смысложизненные ценности только «перед лицом смерти» (Хайдеггер, 2007). Страх смерти побуждает человека подняться над обыденным, над собой, определить самое важное в своей жизни. Само по себе трагическое человеческое бытие подчеркивает ценность совести, свободы, учит человека быть решительным в достижении жизненных целей. Гуманистическая по своей сути философия М. Хайдеггера направлена на гармоничное бытие человека в мире, создание условий для его творчества и самодостаточности.

Участие военнослужащих в боевых действиях оказывает значительное влияние на изменение их ценностно-смысловой сферы, приводит их к переосмыслению жизненных ориентаций, основных ценностей и смыслов. Психологическое тестирование военнослужащих, которые испытали боевой стресс, показало, что они воспринимали свою жизнь как лишенную смысла, в целом они были недовольны своим существованием, а происходящие события мирной жизни их не интересовали и не вызвали эмоциональной реакции (Утюганов, 2010).

Подобные тенденции были отмечены в исследовании Н. В. Якушкина (2006), который изучал ценностно-смысловые характеристики солдат, участвовавших в боевых действиях в Афганистане и претерпевших боевой стресс. У солдат наблюдалось ощущение недовольства жизнью, они казались оторванными от общего потока жизни. Заинтересованность в будущем была низкой, так как они не были уверены в нём, и в настоящем респонденты не получали удовлетворения от самореализации. Выводы этих исследований указывают на нарушения в ценностно-смысловой сфере военнослужащих с посттравматическим стрессовым расстройством, которые проявляются в неструктурированных ценностных ориентациях, неопределенности ценностей или их отсутствии, а также в восприятии жизни как лишенной смысла (Якушкин, 2006).

К примеру, трансформация ценностно-смысловой сферы произошла у жителей в результате военных действий в Чеченской республике.

В результате военных действий многие чеченцы и их близкие оказались под угрозой: они потеряли родственников, дома, стали инвалидами. Создание и поддержание мира между народами стало важным условием для благополучия каждого чеченца (Тагирова, 2013).

Жители районов с интенсивной степенью обстрелов испытывают неблагоприятное самочувствие, снижение активности, ухудшение настроения и депрессивные состояния (Рядинская, 2018). В таких экстремальных условиях жители чаще используют непродуктивные стратегии поведения: эмоциональное приспособление и избегание. Все это влияет на их эго-, группо- и социо-центрации, приоритетные жизненные цели, оценку текущего периода жизни, понимание прошлого и чувство ответственности за успехи и неудачи.

Общественно-политические факторы влияют на сменность политического строя и определяют особенности и уровень общественного развития в конкретном историческом периоде (Novak, 1994). Если общество переживает некоторые кризисные процессы, то происходит пересмотр жизненных ценностей молодого поколения (Банах, 2006). В современных психологических исследованиях особое внимание уделяется долговременным последствиям войн для детей и подростков, которые могут сталкиваться с неожиданными для них травматическими событиями, а также с длительными неблагоприятными их развитием, что может являться причиной формирования непродуктивных стратегий поведения (Husain, 1998).

Как правило, подростки, переживающие войну, страдают от стресса, депрессий, тревожности, ПТСР, потери идентичности, закрываются в себе, выбирают добровольную социальную изоляцию, а также асоциальное поведение. Все эти проявления, по мнению исследователей, являются «нормальной реакцией на ненормальные события» (Joshi & O'Donnell, 2003).

Психологические травмы, полученные подростками в ходе войны, имеют длительные последствия для их психики и могут стать препятствием в будущей жизни, выборе целей и стратегий жизни (Murthy & Lakshminarayana, 2006; Allport, Vernon & Lindzey, 1970). Отсутствие ресурсов для обеспечения базовых потребностей (жилье, вода, пища, образование, права и т.п.); разрыв семейных отношений (утрата, разлука, перемещение); стигматизация, дискриминация, насилие; пессимистический взгляд на жизнь (переживание потерь, горя, разрушений) сказываются на отношении подростков к жизни и выборе смысложизненных ценностей (Smith, 2001).

В период войны у подростков наблюдаются острые эмоциональные реакции на происходящее, эмоциональные перепады, истерики, чрезмерное возбуждение, состояние ступора, страх и т.д. Под влиянием драматических событий может утратиться способность к сопереживанию и могут возникнуть дереализации как защитная реакция психики. Те подростки, которые находятся в безопасности вдали от военных действий, испытывают вину или «комплекс выжившего».

Эмоциональная стойкость помогает личности справиться с отрицательным опытом, который она получила, позволяет приспособиться к новым реалиям и воспринимать трудности как временные. Кроме того, эта способность может влиять на принятие решений в условиях серьезных жизненных стрессоров (Kaplan, Turner, Norman & Stillson, 1996).

Война – это неопределенность, а также разрушение жизненных планов и будущего личности, что может вызывать тревогу и замешательство не только у взрослых, но и у детей и подростков. В исследовании К. Журбы (2022) выявлено, что переживающие вооруженный конфликт подростки страдают от стресса, депрессий, тревожности, потери идентичности, закрываются в себе, выбирают добровольную социальную изоляцию и асоциальное поведение. Самыми большими стрессорами для подростков являются: сирены, бомбардировки и обстрелы, даже если они далеко; паника взрослых; всевозможные диверсионные действия и теракты; комендантский час и ограничения военного времени; разрушение жилых домов; необходимость находиться в бомбоубежищах; информация о массовом насилии, пленных, пытках, потерях. Для детей, оказавшихся в оккупации, такими стрессорами являются последствия войны, массовое насилие, выживание в чрезвычайных ситуациях, постоянные угрозы жизни, потеря родных, риски, связанные с эвакуацией, воспоминания (Seino, 2008). Формирование смысложизненных ценностей является условием выживания подростков в период войны, поскольку их осознание позволяет сформировать эмоциональную устойчивость, позволяет планировать жизнь и

учитывать опыт выживания прошлых поколений в условиях войны, создавать при этом собственный опыт выживания (Журба, 2022).

Методы

В рамках теоретического осмысления проблемы влияния локальных вооруженных конфликтов на ценностно-смысловую сферу мирных жителей нами были проведены структурированная беседа и ассоциативный эксперимент, в которых приняли участие 211 человек:

- 95 человек, проживающих в районах интенсивных обстрелов (1-я группа);
- 116 респондентов из мало обстреливаемых районов (2-я группа).

Возраст респондентов варьировался от 21 года до 53 лет, у большинства (64%) – высшее образование, 67 мужчин и 144 женщины.

В процессе беседы жителям задавались вопросы относительно их планов на будущее, наличия целей в жизни, трудностей в удовлетворении базовых потребностей, отношения к ограничению передвижения, возможности поменять место жительства, в связи с вооруженным конфликтом.

Результаты

Результаты беседы, а точнее выраженность ответов респондентов, выявленных в ее ходе, представлены на рисунке 1.

В ходе беседы было установлено, что у большинства жителей (61%) из районов интенсивных обстрелов наблюдается размытое представление о своем будущем (, и цель одна, практически у всех – выжить. К примеру, респондентами проговаривалось: *«Будет, как будет», «Поживем – увидим», «Не загадываю, что будет дальше», «Просто живу», «Ничего не жду от жизни хорошего, плыву по течению», «Дожить бы до утра – вот и вся жизнь», «Ничего не планируем с семьей, живем, как получается».*

Многие жители (39%) говорили, что больше всего волнуются о детях, жизнь которых лишена элементарных условий для развития – образование осуществляется в дистанционном формате, общение со сверстниками ограничено, постоянно присутствует угроза жизни. Самыми распространенными фразами были: *«Что наши дети видели за эти десять лет», «Хочется, чтобы дети учились и жили в мирных условиях», «Пусть наши дети поживут за нас» и др.*

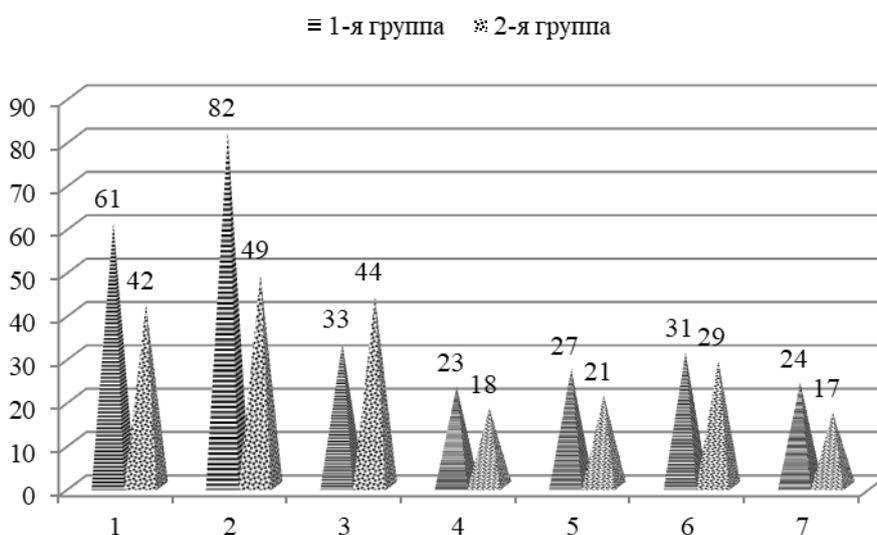
Около четверти респондентов (23%) думает об отъезде в другой регион России, более безопасный, где можно организовать нормальную жизнедеятельность для себя и родственников. Об этом свидетельствуют фразы: *«Хотим переехать, больше нет сил так жить», «Хотим нормальной жизни», «Думаем о смене места жительства, детям нужно учиться нормально и строить будущее».*

Удовлетворены своей жизнью в настоящий момент треть опрошенных (33%).

27% респондентов отмечали, что устали от неопределенности, от жизни в постоянном страхе, в том числе страхе потерять кого-то из родных. Респондентов в большей степени волнует жизнь членов семьи, чем своя собственная, и особенно эта тенденция выразилась в ответах людей старше 40 лет.

Рисунок 1

Выраженность ответов респондентов, выявленных в ходе беседы (в %)

Примечание: 1 – Размытое представление о своем будущем, 2 – Цель – выжить, 3 – Удовлетворенность жизнью, 4 – Желание сменить место жительства, 5 – Усталость от неопределенности, 6 – Отсутствие смысла жизни, 7 – Страх смерти, 1-я группа – жители, проживающие в районах интенсивных обстрелов, 2-я группа – жители, проживающие в мало обстреливаемых районах

У жителей из более безопасных районов (мало обстреливаемых, где еще работают образовательные учреждения), ответы более оптимистичные, хотя и не сильно отличаются от предыдущих. Большинство опрошенных (62%) надеются, что война скоро закончится и можно будет наладить свою жизнь; респонденты не задумываются о завтрашнем дне, предпочитают жить в настоящем.

18% респондентов из этой группы населения мечтают устроить свою жизнь в другом, более безопасном месте. Также респонденты считают, что им не хватает материальных средств для реализации своих планов, поскольку возможности региона, в котором они живут, ограничены. Удовлетворены жизнью около половины жителей этой группы (44%).

Следует отметить, что у респондентов наблюдается страх смерти, явно об этом заявили 24% жителей первой группы и 17% – второй.

Результаты ассоциативного эксперимента

Для исследования субъективных семантических полей слов, формируемых и функционирующих в сознании человека, а также характера семантических связей слов внутри семантического поля, нами использовался метод ассоциативного эксперимента. Ассоциативный эксперимент выступает одним из наиболее надежных и эффективных методов, обеспечивающих доступ к изучению структур знания и сознания (Белянин, 2009).

Респондентам предлагалось написать ассоциации к словам «жизнь» и «война». Следует отметить, что ассоциации жителей носят разнообразный характер. Нами были обобщены ассоциации жителей и сгруппированы в определенные кластеры. Результаты обобщения и группировки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты ассоциативного эксперимента

Слова	Ассоциации	
	1-я группа	2-я группа
Жизнь	близкие, родные (39%); существование (26%); процесс, путь, миссия (19%); мгновение, момент, секунда (9%); начало, чудо (7%).	рождение, радость, любовь (27%); путь, дорога, движение, смысл (24%); семья и родные (16%); существование, судьба (15%); борьба, тепло, воздух, начало (11%); неопределенность (7%).
Война	смерть (25%); боль, потеря, разлука (22%); оружие, разруха (15%); горе (19%); страх, гибель, (11%); фашисты (5%); изоляция, хаос (3%).	смерть (24%); люди (22%); оружие (18%); жертвы, потери (15%); ужас, горе, гибель (12%); разрушения (6%); политика (3%).

Результаты показывают, что респонденты обеих групп описывают понятие «жизнь» в положительной модальности. Жители отмечают, что в экстремальных условиях бытия, когда над тобой летают смертоносные снаряды, жизнь приобретает особую ценность, поскольку в любую секунду она может прерваться.

В первой группе (респондентов, проживающих в районах интенсивных обстрелов), как видим, большинство респондентов ассоциируют свою жизнь с близкими (39%), что было отражено и в беседе. Четверть респондентов (26%) отметили, что жизнь для них – просто существование («главное – выжить»), что скорее всего связано с затрудненными условиями жизни. 19% жителей считают жизнь определенным процессом и миссией, требующих от них включения и своевременного реагирования (пояснения участников эксперимента).

«Война» для значительной части опрошенных первой группы (25%) воспринимается как что-то ужасное, приводящее к смерти, вызывающее боль от разлуки с любимыми людьми, их физической потери (22%). Война – это горе (19%), страх (15%) и гибель (11%).

Ассоциации респондентов второй группы (из мало обстреливаемых районов) несколько отличаются. Почти треть жителей (27%) считают жизнь радостным моментом, связанным с радостью и любовью, практически для четверти респондентов (24%) жизнь является осмысленным движением, это дорога вперед. Также важной составляющей жизни этих людей есть семья и родные (16%), для некоторых – это борьба (11%) и для части (11%) – неопределенность.

Понятие «война», также, как и в первой группе, носит негативный характер. Большинство респондентов ассоциируют ее со смертью, оружием, жертвами, ужасом и разрушениями.

Обсуждение результатов

В условиях вооруженного конфликта смысл жизни людей, проживающих в эпицентре военных событий, заключается, прежде всего, в выживании и сохранении семьи. Люди живут одним днем, не особо задумываясь о своем будущем, в большей степени их волнует будущее своих детей. Война для них – это реальная угроза жизни, страшное событие, участниками, которого они вынужденно стали.

Нашло подтверждение предположение, что страх смерти приводит личность к осознанию смысловых ценностей, побуждает определить самое важное в своей жизни.

Это согласуется с исследованиями других авторов, рассматривающих схожую проблематику. В некоторых работах представлен анализ психологических последствий различной степени тяжести у мужчин и женщин, который показал, что мужчины более устойчивы к риску развития отсроченных реакций как ответа на воздействие стрессоров, но при развитии расстройства мужчины демонстрируют более тяжелую симптоматику, чем женщины, у них в большей степени претерпевает трансформации ценностно-смысловая сфера (Тушкова & Бундало, 2008).

Наши выводы также подтверждают результаты исследований реакций на стресс у молодых матерей из Кабула (Афганистан). Авторами выявлено, что женщины,

испытывающие негативные последствия травмирующих событий, имеют схожие с жителями, проживающими на обстреливаемых территориях, психологические проявления (Seino, 2008).

Похожие результаты получены авторами, рассматривающими связь между реакциями на катастрофы и безработицей. Выявлено, что территориальная близость к эпицентру событий связана с проявлением тяжелых реакций на стресс и последующей сложностью в нахождении работы (Serrano & Leiva-Bianchi & Ahumada & Araque-Pinilla, 2021).

Кроме того, в контексте нашего исследования интересны выводы ряда ученых, изучающих ветеранов в возрасте от 60 лет. Выявлено, что отсроченные психологические реакции являются преобладающими и с большей вероятностью провоцируют депрессию, расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, попытки самоубийства, потерю смысла жизни, неверие в будущее, несуйцидальные членовредительства и суицидальные мысли (Moye & Kaiser & Cook & Pietrzak, 2022).

Полученные результаты имеют теоретическое и практическое значение. С помощью беседы и ассоциативного эксперимента расширен диапазон психологических характеристик мирных жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта, их отношения к жизни, планов на будущее, наличия целей в жизни, трудностей в удовлетворении базовых потребностей.

Заключение

Мирные жители в зависимости от пребывания на территориях с высокой интенсивностью боевых действий испытывают неблагоприятное самочувствие, снижение активности, ухудшение настроения и депрессивные состояния, преобладают непродуктивные стратегии поведения в виде эмоционального приспособления и избегания, что оказывает влияние на приоритетные жизненные цели, оценку текущего периода жизни, понимание прошлого и чувство ответственности за успехи и неудачи. Особое внимание в современных психологических исследованиях акцентируется на категории мирных жителей в подростковом возрасте. Они страдают от стресса, депрессий, тревожности, ПТСР, потери идентичности, закрываются в себе, выбирают добровольную социальную изоляцию, а также асоциальное поведение. Травмы, полученные подростками в ходе войны, имеют длительные последствия для их психики и могут стать препятствием в будущей жизни, выборе целей и стратегий жизни. Смыслом жизни и главными ценностями для жителей, проживающих непосредственно в эпицентре военных событий, являются, прежде всего, выживание и сохранение семьи. Людей волнует будущее своих детей. Разработка различных направлений психологической помощи такой категории населения является перспективой дальнейшей работы.

Литература

- Абакумова, И. В. & Рядинская, Е. Н. (2017). Специфика индивидуально-психологических реакций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*, 7(256), 177–181.
- Аленевский, И. А. (2017). Конфликт как проблема свободы воли. *Конфликтология*, 2, 237–248.
- Банах, В. А. Банах, Л. С. (2016). Трансформація ціннісних орієнтацій молоді в умовах кризового суспільства. *Гуманітарний вісник ЗДІА*, 64, 13–21.
- Белянин, В. П. (2009). *Психолінгвістика*. Издательство «Флинта» Московского психолого-социального института.
- Горностай, П. П. (2022). Україна в епіцентрі колективної травми: ретроспектива і перспектива. В М. Слюсаревського (Ed.). *Психологія російсько-української війни: внутрішній погляд: матеріали Всеукраїнського круглого столу* (pp. 9–13). Талком.
- Горькая, Ж. В. (2014). *Психология ценностей*. Издательство «Самарский университет».
- Гумницкий, Г. Н. (1981). *Смысл жизни, счастье, мораль*. Знание.
- Екимова, В. И., Лучникова, Е. П. (2020). Комплексная психологическая травма как последствие экстремального стресса. *Современная зарубежная психология*, 9(1), 50–61.
- Журба, К. (2022). Війна як чинник впливу на смисложиттєву сферу сучасних підлітків нова педагогічна думка. *New Pedagogical Thought*, 110(2), 105–109. <https://doi.org/10.37026/2520-6427-2022-110-2-105-109>
- Зеленкова, И. Л. (1988). *Проблема смысла жизни: Опыт историко-этического исследования*. Университетское.
- Кутырев, В. А. (1990). Человек в мире: типы смысложизненных ориентаций. *Общественные науки*, 2, 119–133.
- Леонтьев, Д. А. *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. Смысл.
- Магомед-Эминов, М. Ш. (2014). Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы. *Теория и практика общественного развития*, 17, 202–207.
- Немировский, В. Г. (1990). *Смысл жизни: проблемы и поиски*. Политиздат Украины.
- Пальм, Г. А. (1980). Концепции смысла жизни: теоретические основания классификации и эмпирического исследования. *Філософія. Культура. Життя*, 2, 250–256.
- Рошин, Д. Г. (2010). Понятия «смысл жизни», «смысложизненная ориентация» и «смысложизненная концепция»: дисциплинарные и теоретико-этимологические рамки концептуализации. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*, 891, 105–109.
- Рыбников, В. Ю. & Кузьменко, А. А. (2013). Психологические особенности защитно-совладающего поведения личного состава спасательных воинских формирований МЧС России. *Вестник психотерапии*, 45, 99–104.
- Рядинская, Е. Н. (2018). Анализ концептуальных подходов к структуре смысложизненных стратегий в контексте изучения трансформаций личности. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 7, 52–67.
- Тагилова, Р. А. (2013). Изучение ценностных ориентаций как структурных элементов чеченской культуры. *Теория и практика общественного развития*, 10, 161–165.
- Тарабрина, Н. В., Хажуев, И. С. (2015). Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации. *Экспериментальная психология*, 8(3), 215–226.
- Тушкова, К. В. & Бундало, Н. Л. (2011). Особенности проявлений посттравматического стрессового расстройства различной степени тяжести у мужчин и женщин.

- Сибирское медицинское обозрение*, 68(2), 80–84.
- Утюганов, А. А. (2010). Исследование смысловой сферы военнослужащих, переживших боевой стресс. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(42), 69–73.
- Франкл, В. (1982). *Поиск смысла жизни и логотерапия*. Психология личности. МГУ.
- Хайдеггер, М. (2007). *Время и бытие = Seinundzeit*. Наука.
- Якушин, Н. В. (2006). Ценностно-смысловые характеристики личностей в посткатастрофный период. *Вестник Кемеровского государственного медицинского университета*, 5(1).
- Allport, G. W., Vernon, P. & Lindzey, G. (1970) Study of values. Factor Structure for a Combined Sample of Male and Female College Students. *Psychological Reports*, 27(3), 955–958.
- Berk, M. S. & Asarnow, J. R. (2015). Assessment of suicidal youth in the emergency department. *Suicide Life Threat Behav*, 45(3), 345–359.
- Bhat R.M, Wani N.A. & Chakrawarty S. (2017). Conflict Exposure and PTSD Implications among Young Adult Students in Kashmir: A Short Commentary. *Trauma Acute Care: Electronic scientific journal*, 2(40). URL: <http://trauma-acute-care.imedpub.com/conflict-exposure-and-ptsd-implications-among-young-adult-students-in-kashmir-a-short-commentary.php?aid=18941>
- Novak, J. (Eds.). (1994). *Democratic Teacher Education. Programs, processes, problems and prospects*. State University of New York Press.
- Gutierrez, I. A. & Adler, A. (2022). Acute Stress Reaction in Combat: Emerging Evidence and Peer-Based Interventions. *Current Psychiatry Reports*, 24(4), 347–349.
- Horowitz, M. J. (1985). Disasters and psychological response to stress. *Psychiatry Annual*, 15, 161–170.
- Husain, S. A. (1998). Stress reactions of children and adolescents in war and siege conditions. *American Journal of Psychiatry*, 155, 1718–1719.
- Joshi, P. & O'Donnell, D. (2003). Consequences of child exposure to war and terrorism. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 6(4), 279–291.
- Kaplan, C. Turner, S. Norman & E. Stillson, K. (1996). Promoting Resilience Strategies: A Modified Consultation Model. *Children & Schools*, 18(3), 158–168.
- Maslow, A. H. (1970). *Motivation and Personality*. Harper & Row.
- Moye J., Kaiser A. P., Cook J. & Pietrzak R. H. (2022). Post-Traumatic Stress Disorder in Older U.S. Military Veterans: Prevalence, Characteristics, and Psychiatric and Functional Burden. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 30(5), 606–618.
- Murthy, S. & Lakshminarayana R. (2006). Mental health consequences of war: a brief review of research findings. *World Psychiatry*, 5(1), 25–30.
- Reupert, A. (2020). Change and (the need for) adaptability: the new normal. *Advances in Mental Health: Promotion, Prevention and Early Intervention*, 18(2), 91–93.
- Richards, A., Ospina-Duque, J., Barrera-Valencia, M., Escobar-Rincón, J., Ardila-Gutiérrez, M., Metzler, T. & Marmar, C. (2011). Posttraumatic stress disorder, anxiety and depression symptoms, and psychosocial treatment needs in Colombians internally displaced by armed conflict: A mixed-method evaluation. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*, 3(4), 384–393.
- Seino, K. (2008). Prevalence of and factors influencing posttraumatic stress disorder among mothers of children under five in Kabul, Afghanistan, after decades of armed conflicts. *Health and Quality of Life Outcomes*, 29(6).
- Smith, D. (2001). Children in the heat of war. *APA Monitor*, 32(8).
- Serrano, C., Leiva-Bianchi, M., Ahumada, F., & Araque-Pinilla, F. (2021). What is the association between post-traumatic stress disorder and unemployment after a disaster? *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*, 34(6), 755–766.
- Wang, Y. (2023). The research on the impact of distance learning on students' mental health. *Education and Information Technologies*, 11, 1–13.

Поступила в редакцию: 20.01.2024

Поступила после рецензирования: 22.03.2024

Принята к публикации: 25.04.2024

Заявленный вклад авторов

Ирина Владимировна Абакумова – общее руководство исследованием, рецензирование и редактирование статьи, окончательное утверждение версии для публикации.

Евгения Николаевна Рядинская – разработка методологии исследования, подготовка программы эксперимента, анализ данных, визуализация результатов, подготовка текста статьи.

Кристина Борисовна Богрова – анализ литературы, работа с научными источниками, сбор данных, подготовка первичной версии статьи, редактирование статьи.

Алексей Алексеевич Щетинин – критический пересмотр и доработка содержания.

Сергей Владимирович Сотников – критический пересмотр и доработка содержания

Информация об авторах

Ирина Владимировна Абакумова – доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет; ResearcherID: A-9720-2016, Scopus ID: 57189598855, Author ID: 252406, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>; e-mail: abakira@mail.ru

Евгения Николаевна Рядинская – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник ЮФНЦ РАО, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; Author ID: 1094597; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9924-881X>; e-mail: muchalola@mail.ru

Кристина Борисовна Богрова – кандидат психологических наук, младший научный сотрудник ЮФНЦ РАО, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; Author ID: 1208872, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3748-5844>; e-mail: K.Bogrova@yandex.ru

Алексей Алексеевич Щетинин – кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ (РИНХ)), Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Сергей Владимирович Сотников – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-4682-5125>

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Образное мышление и образ мира младших школьников в визуальной образовательной среде

Алла К. Белоусова*, Юлия А. Мочалова, Екатерина В. Кряжкова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: belousovaak@gmail.com

Аннотация

Введение. Проблема формирования образа мира и образного мышления особо актуальна в современных условиях трансформации образования и изменения форм и способов презентации информации. Существующие на сегодняшний день подходы к формированию образного мышления и образа мира рассматривают, в первую очередь, традиционные образовательные технологии. В проведенном нами исследовании значимую роль занимают визуальные средства и стратегии, формирующие условия визуальной образовательной среды. **Методы.** В исследовании приняли участие 120 младших школьников: из Детской школы искусств (60 человек) и средней школы г. Ростова-на-Дону (60 человек). Были использованы методика «Картина мира» для изучения образа мира и методика «Оценка образного мышления». При обработке результатов использовались методы математической статистики (описательные статистики, Хи-критерий Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, дисперсионный анализ). **Результаты.** Было выявлено, что у младших школьников из Детской школы искусств и общеобразовательной школы доминирует «Пейзажная» картина мира. Для школьников из Детской школы искусств выбор изображения в виде «Пейзажной» картины мира является более выраженным. Для школьников из Детской школы искусств характерен высокий уровень развития образного мышления. Дисперсионный анализ показал значимые различия между группами школьников по показателю образного мышления. Для школьников с «Пейзажной» и «Опосредованной» картиной мира характерен более высокий

уровень образного мышления. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты подтверждают, что в условиях визуальной образовательной среды наблюдается более интенсивное развитие образного мышления и образа мира. Результаты также согласуются с исследованиями других авторов, занимающихся данной проблемой.

Ключевые слова

визуальная образовательная среда, визуальные стратегии, изобразительная деятельность, образное мышление, образ мира, мышление, младшие школьники, «Пейзажная» картина мира

Для цитирования

Белоусова, А. К., Мочалова, Ю. А., Кряжкова, Е. В. (2024). Образное мышление и образ мира младших школьников в визуальной образовательной среде. *Российский психологический журнал*, 21(2), 184–199, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.11>

Введение

В настоящее время происходят интенсивные преобразования образования, связанные в первую очередь с тем, что цифровые технологии становятся частью не только образовательного процесса, но и частью образа жизни, жизненного мира человека, приобретая статус психологической реальности (Клочко, 2016). Развиваются дистанционные технологии обучения (Abakumova et al., 2019; Efremova, Sharovalova & Huseynova, 2020; Fedotova, Belousova & Vyshkvyrkina, 2022; Salomon, 2000; Sudarwati, 2018), внедрение и научная рефлексия которых стали общемировой реальностью (Arsenijević et al., 2022; Jiang et al., 2022; Selco & Habbak, 2021). Многие исследователи считают, что в число педагогических инноваций, обеспечивающих развитие креативности и творческого потенциала, входят визуализация (Makarova, Makarova, & Varaksa, 2017), стратегии визуального мышления (Maldonado López, Ledesma Chaves & Gil Cordero, 2023; Clarke, Flaherty & Yankey, 2006) указывают на важность использования визуальных ресурсов для формирования интереса учащихся. Исследуется роль цифровой визуальной среды для совместной работы учащихся (Liu, Lee & Huang, 2023). Caldwell, Whewell & Heaton (2020) показывают влияние визуальных постов на творческое мышление, Boldt & Strub (2023) показали связь между рисованием и мышлением, развитие творческого мышления в изобразительной деятельности.

Существует достаточное количество исследований, посвященных проблемам образного мышления. С одной стороны, это классические работы по изучению мышления: О.К. Тихомиров (2002), J. O'Connor & I. McDermott (2012), J. Gharajedaghi (2011), M. G. Luchs (2015), D. H. Meadows (2008), M. Resnick (2003). С другой стороны, это

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

огромная библиотека исследований различных видов мышления. Если мы говорим об изобразительной деятельности, то в первую очередь интерес представляет развитие образного мышления (Boldt & Strub, 2023; Belousova & Muratova, 2014; Belousova, Yamanova & Sinchenko, 2021; Caldwell et al., 2020; Liu et al., 2023; Littlemore & Low, 2006; Makarova et al., 2017; Pishchik & Molokhina, 2017).

Методология развития мышления предполагает использование когнитивных карт (Давыдова, 2022, Даутов, 2018; Dautov, 2021; Tolman, 1948). Когнитивные карты – форма визуализации обучаемыми представлений о мире для решения задач и проблем. Современное поколение воспитано на визуальной культуре и является визуальным (Lima, Jouini, Namaci & Fabiani, 2014); можно говорить о роли визуализации, связанной с использованием изобразительной деятельности, рисования как основного средства, с помощью которого происходит развитие образа мира, или когнитивных карт и образного мышления как способности решать задачи в образном плане.

Образовательная среда и образовательные технологии играют важную роль для эмоционального и когнитивного развития младших школьников (Belousova, Kozhukhar & Ryumshina, 2015; Ясвин, 2002). Создание развивающей образовательной среды связано с разработкой психологических основ сопровождения развития младших школьников и развития у них потребности в самообучении и формировании соответствующих интеллектуальных, коммуникативных и практических навыков. Формирование образовательной среды для развития личности и психики ребенка предполагает необходимость проектирования взаимодействия ребёнка со взрослыми, а также взаимодействия между детьми. При этом такое взаимодействие (обучаемый–обучаемый, обучаемый–взрослый) включает в себя реализацию, в том числе, и интеллектуальной сферы в виде решения познавательных задач разного типа. Когнитивные задачи могут отличаться по типу реализующих их психологических механизмов (задачи сенсомоторного, сенсорно-перцептивного уровня, мнемического, мыслительного, имажитивного). Характер задач определяет тот вид психических процессов, которыми обеспечивается процесс решения (Belousova et al., 2015).

Использование стратегий визуального мышления, основанных на изобразительной деятельности обучаемых, повышает возможности не только восприятия и переработки информации, но и возможности формировать общее представление о мире, решать задачи (Maldonado López et al., 2023; Ellborg, 2018), генерировать глубокое мышление при решении задач и обобщать основные идеи (Maldonado López et al., 2023), развивать мышление (Abaho, Olomi & Urassa, 2015; Karimi et al., 2016).

В условиях Детской школы искусств образовательная среда предполагает развитие навыков и компетенций изобразительной деятельности, умений рисования, предполагая более четкое наблюдение и детализацию окружающей картины мира. Изобразительная деятельность основывается на образном познании

действительности, которое может осуществляться на любом уровне, включая мышление. Изобразительная деятельность предполагает специфические способы формирования мыслительных операций, таких как анализ, синтез, сравнение, обобщение, которые осуществляются посредством преобразования и обобщения содержания отражения образной формы (Тихомиров, 2002).

Мы полагаем, что за счет использования школьниками стратегий визуализации, связанной с применением рисунков, графиков, различных цветовых решений, визуальных повествований окружающего мира, использованием способности генерировать мышление при решении задач и обобщать основные идеи в образной форме, происходит формирование наглядной картины образа мира, становление образного мышления.

В психологии используют различные понятия, относящиеся к проблеме формирования образа окружающего мира: в Российской психологии таким понятием достаточно часто выступает **образ мира**, который описывается как некоторая совокупность или многоуровневая упорядоченная система представлений человека о мире, себе, других людях, преломляющая через себя любое внешнее воздействие (Смирнов, 1985). В зарубежной психологии, основываясь на идеях Е.С. Tolman (1948), чаще используют понятие **когнитивная карта** как некое субъективное представление об окружающем мире (Давыдова, 2022; Даутов, 2018; Dautov, 2021).

Мы предполагаем, что изобразительная деятельность в школе искусств, характеризуя визуальную образовательную среду, может выступать фактором, оказывающим влияние на развитие образа мира и образного мышления младших школьников, способствуя развитию образного мышления учащихся и определённых типов картины мира. Также мы предполагаем, что уровень образного мышления для доминирующих в визуальной образовательной среде типов картины мира может быть выше по сравнению с субдоминантными.

Цель нашего исследования состояла в изучении особенностей образа мира и образного мышления младших школьников в визуальной образовательной среде.

Методы

Выборка

Выборку составили учащиеся Детской школы искусств (60 человек) и средней школы №3 г. Ростова-на-Дону (60 человек). Всего в исследовании приняли участие 120 учащихся младшего школьного возраста. В художественной школе ребенок осваивает с разнообразными видами изобразительного искусства: живопись, графику, скульптуру, произведения декоративно-прикладного искусства. В средней школе занятия изобразительной деятельностью носят не такой постоянный и целенаправленный характер.

Методики

Методический инструментарий представлен следующими методиками. Были использованы:

1. **Проективная методика «Картина мира»** (Романова, Потемкина, 1991). Методика «Картина мира» предполагает выделение пяти основных видов рисунков:

1.1. «Планетарная» картина мира – изображение земного шара, других планет солнечной системы – когнитивная картина мира, в виде общепринятых нормативных знаний, приобретаемых в школе;

1.2. «Пейзажная» картина мира – в виде городского или сельского пейзажа с присутствием людей, животных, деревьев, цветов и т. п. – по самоотчетам – желаемая картина своего окружения;

1.3. картина мира «Непосредственное окружение» включает обстановку вокруг себя, своего дома, такой, какая есть на самом деле, или ситуативная, возможны неожиданные образы, лампа, горящая свеча, идущие от ощущений человека;

1.4. «Опосредованная, или метафорическая» картина мира, передающая сложное смысловое содержание, представленное в виде какого-либо сложного образа;

1.5. «Абстрактная, схематическая», отличающаяся лаконизмом построения, в виде некоего абстрактного образа, знака, символа (Романова, Потемкина, 1991).

2. **Тест «Оценка образного мышления»** (Рогов, 2014). Тест «Оценка образного мышления» позволяет выделить уровень развития понятийного мышления, умения оперировать образами предметов и способ-ность отнесения их к определенному классу понятий. В зависимости от полученных баллов уровень развития мышления оценивается как: средний (20–36 баллов), выше среднего (37–40 баллов), высокий – больше 40 баллов (Рогов, 2014).

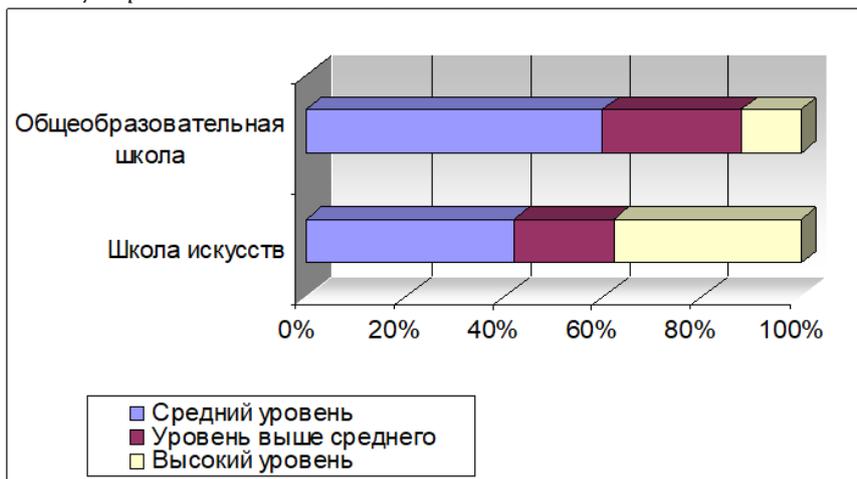
При обработке результатов исследования использовались методы математической статистики (описательные статистики, Хи-критерий Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, дисперсионный анализ). Анализ результатов проводился с использованием компьютерной программы статистической обработки данных «SPSS 23.0 for Windows».

Результаты

Исследование образного мышления показало, что для младших школьников в целом характерен средний (61 человек), выше среднего (29 человек) и высокий уровень (30 человека) развития образного мышления (рисунок 1).

Рисунок 1

Особенности образного мышления младших школьников, обучающихся в школе искусств и в средней общеобразовательной школе

Это свидетельствует о том, что учащиеся младших классов успешно реализуют основную функцию образного мышления, преобразуют уже имеющиеся образы, создают новые и оперируют ими в процессе решения задач. Результаты исследования по методике «Оценка образного мышления» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни образного мышления младших школьников обучающихся в школе искусств и средней общеобразовательной школе

Уровень образного мышления	Детская школа искусств			Общеобразовательная школа		
	Количество учащихся, чел.	%	Среднее значение (баллы)	Количество учащихся, чел.	%	Среднее значение (баллы)
Средний	25	42	30,08	36	60	29,33
Выше среднего	12	20	37,67	17	28	38,12
Высокий	23	38	43,65	7	12	43,42

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

На рисунке 1 видно, что для младших школьников из школы искусств характерен более высокий уровень развития образного мышления, чем для учащихся средней образовательной школы: 58% учащихся школы искусств имеют уровень развития образного мышления выше среднего (38% учеников – высокий уровень, 20% – выше среднего), в то время как данный показатель характерен для 40% учащихся средней образовательной школы (12% – высокий уровень, 28% – выше среднего).

Использование статистического критерия Манна-Уитни позволило установить, что существуют значимые различия уровня развития образного мышления у младших школьников, обучающихся в школе искусств и средней образовательной школе ($U = 1307,500$, $r \leq 0,01$) (таблиц).

Таблица 2

Различия уровня развития образного мышления школьников обучающихся в школе искусств и средней общеобразовательной школе

Переменная	Детская школа искусств	Общеобразовательная школа	Критерий Манна-Уитни, U	Значимость различий
Образное мышление	36,8	33,49	1307,500	0,010**

Примечание. ** Уровень статистической значимости $p \leq 0,01$

Анализ особенностей изображений, представленных школьниками в рисунках методики «Картина мира», позволил выделить четыре картины мира: «Планетарную», «Пейзажную», «Непосредственное окружение» и «Опосредованную» (рисунок 2, таблица 3).

Для младших школьников, обучающихся в школе искусств и в средней общеобразовательной школе, характерна «Пейзажная» картина образа мира. «Планетарная» картина мира, картина «Непосредственного окружения» и «Опосредованная» картина мира изображаются младшими школьниками реже. Следует также отметить, что «Абстрактная» (или схематическая) картина мира не представлена. Полученные результаты вполне соответствуют основным закономерностям психического развития младших школьников, показывающих преимущественное развитие наглядно действенного мышления (Обухова, 1995; Тихомиров, 2002), периода конкретных операций (Крайг, Бокум, 2019; Пиаже, 2004).

Результаты исследования образа мира младших школьников представлены в таблице 3. «Планетарная» картина мира (изображение земного шара, других планет солнечной системы) характерна для 7% учащихся школы искусств, и для 15% учащихся

средней образовательной школы. У данных школьников преобладает когнитивная картина мира, в виде общепринятых нормативных знаний, приобретаемых в школе.

Рисунок 2

Особенности образа мира младших школьников школы искусств и общеобразовательной школы

Таблица 3

Особенности образа мира младших школьников

Картина мира	МОУ ДОД		МОУ СОШ	
	Количество учащихся	%	Количество учащихся	%
Планетарная	4	6,7	9	15,0

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Картина мира	МОУ ДОД		МОУ СОШ	
	Количество учащихся	%	Количество учащихся	%
Пейзажная	46	76,7	35	58,3
Непосредственное окружение	9	15,0	10	16,7
Опосредованная	1	1,7	6	10,0

«Пейзажная» картина мира (в виде городского или сельского пейзажа с присутствием людей, животных, деревьев, цветов и т. п.) характерна для 76% младших школьников школы искусств, и для 58% учащихся средней образовательной школы. Для большинства младших школьников актуально построение желаемой картины своего окружения. «Непосредственное окружение» (обстановка вокруг себя, своего дома, какая есть на самом деле, или ситуативная) характерна для 15 % младших школьников школы искусств и 17% учеников средней образовательной школы. «Опосредованная», или метафорическая картина мира, передающая сложное смысловое содержание, представленное в виде какого-либо сложного образа, была изображена 1 учеником школы искусств, и 6 учениками средней образовательной школы.

Расчет Хи-критерия Пирсона позволил установить существование тенденции к значимости различий по пейзажной картине мира у младших школьников, обучающихся в Детской школе искусств и средней общеобразовательной школе ($\chi^2 = 7,041$, $0,05 \leq r \leq 0,1$).

Следующим шагом нашего анализа явилось изучение особенностей образного мышления у школьников с различным типом картины мира. Средние значения уровня развития образного мышления младших школьников с различным образом мира представлены в таблице 4.

Таблица 4

Образное мышление младших школьников с различным образом мира

Картина мира	Детская школа искусств		Общеобразовательная школа	
	Количество, чел.	Среднее значение образного мышления	Количество, чел.	Среднее значение образного мышления
Опосредованная	1	47,00	6	37,67
Планетарная	4	32,50	9	30,78
Непосредственное окружение	9	36,56	10	31,00
Пейзажная	46	37,00	35	34,14

Для школьников, изобразивших опосредованную и пейзажную картины мира характерен более высокий уровень развития образного мышления.

Для выявления связи образного мышления младших школьников с различным образом мира был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), результаты которого представлены в таблице 5.

Таблица 5

Значимость различий образного мышления младших школьников с различным образом мира по результатам дисперсионного анализа

№	Картина мира	Количество, чел.	Среднее значение образного мышления	Значимость различий между группами
1	Опосредованная	7	39,00	(дисперсионный анализ по Фишеру) 0,049*
2	Планетарная	13	31,31	
3	Непосредственное окружение	19	33,63	
4	Пейзажная	81	35,77	

Примечание. *Уровень статистической значимости $r \leq 0,05$

Дисперсионный анализ по Фишеру позволил установить, значимые различия между группами по показателю образного мышления ($F = 2,695$, $r \leq 0,05$). Для школьников, изображающих пейзажную и опосредованную картины мира, характерен более высокий уровень образного мышления, чем для школьников, изображающих планетарную картину и картину непосредственного окружения.

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов по таблицам 1–2 свидетельствует о том, что решение задач, осуществляющееся с опорой на наглядный материал, преобразование ситуаций в плане образов выполняется учащимися школы искусств более эффективно, чем учащимися средней образовательной школы. Образное мышление – сложное, многомерное, полифункциональное образование (Обухова, 1995; Тихомиров, 2002), имеющее огромное значение для психического развития человека на всех этапах его онтогенеза. У младших школьников Детской школы искусств развитие образного мышления находится на более высоком уровне, чем у учащихся средней образовательной школы.

Полученные результаты, во-первых, соответствуют классическим теориям (Выготский, 2005; Крайг, Бокум, 2019; Обухова, 1995; Пиаже, 2004): в младшем школьном возрасте мышления становится доминирующей функцией в психическом развитии младших школьников, детерминируя функционирование сознания и развитие личности ребенка, происходит интеллектуализация психических функций, при котором мышление носит системообразующий характер, опосредуя развитие остальных психических процессов (Выготский, 2005). В этом возрасте интенсифицируются процессы обнаружения противоречий (Красноярцева, 2012), развиваются интеллектуальные эмоции (Тихомиров, 2002), кристаллизуются различные виды мышления (Крайг, Бокум, 2019; Обухова, 1995; Пиаже, 2004).

Наши результаты подчеркивают факт, что в младшем школьном возрасте наглядно-образное мышление выступает одной из основных форм мышления. В процессе обучения в школе у младших школьников происходит овладение понятиями (Выготский, 2005; Давыдов, 2001; Пиаже, 2004), мышление становится произвольным, рефлексивным, словесно-логическим, из эмпирического преобразуется в теоретическое (Давыдов, 2001), но образное мышление продолжает играть существенную роль в образовательной деятельности и жизнедеятельности школьников (Давыдов, 2001; Тихомиров, 2002).

Представленные нами результаты согласуются с исследованием Boldt & Strub (2023), которые показали значимость для развития дивергентного мышления опыта и способностей к рисованию, к изобразительной деятельности.

Попытка исследования особенностей образа мира (таблица 3) показала, что для младших школьников, обучающихся в школе искусств и в средней общеобразовательной школе, характерна «Пейзажная» картина образа мира. «Планетарная» картина мира, картина «Непосредственного окружения» и «Опосредованная» картина мира изображаются младшими школьниками реже. Следует также отметить, что «Абстрактная» (или схематическая) картина мира не представлена. Полученные результаты вполне соответствуют основным закономерностям психического развития младших школьников, показывающих преимущественное развитие образного мышления (Обухова, 1995; Тихомиров, 2002), периода конкретных операций (Крайг, Бокум, 2019; Пиаже, 2004).

В существующих исследованиях образа мира было показано, что образ мира отличается вследствие различной культурно-исторической обусловленности их формирования (культура, язык, национальность, социум). (Мочалова, 2015; Белоусова, Пищик, 2006), а также в силу различных психологических факторов (личностных, возрастных, экологических и др.) (Нарышкин, 2005, Поддьяков, 2003). Существуют работы, посвященные изучению особенностей образа мира студенческой молодежи (Белоусова, Пищик, 2006; Тушнова, 2015). Некоторые характеристики образа мира подростков были раскрыты в работах (Мамайчук, Крайнюков, 2014; Тушнова, Мочалова, 2017). В тоже время, по мнению Поддьякова А. Н. (2003) и Крайнюкова С. В. (2019), проблема образа мира младших школьников требует пристального изучения.

Представленные результаты позволяют утверждать, что для учеников Школы искусств характерно доминирование и высокий уровень представленности «Пейзажной» картины мира. Мы полагаем, что подобное видение мира сформировано благодаря постоянным занятиям изобразительной деятельностью, образовательным стратегиям визуализации, постоянному наблюдению за внешним миром, практике созидания образов окружающих предметов и явлений, имажитивной практике.

Следующий аспект нашего анализа привел нас к пониманию того, что у школьников, предпочитающих Пейзажную картину мира, наблюдается более высокий уровень образного мышления. Другими словами, Пейзажная картина мира младших школьников предполагает более высокий уровень развития образного мышления.

Таким образом, в условиях визуальной образовательной среды наблюдается более интенсивное развитие образного мышления и образа мира, для которого характерно видение мира как конкретизированной, наполненной предметами и явлениями реальности.

Заключение

Таким образом, анализ развития образа мира и образного мышления младших школьников, обучающихся в Детской школе искусств и Общеобразовательной школе, показал влияние визуальной образовательной среды на развитие мышления и картины мира:

1. Для младших школьников, обучающихся и в Детской школе искусств, и в средней общеобразовательной школе, отмечается преобладание среднего, выше среднего и высокого уровня развития образного мышления. В то же время выявлено, что существуют значимые различия в развитии образного мышления: для младших школьников из Детской школы искусств характерен более высокий уровень развития образного мышления, чем для учащихся средней образовательной школы. Другими словами, решение задач в образах, осуществляющееся с опорой на наглядный материал, преобразование ситуаций

в плане образов, выполняется учащимися школы искусств более эффективно, чем учащимися средней общеобразовательной школы.

2. Для младших школьников, обучающихся и в Детской школе искусств, и в средней общеобразовательной школе, характерно преимущественное развитие «Пейзажной» картины мира. На втором месте – «Планетарная» картина мира. Картина мира «Непосредственное окружение» и «Опосредованная» представлены в меньшей степени, а вот картина мира «Абстрактная» (или схематическая) вообще не представлена у младших школьников, что соответствует возрастному уровню развития.

3. Существуют значимые различия в выборе пейзажной картины мира: школьники Детской школы искусств чаще выбирали «Пейзажную» картину мира, для учащихся школы искусств построение желаемой картины своего окружения в большей степени характерно, чем для учащихся средней общеобразовательной школы.

4. Дисперсионный анализ позволил установить значимые различия между группами школьников с различным типом картины мира по показателю образного мышления и существование связи между особенностями образа мира и развитием образного мышления: для школьников, изображающих «Пейзажную» и «Опосредованную» картины мира, характерен более высокий уровень образного мышления.

Литература

- Белоусова, А. К., Пищик, В. И. (2006). Рассогласование образа мира поколений как индикатор трансформации менталитета. *Российский психологический журнал*, 3(4), 13–25.
- Выготский, Л. С. (2005). *Психология развития человека*. Смысл.
- Давыдов, В. В. (2001). *Виды обобщения в обучении*. Педагогическое общество России.
- Давыдова, Е. П. (2022). Когнитивные карты информационного пространства в контексте модернизации образования. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 13(1).
- Даутов, Д. Ф. (2018). Параметры психологической карты студентов вуза как показатели учебной адаптивности. *Психология обучения*, 7, 97–105.
- Клочко, В. Е. (2017). Проблема цифровых кочевников: трансдисциплинарный подход. В кн: *Connect-Universum – 2016: The Collection of Materials of the 3rd International Transdisciplinary Scientific and Practical WEB-Conference*, 144–150. Publishing House of Tomsk State University.
- Крайг, Г., Бокум, Д. (2019). *Психология развития*. Питер.
- Крайнюков, С. В. (2019). Влияние современных информационных технологий на картину мира человека. *Социальная психология и общество*, 10(4), 23–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100403>
- Красноярцева, О. М. (2012). Особенности "чувствительности к проблемам" у детей младшего школьного возраста как проявление саморегуляции мыслительной деятельности. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 5(3), 42–47.
- Мамайчук, И. И., Крайнюков, С. В. (2014). Психосемантические исследования в клинике подростков, страдающих сколиозами. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 4.

- Мочалова, Ю. А. (2015). Особенности смыслового слоя планетарного типа картины мира у представителей народов Европы. *Психология обучения*, 1, 121–128.
- Нарышкин, А. В. (2004). Строение образа мира человека и соотношение понятий «знак» «символ» и «значение» – «смысл». *Вопросы психологии*, 1, 88–99.
- Обухова, Л. Ф. (1995). *Детская психология: теории, факты, проблемы*. Тривола.
- Пиаже, Ж. (2004). *Психология интеллекта*. Питер.
- Поддьяков, А. Н. (2003). Образ мира и вопросы сознательности учения: современный контекст. *Вопросы психологии*, 2, 122–132.
- Рогов, Е. И. (2014). *Настольная книга практического психолога в 2 ч. Часть 1. Система работы психолога с детьми разного возраста*. Юрайт.
- Романова, Е. С., Потемкина О. Ф. (1991). *Графические методы в психологической диагностике*. Дидакт.
- Смирнов, С. Д. (1985). *Психология образа: Проблема активности психического отражения*. МГУ.
- Тихомиров, О. К. (2002). *Психология мышления*. Академия.
- Тушнова, Ю. А. (2015). Особенности репрезентации сферы «Образование» в предметном слое образа мира студентов разных национальностей. *Психология обучения*, 8, 64–77.
- Тушнова, Ю. А., Мочалова, Ю. А. (2017). Особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных качеств у подростков с различным типом картины мира. *Психология обучения*, 9, 84–94.
- Ясвин, В. А. (2001). *Образовательная среда: от моделирования к проектированию*. Смысл.
- Abakumova, I., Bakaeva, I., Grishina, A., & Dyakova, E. (2019). Active learning technologies in distance education of gifted students. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 7(1), 85–94. <https://doi.org/10.5937/ijcrsee1901085A>
- Abaho, E., Olomi, D. R., & Urassa, G. C. (2015). Students' entrepreneurial self-efficacy: Does the teaching method matter? *Education + Training*, 57(8/9), 908–923. <https://doi.org/10.1108/ET-02-2014-0008>
- Arsenijević, J., Belousova, A., Tushnova, Y., Grosseck, G., & Mesaroš Živkov, A. (2022). The quality of online higher education teaching during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 10(1), 47–55. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2022-10-1-47-55>
- Belousova, A., Kozhukhar, G., & Ryumshina, L. (2015). Educational environment as a factor of pre-school children development. In: *8th International Conference of Education, Research and Innovation*, 4061–4067. IATED.
- Belousova, A., & Muratova, M. (2014). Characteristics of Visual Active Thinking of Preschoolers with General Speech Underdevelopment. In: *Procedia - Social and Behavioral Sciences. Third Annual International Conference «Early Childhood Care and Education»*, 146, 196-202.
- Belousova, A., Yamanova, N., & Sinchenko, T. (2021). The relationship between the features of figurative and logical thinking and learning difficulties. *E3S Web of Conferences*, 258, 07068. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125807068>
- Boldt, G. T., & Strub, H. (2023). Associations Between Drawing Creativity, Task-Related Divergent Thinking, and Other Creative Subprocesses. *Thinking Skills and Creativity*, 49, 101332. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2023.101332>
- Caldwell, H., Whewell, E., & Heaton, R. (2020). The impact of visual posts on creative thinking and knowledge building in an online community of educators. *Thinking Skills and Creativity*, 36, 100647. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100647>
- Clarke, I., Flaherty, T. B., & Yankey, M. (2006). Teaching the Visual Learner: The Use of Visual Summaries in Marketing Education. *Journal of Marketing Education*, 28(3), 218–226. <https://doi.org/10.1177/0273475306291466>

- Dautov, D. (2021). The Ratio of Verbal and Nonverbal Components of Individual Cognitive Maps as a Reflection of the Collaborative Thinking Activity of Its Participants. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 9(1), 51–62. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2021-9-1-51-62>
- Efremova, N., Shapovalova, O., & Huseynova, A. (2020). Innovative technologies for the formation and competencies and skills assessment XXI century. *E3S Web of Conferences*, 210, 18021. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018021>
- Ellborg, K. (2018). Visualizing entrepreneurship—using pictures as ways to see and talk about entrepreneurship in educational settings. In: *Annals of entrepreneurship education and pedagogy – 2018*, 79–98. <https://doi.org/10.4337/9781788114950.00013>
- Fedotova, O, Belousova, A., & Vyshkvyrkina, M. (2022). Digital Competence of Future Teachers as a Topic of Russian Scientific Discourse. *Lecture Notes in Educational Technology*, 559–586.
- Gharajedaghi, J. (2011). *Systems thinking: Managing chaos and complexity*. Gardners Books.
- Jiang, B., Li, X., Liu, S., Hao, C., Zhang, G., & Lin, Q. (2022). Experience of Online Learning from COVID-19: Preparing for the Future of Digital Transformation in Education. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19, 16787. <https://doi.org/10.3390/ijerph192416787>
- Karimi, S., Biemans, H.J., Lans, T., Aazami, M., & Mulder, M. (2016). Fostering students' competence in identifying business opportunities in entrepreneurship education. *Innovations in Education & Teaching International*, 53(2), 215–229. <https://doi.org/10.1080/14703297.2014.993419>
- Lima, M., Jouini, N., Namaci, L., & Fabiani, T. (2014). Social media as a learning resource for business students of the 'Net Generation': using active learning principles to empower creative and critical thinking. *International Journal for Quality in Higher Education Institutions*, 1(1), 24–40.
- Littlemore, J., & Low, G. (2006). Metaphoric competence and communicative language ability. *Applied Linguistics*, 27(2), 268–294.
- Liu, Y. E., Lee, T., & Huang, Y. (2023). Enhancing university students' creative confidence, learning motivation, and team creative performance in design thinking using a digital visual collaborative environment. *Thinking Skills and Creativity*, 50, 101388. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2023.10138>
- Luchs, M. G. (2015). A brief introduction to design thinking. *Design thinking: New product development essentials from the PDMA*, 1–12.
- Makarova, E. A., Makarova, E. L., & Varaksa, A. M. (2017). Education Process Visualization in Metacognition Development and Sustainability. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 5(2), 65–74. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1702065A>
- Maldonado López, B., Ledesma Chaves, P., & Gil Cordero, E. (2023). Visual thinking and cooperative learning in higher education: HOW does its implementation affect marketing and management disciplines after COVID-19? *The International Journal of Management Education*, 21(2), 100797. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2023.100797>
- Meadows, D. H. (2008). *Thinking in systems: A primer*. Chelsea Green Publishing.
- O'Connor, J., & McDermott, I. (2012). *The art of system thinking*. Thorsons.
- Pishchik, V., & Molokhina, G. (2017). Difficulties in Manifestation of Predictive Thinking of Preschool Senior age children with Underdevelopment. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 5(1), 65–73. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE1701065P>
- Salomon, G. (2000). *Technology and education in the Information Age. (Veinuh beidan hameida technology)*. Haifa University and Zmora-Bitan Publishers.

- Selco, J. I., & Habbak, M. (2021). STEM Students' Perceptions on Emergency Online Learning during the COVID-19 Pandemic: Challenges and Successes. *Education Science*, 11, 799. <https://doi.org/10.3390/educsci11120799>
- Sudarwati, N. (2018). Evaluating E-Learning as a Learning Media: A Case of Entrepreneurship E-Learning using Schoology as Media. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 13(9). <https://doi.org/10.3991/ijet.v13i09.7783>
- Tolman, E. C. (1948). Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review*, 55(4).

Поступила в редакцию: 06.12.2023

Поступила после рецензирования: 25.01.2024

Принята к публикации: 15.04.2024

Заявленный вклад авторов

Алла Константиновна Белоусова – подготовка текста рукописи, разработка концепции исследования, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта статьи.

Юлия Александровна Мочалова – подготовка текста рукописи, разработка концепции исследования, проведение исследования, подготовка и редактирование текста.

Екатерина Владимировна Кряжкова – подготовка текста рукописи, разработка концепции исследования, проведение исследования, подготовка и редактирование текста.

Информация об авторах

Алла Константиновна Белоусова – доктор психологических наук, заведующий кафедрой «Психология образования и организационная психология», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; WoS Researcher ID: Q-1710-2015; Scopus ID: 56785699200; Author ID: 180743; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7506-3749>, e-mail: akbelousova@donstu.ru

Юлия Александровна Мочалова – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология образования и организационная психология», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus ID: 57433546400; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0095-7518>, e-mail: guliya@mail.ru

Екатерина Владимировна Кряжкова – старший преподаватель кафедры «Психология образования и организационная психология», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus ID: 57221203511; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3665-0094>; e-mail: e.kryazhkova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.072.59

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.12>

Проблемное использование смартфона: связи с эмоциональным интеллектом, уверенностью в себе и поведением в конфликтах у белорусов и россиян

Виктор П. Шейнов^{1*}, Нина А. Низовских², Антон С. Девицын³

¹ Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь

² Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация

³ Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

*Почта ответственного автора: sheinov1@mail.ru

Аннотация

Введение. Смартфон – одно из самых значимых в жизни современного человека цифровых устройств. Чрезмерное использование смартфонов может быть связано с негативными эмоциональными состояниями и другими психологическими проблемами. Цель исследования: выявить у белорусских и российских респондентов связи проблемного использования смартфона с эмоциональным интеллектом, уверенностью в себе, типами поведения в конфликтах и зависимостью от социальных сетей; а также обнаружить общее и различающееся в этих связях у двух указанных выборок. **Методы.** В онлайн-опросе приняли участие 1448 респондентов (белорусских респондентов – 726 человек, российских – 722 человека). Методики: краткая версия опросника зависимости от смартфона (В. П. Шейнов); тест эмоционального интеллекта Н. Холла; тест уверенности в себе В. Г. Ромека; тест «Стратегии поведения в конфликте» Томаса–Килманна (адаптация Н. В. Гришиной); «Опросник зависимости от социальных сетей» ЗСС-15 (авторы В. П. Шейнов, А. С. Девицын). **Результаты.** Показано, что: 1) проблемное использование смартфона отрицательно связано с эмоциональным интеллектом и уверенностью в себе в выборках как белорусских, так и российских респондентов; 2) стратегии поведения в конфликте слабо связаны с проблемным использованием смартфона (обозначены отрицательная связь проблемного

использования смартфона с сотрудничеством у российских женщин, и положительная связь со стратегией избегания в белорусской выборке в целом и у белорусских мужчин); 3) у белорусов и у россиян выявлены статистически значимые корреляции между всеми факторами проблемного использования смартфона («потеря контроля над собой», «страх отказа использовать смартфон», «эйфория от пользования смартфоном») и всеми факторами зависимости от социальных сетей («психологическое состояние пользователя», «коммуникация пользователя сети», «получение информации»). **Обсуждение результатов.** Полученные данные могут быть применены в профилактической и коррекционно-развивающей работе по предотвращению проблемного использования смартфона в молодежной среде.

Ключевые слова

проблемное использование смартфона, зависимость от смартфона, смартфон-аддикция, эмоциональный интеллект, уверенность в себе, поведение в конфликте, зависимость от социальных сетей, белорусы, россияне

Для цитирования

Шейнов, В. П., Низовских, Н. А., Девицын, А. С. (2024). Проблемное использование смартфона: связи с эмоциональным интеллектом, уверенностью в себе и поведением в конфликтах у белорусов и россиян. *Российский психологический журнал*, 21(2), 200–221. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.12>

Введение

Смартфоны стали одними из самых значимых в жизни современного человека цифровых устройств. Смартфоны выполняют множество функций, обеспечивают своим владельцам постоянный доступ в Интернет, поддержание социальных связей, быстрое получение любой информации. Смартфоны используются в профессиональной деятельности, поставляют пользователям разнообразные развлечения и удовольствия, помогают в навигации... Преимущества смартфонов очевидны: они портативны, удобны, персонализированы, всегда под рукой. Подавляющее большинство подростков (82%) для выхода в Интернет предпочитают именно смартфон (Солдатова, Чигарькова, Кошечкина, Никонова, 2022, с. 24–25).

Благодаря своим возможностям, смартфон сегодня выступает не просто как инструмент, а как часть «я» личности (Nijssen, Schaap, Verheijen, 2018). Гаджеты «превращаются в своеобразные "психологические орудия", изменяя качественные характеристики психических явлений и процессов» (Регуш, Алексеева, Веретина, Орлова, Пежемская, 2019, с. 20). Неслучайно смартфоны все чаще используются

в учебном процессе (Бабак, 2021; Меньшиков, Сутягин, Лисун, 2022; Старун, Воистинова, 2021).

Однако чрезмерное использование смартфонов может приводить к социальной изоляции, вызывать негативные эмоциональные состояния и другие психологические проблемы. Ведутся дискуссии, могут ли цифровые технологии снижать когнитивные функции, приводить к «цифровому слабоумию». В научной литературе возник специальный термин – «проблемное использование смартфона» (Panova & Carbonell, 2018). При этом некоторые авторы (Peraman & Parasuraman, 2016) полагают, что чрезмерное использование смартфона является формой психологической или поведенческой зависимости. Чрезмерное использование смартфона может быть связано с зависимостью от социальных сетей, интернет-зависимостью. Другие исследователи считают, что терминология, относящаяся к зависимостям в отношении использования смартфонов, не вполне корректна и может вызвать трудности как в исследованиях, так и в стигматизации пользователей, и предлагают заменить термин «зависимость от смартфонов» на термин «проблемное использование смартфонов» (Peraman & Parasuraman, 2016).

На наш взгляд термины «проблемное использование смартфона» и «зависимость от смартфона» могут применяться как синонимичные, взаимозаменяемые, но вместе с тем имеющие свою специфику.

Проблемное использование смартфона включает в себя озабоченность мобильной связью, чрезмерную трату денег или времени, а также пользование смартфоном в социально или физически неуместных ситуациях (например, при вождении автомобиля). Слишком частое использование смартфона может приводить к неблагоприятным последствиям в социальных отношениях, психическом или физическом здоровье, вызвать тревожность, если исключается возможность использовать смартфон (Csibi, Griffiths, Demetrovics & Szabo, 2021). Поведение «зависимых от смартфонов» людей не сопоставимо с химическими и другими зависимостями. Люди становятся зависимыми не от смартфонов, а от предоставляемых смартфоном возможностей: участия в социальных сетях, азартных игр, просмотра порнографии и т.д. (Panova & Carbonell, 2018); поэтому предпочтительнее использовать термин «проблемное использование смартфонов».

Модель немедицинской зависимости от смартфона, выстроенная посредством факторного анализа большого эмпирического материала (Шейнов, Девицын, 2021в, 174), кардинально отличается от структуры зависимости от социальных сетей, повторяя структуру медицинских зависимостей (Там же, с. 192).

В отношении интернет-среды в научный дискурс вводится понятие «погруженность в интернет-среду», которую предлагается «рассматривать как новое психологическое явление, имеющее собственный психологический контент, отличающийся от таких явлений, как интернет-зависимость, проблемное использование Интернета и др.» (Регуш и др., 2021, с. 107). Введение понятия

«погруженность в интернет-среду» как широкого и свободного от негативной и клинической коннотации и характеризующего активность человека представляется целесообразным, поскольку «позволяет обозначить взаимодействие современного человека с интернет-средой» (там же, с. 110).

Гиперподключенность человека к цифровым устройствам выражена в количестве часов, проведенных у экранов мониторов и смартфонов. Гиперподключенность – уровень пользовательской активности, «когда в период бодрствования время в сети начинает соответствовать времени без экранов компьютеров» (Солдатова, Чигарькова, Кошечкина, Никонова, 2022, с. 21). Но, как отмечают авторы, понимание феномена гиперподключенности «не должно ограничиваться количеством часов, проведенных за гаджетами». Авторы характеризуют гиперподключенность как «одно из ключевых измерений цифровой социализации, которое отражает также качественные изменения, определяемые возникновением особых отношений между подростками и их персонализированными цифровыми устройствами» (Солдатова и др., 2022, с. 38–39). Смартфон становится главным инструментом, расширяющим возможности ребенка и позволяющим ему осуществлять самые различные виды деятельности, которые были недоступны его сверстникам пару десятков лет назад. Неслучайно смартфоны практически круглые сутки находятся в зоне ближайшего доступа, превращаясь в неотъемлемых спутников детей, в часть их личности, в высокофункциональную технологическую достройку, которой современные дети учатся самостоятельно управлять» (там же).

Значимость смартфона в жизни человека не снижает опасностей гиперподключенности к нему. Мы зависимы не от смартфонов, а от нормальной и здоровой потребности в социальном взаимодействии, удовлетворение которой реализуется посредством смартфона (Veissière, Stendel, 2018). Здоровые потребности могут стать нездоровыми зависимостями, и чрезмерное использование смартфона может наносить вред психическому здоровью человека. В частности, использование смартфона связано с «дофаминовыми вознаграждениями», по схемам своих действий схожими с употреблением наркотиков и других зависимостей (Veissière, Stendel, 2018, p. 4).

Наибольшему риску проблемного использования смартфона подвергаются дети дошкольного возраста и молодые люди (Csibi et al., 2021). Проблемное использование детьми и молодежью смартфонов и возникающая зависимость от них вызывают растущую озабоченность среди психологов, родителей, педагогов, широкой общественности. Для этого имеются серьезные причины.

Зависимость от смартфона положительно связана с депрессией, тревожностью, стрессом, неудовлетворенностью жизнью, и отрицательно – с самоконтролем (Шейнов, 2021, с. 97). Зависимость от смартфона, кроме того, сопряжена и со многими другими негативными состояниями. При этом выявлено, что конфликтный компонент в возрастной группе 20–34 лет ниже, чем в 3–11 и в возрастных группах

12–19 лет, где этот компонент достоверно выше, чем в старших возрастных группах. Эти результаты, как отмечают авторы, могут отражать ослабление родительского контроля, показывая, что партнеры, работодатели и/или друзья могут противостоять лицам этой возрастной группы, заметив преувеличенное использование человеком своего смартфона. Эти выводы согласуются с результатами других исследований, в которых сообщается, что положительный родительский контроль может предотвратить чрезмерное использование смартфона (Csibi et al., 2021).

Зарубежными авторами выявлены связи зависимости от смартфона с эмоциональным интеллектом, неуверенностью в себе, конфликтами, заслуживающими исследовательского внимания.

Эмоциональный интеллект определяется в современной психологии как способность понимать свои и чужие эмоции и управлять ими (Люсин, 2004); как точное их восприятие и использование (Mayer, 2008). Появляется все больше доказательств того, что ЭИ играет значимую роль в развитии как зависимости от употребления психоактивных веществ, так и поведенческих зависимостей. В обзоре Henning et al. исследований о значимости ЭИ и связанных с ним зависимостями показано, что накоплены существенные эмпирические данные, свидетельствующие о том, что низкий ЭИ является важным фактором риска развития зависимостей. Это указывает на необходимость уделять больше внимания исследованиям механизмов, связывающих ЭИ с зависимостями, а также потенциальной полезности обучения ЭИ в лечении зависимостей (Henning et al., 2021). В другом исследовании установлено, что более высокий уровень зависимости от смартфона соответствует более низкому эмоциональному интеллекту испытуемых и самоконтролю ($R = -0,418$, $p < 0,001$). Кроме того, в данном исследовании показано: когда эмоциональный интеллект респондентов был выше, их самоконтроль также был выше ($R = 0,502$, $p < 0,001$) (Choi et al., 2014). Обнаружена обратная связь между зависимостью от смартфона и показателем эмоционального интеллекта по субшкале «эмоциональная осведомленность» (Morales et al., 2020). Субшкалы эмоционального интеллекта показали отрицательную корреляцию зависимости от смартфона у студентов-медсестер: чем выше уровень использования эмоций и регуляция эмоций, тем ниже зависимость респондентов от смартфона (Lee & Gu, 2018). Зависимость от смартфона отрицательно коррелирует у студентов-медсестер не только с эмоциональным интеллектом, но и со склонностью к критическому мышлению: более высокая зависимость от смартфона свидетельствует о более низком уровне эмоционального интеллекта и более низкой склонности к критическому мышлению (Lee & Kim, 2017). Еще одно исследование подтверждает положение о том, что показатели эмоционального интеллекта отрицательно связаны с проблемным использованием Интернета и смартфонов (Arrivillaga, Rey & Extremera, 2020). В целом наблюдалась отрицательная корреляция между ориентацией на виртуальный мир и осознанием и выражением собственных эмоций через субфакторы эмоционального интеллекта (Yoo et al., 2017).

Неуверенность в себе. Предпочтение виртуального мира реальному миру – одна из основных характеристик зависимости от смартфонов. Пользователи смартфона, попадающие в зависимость от него, теряют уверенность в себе в отношениях с другими (Shim, 2019). С другой стороны, зависимость от смартфона чаще встречается у индивидов с низкой самооценкой; смартфоны используются ими с целью сблизиться в виртуальном мире и повысить уверенность в себе (Lee et al., 2018). Потенциальные факторы, приводящие к чрезмерному использованию смартфонов, включают личные факторы (длительное свободное время и низкая уверенность в себе) и социальные факторы (социальное давление и страх потерять «друзей») (Alotaibi, 2022). Чрезмерное использование мобильных телефонов может вызвать снижение уверенности в себе, зависимость от смартфонов (Peraman & Parasuraman, 2016).

Конфликты. Исследование S. Mahapatra выявило, что к неблагоприятным последствиям зависимости от смартфона относятся низкая успеваемость, личные и семейные конфликты (Mahapatra, 2019). Y.-R. Lee, J.-S. Park было подтверждено, что стратегии преодоления стресса и зависимость от смартфона имеют статистически значимую прямую связь (Lee, Park, 2018). В ходе исследования R. Alan и H. S. Guzel участники, не обладающие уверенным в себе стилем совладания со стрессом, проявили более высокую степень зависимости от смартфона, чем те, кто выбрал другие методы разрешения конфликта (Alan, Guzel, 2020).

Эти результаты получены в зарубежных исследованиях. Естественен вопрос: будут ли подобные связи иметь место, будут ли они совпадать или различаться у белорусов и россиян? Важность перечисленных связей определяет актуальность подобного исследования.

Цель данного исследования – выявить у белорусских и российских респондентов возможные связи проблемного использования смартфона с эмоциональным интеллектом, уверенностью в себе, типами поведения в конфликтах и зависимостью от социальных сетей, а также обнаружить общее и различающееся в этих связях для белорусской и российской выборки.

Проведение исследования на белорусско-российской выборке обусловлено рядом причин. Молодые поколения двух соседних стран, входивших до 1990 г. в состав СССР, «выросли в совершенно разных социально-политических, экономических и культурных реалиях» (Одинцова и др., 2021, с. 169). Исследования проблематики личностных ресурсов наиболее близких по духу народов «крайне немногочисленны и сосредоточены на этнических группах в целом» (Там же). Цитированная нами статья не затрагивает изучение особенностей цифрового поведения населения двух стран. Представляется актуальной задача сравнительного анализа связей зависимости от смартфона с личностными качествами на белорусско-российской выборке.

Методы

Выборка

В онлайн-опросе приняли участие 1448 респондентов, из них 66,3% женщин. Выборка белорусских респондентов составила 726 человек, из них женщин 59,6%. Выборка российских респондентов – 722 респондента, из них женщин 72,9%. Средний возраст белорусских респондентов – 22,8 лет (min = 15, max = 63; SD = 7,18); средний возраст российских респондентов – 21,8 лет (min = 15, max = 69; SD = 7,78). Основную массу респондентов составили студенты.

Методики

- Краткая версия опросника зависимости от смартфона (Шейнов, 2021) для оценки зависимости от смартфона. В исследовании использована факторная модель зависимости от смартфона, включающая три фактора: «страх отказа» использовать смартфон, «потеря контроля» над собой, «эйфория» от использования смартфона (Шейнов, Девицын 2021в, 174).
- ЗСС-15 (Шейнов, Девицын 2021а) для оценки зависимости от социальных сетей. В исследовании использована трехфакторная модель зависимости от социальных сетей. Модель включает три фактора: «коммуникация» пользователя сети, его «психологическое состояние» и «информация» (получение информации) (Шейнов, Девицын, 2021б).
- Методика В. Г. Ромека (Ромек, 1998, с. 87-108) для оценки уверенности в себе. Методика включает следующие компоненты уверенности в себе: общую уверенность, социальную смелость, инициативу в социальных контактах.

Методика Н. Холла для диагностики эмоционального интеллекта (Холл, 2002, с. 57–59; Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002), в которой оценивается пять компонентов: эмоциональная осведомленность; управление своими эмоциями; самомотивация; эмпатия; распознавание эмоций других людей. На основании оценок этих компонентов вычисляется интегративный показатель эмоционального интеллекта.

Тест Томаса–Килманна (Thomas, Kilmann, 1974, 2007), в адаптации Н. В. Гришиной (Гребень, 2007, с. 381–388) для определения стилей поведения в конфликтах: соревнование; приспособление; компромисс; избегание; сотрудничество.

Процедура исследования

Исследование на выборке белорусских и российских мужчин и женщин осуществлялось с применением метода опроса, который осуществлялся анонимно, добровольно, дистанционно, с применением Google Forms. Сбор данных проводился

одновременно на российской и белорусской выборке в 2022 году. Индивидуальные результаты в течение часа автоматически пересылались всем респондентам.

Статистический анализ в исследовании производился программами пакета SPSS-22.

Результаты

Проверка показала, что эмпирическое распределение всех выборок, представляющих изучаемые качества, отлично от нормального. В связи с этим все корреляции были вычислены по непараметрическому критерию Кендалла. Выбор корреляций по Кендаллу удобен тем, что он фиксирует как линейные, так и нелинейные связи.

Далее представим результаты вычисления корреляций в выборках респондентов из Беларуси и России.

Сравнение характера связей проблемного использования смартфона с зависимостью от социальных сетей, уверенностью в себе, стратегиями поведения в конфликте и возрастом

Данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о том, что проблемное использование смартфона значимо коррелирует с зависимостью от социальных сетей у белорусских и российских респондентов, причем наиболее тесной такая связь является у российских мужчин.

Таблица 1

Корреляции проблемного использования смартфона с зависимостью от социальных сетей, уверенностью в себе, стратегиями поведения в конфликте и возрастом белорусов и россиян

	Уверенность в себе				Стратегии поведения в конфликте					
	Зависимость от социальных сетей (интегральный показатель)	Уверенность в себе (интегральный показатель)	Социальная смелость	Инициатива в социальных контактах	Сопротивление	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление	Возраст
Беларусь (вся выборка)	0,480**	-0,194**	-0,254**	-0,043	-0,026	-0,006	-0,024	0,065*	0,017	-0,053*
Беларусь (мужчины)	0,448**	-0,220**	-0,312**	-0,083*	-0,038	0,018	-0,060	0,100*	0,022	0,003

	Уверенность в себе				Стратегии поведения в конфликте					
	Зависимость от социальных сетей(интегральный показатель)	Уверенность в себе (интегральный показатель)	Социальная смелость	Инициатива в социальных контактах	Сопротивление	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление	Возраст
Беларусь (женщины)	0,491**	-0,180**	-0,206**	-0,029	0,010	-0,038	-0,029	0,029	0,020	-0,125**
Россия (вся выборка)	0,494**	-0,252**	-0,214**	-0,056*	-0,015	-0,029	0,003	0,021	0,000	-0,125**
Россия (мужчины)	0,517**	-0,335**	-0,245**	-0,103*	0,009	-0,011	0,015	-0,008	0,006	-0,087
Россия (женщины)	0,466**	-0,208**	-0,169**	-0,032	0,021	-0,064*	-0,017	0,008	0,004	-0,153**

Примечание. В таблицах 1-4 полужирным шрифтом выделены статистически значимые числовые значения корреляций; * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Корреляционная связь проблемного использования смартфона с уверенностью в себе является отрицательной в выборках как белорусских, так и российских респондентов. Числовые значения, отражающие данную связь, несколько выше у россиян. Социальная смелость в большей степени, чем инициатива в социальных контактах, если судить по величине числовых значений, коррелирует с проблемным использованием смартфона, снижая ее.

Стратегии поведения в конфликте мало связаны с проблемным использованием смартфона. На уровень статистически значимых выходит только связь (отрицательная) с сотрудничеством у российских женщин, и положительная связь шкалы избегания в белорусской выборке в целом и у белорусских мужчин.

Выявлена отрицательная связь проблемного использования смартфона с возрастом у белорусских и российских респондентов. В большей степени, как показывают числовые значения, такая связь обнаруживается у белорусских и российских женщин.

Сравнение характера связей зависимости от смартфона с зависимостью от эмоционального интеллекта

Как показывают данные, приведенные в таблице 2, проблемное использование смартфона отрицательно коррелирует с эмоциональным интеллектом как в белорусской, так и в российской общих выборках, равно как и в подвыборках белорусских и российских мужчин и женщин. Наиболее тесной данная связь является у российских мужчин.

Таблица 2

Корреляции зависимости от смартфона с эмоциональным интеллектом белорусов и россиян

	Интегральный показатель ЭИ	Эмоциональная осведомленность	Управление собственными эмоциями	Самомотивация	Эмпатия	Распознавание эмоций других людей
Беларусь (вся выборка)	-0,148**	-0,058*	-0,193**	-0,182**	-0,052*	-0,074**
Беларусь (мужчины)	-0,196**	-0,117**	-0,203**	-0,213**	-0,135**	-0,126**
Беларусь (женщины)	-0,098**	-0,018	-0,148**	-0,134**	-0,006	-0,045
Россия (вся выборка)	-0,144**	-0,022	-0,207**	-0,164**	-0,053*	-0,097**

	Интегральный показатель ЭИ	Эмоциональная осведомленность	Управление собственными эмоциями	Самотивация	Эмпатия	Распознавание эмоций других людей
Россия (мужчины)	-0,235**	-0,089	-0,255**	-0,206**	-0,169**	-0,219**
Россия (женщины)	-0,106**	-0,013	-0,151**	-0,133**	-0,043	-0,077*

Анализ корреляций проблемного использования смартфона с отдельными составляющими эмоционального интеллекта выявил, что с проблемным использованием смартфона наиболее тесно отрицательно коррелируют управление собственными эмоциями и самотивация.

Менее тесно, но также отрицательно, с проблемным использованием смартфона связаны распознавание эмоций других людей и эмпатия. До уровня статистически значимых такие связи не «дотягивают» в распознавании эмоций у белорусских женщин, а со шкалой эмпатии у белорусских и российских женщин.

В меньшей степени проблемное использование смартфона отрицательно связано с эмоциональной осведомленностью. Статистической достоверности данная связь достигает только в общей выборке белорусов и в подвыборке белорусских мужчин.

Таким образом, несмотря на то что средние значения показателей зависимости от смартфона у белорусов (равное 13,65) и россиян (равное 14,82) статистически не различаются ($p = 0,130$), имеют место как сходства, так и определенные различия в связях данной зависимости с зависимостью от социальных сетей, уверенностью в себе и уровнем эмоционального интеллекта белорусов и россиян.

Сравнение характера связей компонентов проблемного использования смартфона с компонентами зависимости от социальных сетей и интегральными личностными качествами респондентов

Представим результаты корреляционного анализа связей факторов зависимости от смартфона с факторами зависимости от социальных сетей и интегральными показателями личностных качеств белорусских и российских респондентов (таблицы 3 и 4).

Таблица 3

Корреляции компонентов проблемного использования смартфона с компонентами зависимости от социальных сетей и интегральными показателями личностных характеристик белорусов

Факторы зависимости от смартфона	Зависимость от социальных сетей (интегральный показатель и факторы)				Уверенность в себе	Эмоциональный интеллект
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя	Коммуникация пользователя сети	Получение информации		
Вся выборка						
Потеря контроля над собой	0,404**	0,426**	0,261**	0,293**	-0,189**	-0,132**
Страх отказа использовать смартфон	0,380**	0,393**	0,253**	0,280**	-0,142**	-0,140**
Эйфория от пользования смартфоном	0,427**	0,432**	0,284**	0,318**	-0,144**	-0,116**

Факторы зависимости от смартфона	Зависимость от социальных сетей (интегральный показатель и факторы)				Уверенность в себе	Эмоциональный интеллект
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя	Коммуникация пользователя сети	Получение информации		
Мужчины						
Потеря контроля над собой	0,370**	0,393**	0,247**	0,271**	-0,199**	-0,139**
Страх отказа использовать смартфон	0,339**	0,332**	0,239**	0,286**	-0,117**	-0,154**
Эйфория от пользования смартфоном	0,395**	0,393**	0,272**	0,317**	-0,192**	-0,217**
Женщины						
Потеря контроля над собой	0,414**	0,441**	0,234**	0,300*	-0,181**	-0,110**
Страх отказа использовать смартфон	0,386**	0,414**	0,221**	0,270**	-0,156**	-0,121**
Эйфория от пользования смартфоном	0,438**	0,450**	0,263**	0,313**	-0,111**	-0,042

Таблица 4

Корреляции компонентов проблемного использования смартфона с компонентами зависимости от социальных сетей и интегральными показателями личностных характеристик россиян

Факторы зависимости от смартфона	Зависимость от социальных сетей (интегральный показатель и факторы)				Уверенность в себе	Эмоциональный интеллект
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя сети	Коммуникация пользователя сети	Получение информации		
Вся выборка						
Потеря контроля над собой	0,410**	0,440**	0,252**	0,300**	-0,244**	-0,130**
Страх отказа использовать смартфон	0,426**	0,449**	0,297**	0,313**	-0,204**	-0,148**
Эйфория от пользования смартфоном	0,450**	0,461**	0,304**	0,341**	-0,191**	-0,104**
Мужчины						
Потеря контроля над собой	0,446**	0,468**	0,277**	0,334**	-0,318**	-0,220**
Страх отказа использовать смартфон	0,449**	0,447**	0,394**	0,321**	-0,247*	-0,206**
Эйфория от пользования смартфоном	0,465**	0,459**	,361**	0,361**	-0,273**	-0,176**

Факторы зависимости от смартфона	Зависимость от социальных сетей (интегральный показатель и факторы)				Уверенность в себе	Эмоциональный интеллект
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя сети	Коммуникация пользователя сети	Получение информации		
Женщины						
Потеря контроля над собой	0,378**	0,412**	0,214**	0,266**	-0,205**	-0,089**
Страх отказа использовать смартфон	0,397**	0,433**	0,241**	0,287**	-0,175**	-0,119**
Эйфория от пользования смартфоном	0,421**	0,441**	0,257**	0,312**	-0,147**	-0,072*

Примечание. В таблице полужирным шрифтом выделены статистически значимые числовые значения корреляций;

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблицах 3 и 4, существуют статистически значимые положительные корреляции между всеми факторами проблемного использования смартфона и всеми факторами зависимости от социальных сетей как у белорусов, так и у россиян. Наиболее тесными оказались связи между факторами «эйфория от пользования смартфоном», «страх отказа использовать смартфон» и «потеря контроля над собой» проблемного использования смартфона с фактором «психологическое состояние» пользователя социальной сети. Данные также показывают, что все три фактора зависимости от смартфона тесно коррелируют с факторами «получение информации» и «коммуникация пользователя сети» как в белорусской, так и в российской выборке.

И у белорусов, и у россиян обнаружены статистически значимые отрицательные связи всех трех факторов зависимости от смартфона с уверенностью в себе и эмоциональным интеллектом респондентов мужского и женского пола.

Обсуждение результатов

В процессе данного исследования установлена отрицательная связь зависимости от смартфона с возрастом у мужчин и женщин. Эти результаты исследования подтверждают полученные ранее данные об отрицательной связи зависимости от смартфона с возрастом у женщин (приводится по: Шейнов, Девицын, 2021, с. 171). Данный факт заслуживает исследовательского внимания и осмысления. Чем старше белоруски и россиянки, тем в меньшей степени они подвержены опасности зависимого поведения от смартфона. Возможно, отчасти это объясняется расширением с возрастом спектра обязанностей женщин, включая обязанности, связанные с материнством, уходом за детьми, которые дополнительно ложатся на плечи женщин: на смартфон остается меньше времени, он все чаще по необходимости «выпадает» из поля зрения.

Связь с эмоциональным интеллектом

Проблемное использование смартфона, как показало исследование, отрицательно связано с эмоциональным интеллектом и следующими его компонентами: управление собственными эмоциями, эмпатия, самомотивация, распознавание эмоций других людей. Данный факт соотносится с результатом зарубежного исследования (Turkle, 2017), который показывает, что «из-за чрезмерного общения через смартфон люди становятся менее чуткими друг к другу, что приводит к потере способности к эмпатии и ухудшению эмоциональной связи с окружающими» (приводится по: Шейнов, 2020, с. 120). Проведенное исследование подтверждает полученные ранее данные о том, что чем выше уровень проблемного использования смартфона, тем ниже показатели эмоционального интеллекта, и наоборот, чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем ниже зависимость от смартфона (Choi et al., 2014; Lee & Kim, 2017; Yoo et al., 2017; Morales et al., 2020). Получено, таким образом, еще одно доказательство того, что эмоциональный интеллект играет значимую роль в развитии и проявлениях проблемного использования смартфона. Развитие эмоционального интеллекта – направление профилактики и коррективы зависимости от смартфона.

Результаты нашего исследования согласуются с положением о том, что «...при цифровом взаимодействии превалирует когнитивная составляющая эмоционального интеллекта (Минюрова и др., 2021, с. 163). Распознавание эмоций других людей и способность воздействовать на эмоции других, как показывает проведенное исследование, в меньшей степени коррелируют с проблемным использованием смартфона. Еще меньше проблемное использование смартфона коррелирует с эмоциональной осведомленностью респондентов.

Отрицательная связь проблемного использования смартфона с уверенностью в себе была выявлена ранее в ряде исследований (Lee et al., 2018; Shim, 2019; Peraman

& Parasuraman, 2016). Представленные в данной статье результаты подтверждают положение о том, что позитивная оценка себя и собственных навыков снижают показатели проблемного использования смартфона. Вместе с тем, пользователи смартфона, попавшие в зависимость от него, со временем могут терять уверенность в себе, утрачивать социальную смелость.

Связь с типами поведения в конфликте

Проведенное исследование не выявило, за редкими исключениями, статистически значимых связей проблемного использования смартфона с показателями стратегий поведения в конфликте как у белорусов, так и у россиян (табл. 1). Исключение составляет положительная связь со стратегией избегания в белорусской выборке и у белорусских мужчин. Такая связь представляется достаточно логичной: избегание в реальных конфликтных ситуациях может потенциально повышать стремление к взаимодействию с гаджетами. Однако у россиян такая связь не выявлена. Еще одним исключением является наличие отрицательной связи проблемного использования смартфона со стратегией сотрудничества у российских женщин. Несомненно, данная связь выглядит также вполне логично: если избегание в реальных конфликтных ситуациях может потенциально повышать стремление к взаимодействию с гаджетами, то стремление к сотрудничеству в реальных конфликтных ситуациях будет снижать стремление к «бегству в смартфон».

Тесная связь проблемного использования смартфона с зависимостью от социальных сетей, выявленная в данном исследовании, выглядит вполне логично. Зависимость от смартфона вызвана стремлением человека к общению с другими людьми и необходимостью быть увиденным, услышанным, направляться и контролироваться другими, что глубоко коренится в нашем эволюционном прошлом (Veissière, Stendel, 2018). Тесные статистически значимые связи между всеми факторами проблемного использования смартфона и всеми факторами зависимости от социальных сетей как в белорусской, так и в российской выборках респондентов служат еще одним доказательством того, что все факторы проблемного использования смартфона («страх отказа» использовать смартфон, «потеря контроля» над собой, «эйфория» от использования смартфона) имеют самостоятельную значимость, обуславливая проблему чрезмерного использования смартфона. Подтверждением данной мысли является и тот факт, что и у белорусов, и у россиян обнаружены статистически значимые отрицательные связи всех трех факторов зависимости от смартфона с уверенностью в себе и эмоциональным интеллектом респондентов мужского и женского пола и в белорусской, и в российской выборках. Чем выше показатели уверенности в себе и эмоционального интеллекта, тем, соответственно, ниже показатели потери контроля над собой при пользовании смартфоном, а также в меньшей степени выражены страх отказа использовать смартфон и эйфория от его пользования.

Выводы

В ходе предпринятого исследования было выявлено, что средние значения показателей зависимости от смартфона у белорусов и россиян статистически не различаются ($p = 0,130$). Обнаружено значительное сходство связей проблемного использования смартфона с зависимостью от социальных сетей и личностными характеристиками белорусских и российских мужчин и женщин.

Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы:

1. Проблемное использование смартфона может проявляться как психологическая зависимость от смартфона или смартфон-аддикция, и в этом своем качестве оно связано с рядом личностных качеств и зависимостью от социальных сетей как у белорусов, так и россиян.
2. Проблемное использование смартфона отрицательно связано с эмоциональным интеллектом и следующими его компонентами: самомотивация, управление собственными эмоциями, эмпатия, распознавание эмоций других людей. В меньшей степени зависимость от смартфона отрицательно коррелирует со шкалой эмоциональной осведомленности, достигая статистической достоверности только в общей выборке белорусов и в подвыборке белорусских мужчин.
3. Проблемное использование смартфона отрицательно коррелирует с уверенностью в себе в выборках как белорусских, так и российских респондентов. Социальная смелость в большей степени, чем инициатива в социальных контактах, коррелирует с зависимостью от смартфона.
4. На уровень статистически значимых связей выходят отрицательная связь проблемного использования смартфона с сотрудничеством у российских женщин, и положительная связь зависимости от смартфона со стратегией избегания конфликта в белорусской выборке в целом и у белорусских мужчин.
5. Тесные статистически значимые связи существуют между всеми факторами проблемного использования смартфона («страх отказа» использовать смартфон, «потеря контроля» над собой, «эйфория» от использования смартфона) и всеми факторами зависимости от социальных сетей («коммуникация» пользователя сети, его «психологическое состояние», «получение информации») как у белорусов, так и у россиян.

Таким образом, все факторы проблемного использования смартфона имеют самостоятельную значимость, обуславливая проблемы, создаваемые чрезмерным использованием смартфона. Полученные данные могут быть полезными в профилактической и коррекционно-развивающей работе по предотвращению проблемного использования смартфона в молодежной среде белорусов и россиян.

Литература

- Бабак, М. В. (2021). Исследование опыта применения смартфонов в учебном процессе. *Специфика педагогического образования в регионах России*, 1 (14), 10–12.
- Гребень, Н. Ф. (2007). *Психологические тесты для профессионалов*. Современная школа.
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл) (2002). Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Издательство Института психотерапии.
- Люсин, Д. В. (2004). Современные представления об эмоциональном интеллекте. *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования*. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.). Издательство «Институт психологии РАН».
- Меньшиков, В. В., Сутягин, А. А., Лисун, Н. М. (2022). Возможности применения смартфона в учебном химическом эксперименте. *Учебный эксперимент в образовании*, 1, 81–89. https://doi.org/10.51609/2079-875X_2022_1_81
- Минюрова, С. А., Басюк, В. С., Брель, Е. Ю., Воробьева, И. В., Кружкова, О. В., Матвеева, А. И. (2021). Эмоциональный интеллект субъектов образовательной среды в условиях цифровизации: обзор исследований. *Сибирский психологический журнал*, 82, 153–173. <https://doi.org/10.17223/17267080/82/9>
- Одинцова, М. А., Радчикова, Н. П., Козырева, Н. В. (2021). Жизнестойкость и самоактивация молодежи России и Беларуси в транзитивном обществе. *Сибирский психологический журнал*, 79, 168–188. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/10>
- Регуш, Л. А., Алексеева, Е. В., Веретина, О. Р., Орлова, А. В., Пежемская, Ю. С. (2019). Особенности мышления подростков, имеющих разную степень погруженности в интернет-среду. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 194, 19–29.
- Регуш, Л. А., Орлова, А. В., Алексеева, Е. В., Веретина, О. В., Пежемская, Ю. С., Лактионова, Е. Б. (2021). Феномен погруженности в интернет-среду: определение и диагностика. *Сибирский психологический журнал*, 81, 107–125. <https://doi.org/10.17223/17267081/81/5>
- Ромек, В. Г. (1998). *Тесты уверенности в себе. Практическая психодиагностика и психологическое консультирование*. Ирбис.
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Кошевая, А. Г., Никонова, Е. Ю. (2022). Повседневная деятельность подростков в смешанной реальности: пользовательская активность и многозадачность. *Сибирский психологический журнал*, 83, 20–45. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/2>
- Старун, А. Р., Воистинова, Г. Х. (2021). Использование смартфона как средство повышения интереса к урокам математики. *MODERN SCIENCE*, 12-4, 192–197.
- Шейнов, В.П. (2020). Связи зависимости от смартфона с состоянием ми и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 4, 120–127. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127>
- Шейнов, В. П. (2021). Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Организационная психология и психология труда*, 6(1), 97–115. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021a). Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*, 2(38), 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021b). Трехфакторная модель зависимости от социальных сетей. *Российский психологический журнал*, 3, 145–158. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.10>

- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021в). Факторная структура модели зависимости от смартфона. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 6(3(23)), 174–197. https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.23_3_07
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021г) Личностные свойства и состояние здоровья жертв зависимости от смартфона. *Институт психологии Российской Академии Наук. Социальная и экономическая психология*, 6(1(21)), 171–191. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.007>
- Alan, R., & Guzel, H. S. (2020). The investigation of the relationship between smartphone addiction, and problem-solving skills and ways of coping with stress. *Journal of Psychiatry and Neurological Sciences*, 33, 244–253. <https://doi.org/10.14744/DAJPNS.2020.00088>
- Alotaibi, M. S., Fox, M., Coman, R., & Ratan, Z. A. (2022). Perspectives and Experiences of Smartphone Overuse among University Students in Umm Al-Qura University (UQU), Saudi Arabia: A Qualitative Analysis. *International Journal of Environ. Res. Public Health*, 19(7), 4397. <https://doi.org/10.3390/ijerph19074397>
- Arrivillaga, C., Rey, L., & Extremera, N. (2020). Adolescents' problematic internet and smartphone use is related to suicide ideation: Does emotional intelligence make a difference? *Computers in human behavior*, 110, 106375. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106375>
- Csibi, S., Griffiths, M. D., Demetrovics, Z., & Szabo, A. (2021). Analysis of Problematic Smartphone Use Across Different Age Groups within the 'Components Model of Addiction'. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 19(3), 616–631. <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00095-0>
- Choi, J. E., Seo, E. J., Lee, E. H., & Yoo, M. S. (2014). Addiction, Emotional Intelligence, and Self-control in College Students. *Journal of Korean Academic Society of Home Health Care Nursing*, 21(1), 44–51.
- Henning, C., Crane, A. G., Taylor, R. N. et al. (2021). Emotional Intelligence: Relevance and Implications for Addiction. *Current Addiction Reports*, 8, 28–34. <https://doi.org/10.1007/s40429-021-00356-w>
- Kim, S.-H., & Choi, Y.-N. (2017). Correlation between stress and smartphone addiction in healthcare related university students. *Journal of Korean Society of Dental Hygiene. Korean Society of Dental Hygiene*. <https://doi.org/10.13065/jksdh.2017.17.01.27>
- Lee, J., Sung, M., Song, S. H. et al. (2018). Psychological factors associated with smartphone addiction in South Korean adolescents. *Journal of Early Adolescent*, 38(3), 288–302. <https://doi.org/10.1177/0272431616670751>
- Lee, O. S., & Gu, H. J. (2018). Differences in Smartphone Addiction and Communication Ability according to Emotional Intelligence in Nursing Students. *Journal of Digital Convergence*, 16(3), 375–383. <https://doi.org/10.14400/JDC.2018.16.3.375>
- Lee, O. S., & Kim, M. J. (2017). The relationship among Smartphone addiction, Emotional intelligence, Critical thinking disposition and Communication skill for nursing students. *Journal of Digital Convergence*, 15(7), 319–328. <https://doi.org/10.14400/JDC.2017.15.7.319>
- Lee, Y.-R., & Park, J.-S. (2018). A study on the Mediating Effect of Stress Coping Strategies in the Relationship between Emotional Empathy and Smartphone Addiction of University Students. *Journal of the Korea Convergence Society*, 9(2), 323–329. <https://doi.org/10.15207/JKCS.2018.9.2.323>
- Mahapatra, S. (2019). Smartphone addiction and associated consequences: Role of loneliness and self-regulation. *Behaviour & Information Technology*, 38, 833–844. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2018.1560499>
- Mayer, J. D., Roberts, R. D., & Barasade, S. G. (2008). Human abilities: Emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*, 59, 507–536.

- Morales, R. F. M., Lozano, J. M. G., Linares, M. P., & Pérez-Mármol, J. M. (2020). Influence of Smartphone Use on Emotional, Cognitive and Educational Dimensions in University Students. *Sustainability*, 12, 6646. <https://doi.org/10.3390/su12166646>
- Nijssen, S., Schaap, G. J., & Verheijen, G. P. (2018). Has your smartphone replaced your brain? Construction and validation of the Extended Mind Questionnaire (XMQ). *PLoS ONE*, 13(8).
- Panova, T., & Carbonell, X. (2018). Is smartphone addiction really an addiction? *Journal of Behavioral Addictions*, 7(2), 252–259. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.49>
- Park, S., Kwon, M.-A., Baek, M.-J., & Han, N.-R. (2014). Relation between smartphone addiction and interpersonal competence of college students using social network service. *The Journal of the Korea Contents Association*, 14(5), 289–297. <https://doi.org/10.5392/JKCA.2014.14.05.289>
- Peraman, R., & Parasuraman, S. (2016). Mobile phone mania: Arising global threat in public health. *Journal of Natural Science, Biology and Medicine*, 7, 198–200.
- Rodríguez, F. M. M., Lozano-Gimenes, J. M., Mingorance, P. L., & Pérez-Mármol, J. M. (2020). Influence of Smartphone Use on Emotional, Cognitive and Educational Dimensions in University Students. *Sustainability*, 12, 6646. <https://doi.org/10.3390/su12166646>
- Shim, J. Y. (2019). Christian Spirituality and Smartphone Addiction in Adolescents: A Comparison of High-Risk, Potential-Risk, and Normal Control Groups. *Journal of Religion and Health*, 58, 1272–1285. <https://doi.org/10.1007/s10943-018-00751-0>
- Thomas, K. W., & Kilmann, R. H. (1974). *Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument*. Mountain View, CA: Xicom, a subsidiary of CPP, Inc., 2007.
- Turkle, Sh. (2017). *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. Basic Books.
- Veissière, S. P. L., & Stendel, M. (2018). Hypernatural Monitoring: A Social Rehearsal Account of Smartphone Addiction. *Frontiers in Psychology*, 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00141>
- Yoo, Ji-Eun, Kim, Sung-Jae, & Hwang, Ji-Ae. (2017). The effect of smartphone usage habits of mothers on aggression and emotional intelligence of young children. *Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society*, 18(1), 325–335. <https://doi.org/10.5762/KAIS.2017.18.1.325>

Поступила в редакцию: 09.08.2023

Поступила после рецензирования: 09.10.2023

Принята к публикации: 25.04.2024

Заявленный вклад авторов

Виктор Павлович Шейнов – разработка методологической концепции исследования, обзор литературы, организация исследования, сбор и описание исходных данных, математическая обработка результатов тестирования, получение и анализ результатов исследования, написание текста статьи.

Нина Аркадьевна Низовских – сбор исходных данных исследования, анализ результатов исследования, обсуждение его результатов, написание текста статьи, подготовка и оформление рукописи.

Антон Сергеевич Девицын – разработка программ обработки исходных данных и оперативное доведение результатов тестирования до респондентов в онлайн-режиме.

Информация об авторах

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь; SPIN-код РИНЦ: [7605-9100](https://orcid.org/0000-0002-2191-646X); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>; e-mail: sheinov1@mail.ru

Нина Аркадьевна Низовских – доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация; WoS Researcher ID: B-5858-2017; Scopus Author ID: 57196440396; РИНЦ Author ID: 395349; SPIN-код РИНЦ: 8363-2794; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5541-5049>; e-mail: nina.nizovskikh@gmail.com

Антон Сергеевич Девицын – старший преподаватель кафедры веб-технологии и компьютерного моделирования, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2804-4107>; e-mail: devitsin@gmail.com; <https://www.dziavitsyn.name/>

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Выбор позиций взаимодействия: Темная и Светлая триады как предикторы поведения

Владимир Г. Маралов*, Марина А. Кудака, Ольга В. Смирнова

Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: vgmaralov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется значимостью выявления факторов, влияющих на выбор людьми позиций взаимодействия и стратегий поведения. В качестве интегрированных факторов выбора позиции взаимодействия могут выступать Темная триада (макиавеллизм, нарциссизм и неклиническая психопатия), и Светлая триада (вера в человечество, гуманизм и кантианство). Новизна исследования – выявление роли Темной и Светлой триад в выборе студентами позиций взаимодействия: принуждения, манипулирования, ненасилия, невмешательства.

Методы. Выборка – 206 студентов Череповецкого государственного университета (17–24 года, средний возраст 18,4 года). Методики исследования: Короткий опросник Темной триады личности Джонса и Паулхуса (адаптация Егоровой, Ситниковой, Паршиковой), опросник Светлой триады Кауфмана, Ядена, Хайда, Цукаяма, авторский опросник на выявление позиций взаимодействия. Применялись методы описательной статистики, корреляционного и регрессионного анализа. **Результаты.** В выборе позиций взаимодействия студенты чаще предпочитают позиции ненасилия и невмешательства, чем позиции принуждения и манипулирования, а черты Светлой триады личности преобладают над чертами Темной триады. Темная триада положительно, а Светлая триада отрицательно коррелируют с позициями принуждения и манипулирования. Ведущую роль в выборе позиций принуждения и манипулирования играют психопатия, макиавеллизм и низкий уровень кантианства. Светлая триада личности положительно связана с позицией ненасилия, наибольшее влияние на ее выбор оказывает вера в человечество при условии отсутствия черт неклинической психопатии. Позиция невмешательства не обнаружила положительных связей с Темной и Светлой триадами личности, в то же время

на ее выбор может в ряде случаев оказывать влияние такая черта Темной триады, как макиавеллизм. **Обсуждение результатов.** Темная и Светлая триады личности играют важную роль в выборе студентами позиций взаимодействия. Полученные результаты могут быть использованы как в научных, так и в практических целях для формирования у студентов позиции ненасилия.

Ключевые слова

Темная триада, Светлая триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, вера в человечество, гуманизм, кантианство, позиции взаимодействия.

Для цитирования

Маралов, В. Г., Кудака, М. А., Смирнова О. В. (2024). Выбор позиций взаимодействия: Темная и Светлая триады как предикторы поведения. *Российский психологический журнал*, 21(2), 222–239, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.13>

Введение

Взаимодействие – это взаимное воздействие людей друг на друга для достижения определенных целей. Г. М. Андреева относит его к одной из трех сторон общения, понимая под ним ту сторону общения, «которая фиксирует не только обмен информацией, но и организацию совместных действий, позволяющих партнерам реализовать некоторую общую для них деятельность» (Андреева, 2014, с. 67). В содержательном плане, согласно Г. М. Андреевой, выделяются два типа взаимодействия: кооперация и конкуренция.

В ходе взаимодействия люди могут занимать различные позиции. Позиции взаимодействия – интеграция положения человека в системе социальных связей и его отношений к различным сторонам действительности. Стороны взаимодействия могут различаться преследуемыми целями, которые часто не совпадают. Несовпадение целей сторон приводит к возникновению противоречий, которые разрешаются путем принятия индивидом той или иной позиции и выбора соответствующей стратегии поведения. Наиболее типичными позициями взаимодействия являются позиции **принуждения, манипулирования, ненасилия, смирения (невмешательства)**. Принуждение – это различные формы психологического и физического давления на человека. Манипулирование – более мягкая форма давления, основанная на обмане. Ненасилие в процессе взаимодействия с другими людьми проявляется в отказе от принуждения и различных форм давления, в учете личности противоположной стороны. Невмешательство – пассивное принятие события так, как оно есть, без какого-либо активного действия.

Предпочтение позиции человеком определяется многими факторами (Маралов, Кудака, Смирнова и др., 2022; Маралов, Ситаров, Романюк и др., 2023). Среди них особое место занимают факторы интегративного плана, к которым можно отнести, например, пяти- и шестифакторную модели личности (экстраверсия, нейротизм, добросовестность, доброжелательность, открытость опыту, + честность/смирение), психологический капитал (самоэффективность, надежда, оптимизм, устойчивость), жизнестойкость (вовлеченность, контроль ситуации, готовность идти на риск). Сюда же относятся Темная и Светлая триады личности.

Темная триада

Темная триада включает в себя три черты: нарциссизм, макиавеллизм, психопатию. Заслуга выделения черт темной триады принадлежит Д. Паулхусу и К. Уильямсу (Paulhus & Williams, 2002). По их мнению, эти черты схожи по своим проявлениям и, в то же время, обладают определенной независимостью. Макиавеллизм проявляется в стремлении манипулировать другими людьми, нарциссизм – в желании видеть себя исключительной личностью, психопатия – в высокомерии, незаинтересованности в проблемах других людей, в импульсивности и в агрессивности. На основе этих представлений было разработано два опросника диагностики Темной триады. Это опросник Д. Н. Джонса и Д. Л. Паулхуса (Jones & Paulhus, 2014), русскоязычная его версия адаптирована М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой и М. А. Паршиковой (2015), и опросник «Темная дюжина» П. К. Джонасона, Г. Д. Вебстера (Jonason & Webster, 2010), адаптированная Т. В. Корниловой с коллективом соавторов (Корнилова и др., 2015).

Изучение Темной триады свидетельствует о том, что нарциссизм, макиавеллизм и психопатия, являясь отдельными чертами, тем не менее имеют общие точки пересечения. Таким темным ядром, согласно исследованию Д. Н. Джонса и А. Х. Фигередо (Jones & Figueredo, 2013), является «манипуляция–бессердечие», которое объясняет совпадение антагонистических черт. Установлено (Jones & Neria, 2015), что этот общий фактор, то есть «манипуляция-бессердечие», положительно связано с общим индексом агрессии. Было выявлено, что психопатия положительно, а нарциссизм отрицательно связаны с физической агрессией, а макиавеллизм положительно связан с враждебностью. Доказано также, что психопатия и макиавеллизм тесно связаны с различными формами принуждения, что объясняется низким уровнем развития доброжелательности (Pailing, Boon & Egan, 2014). Установлено также, что психопатия и макиавеллизм были связаны с низким самоконтролем, тенденцией недооценивать будущие последствия совершаемых действий, и высоким уровнем синдрома дефицита внимания (Jonason & Tost, 2010).

Н. Агабабей и А. Блахню (Aghababaei & Błachnio, 2015) исследовали взаимосвязь черт Темной триады с эвдемоническим (стремление к счастью) и гедонистическим (стремление к удовольствию) благополучием. В результате было установлено, что

нарциссизм был положительно связан с обоими вариантами благополучия. В то время как психопатия была связана с более низким уровнем как эвдемонического, так и гедонистического благополучия, макиавеллизм, как правило, не был связан с результатами благополучия.

В контексте заявленной темы особого интереса заслуживают данные о взаимосвязи черт Темной триады с отношениями и характером взаимодействия людей. В частности, Э. Б. Хадхази с соавторами (Hadházi et al., 2023) обнаружили взаимосвязь черт Темной триады с такими установками неэтичного поведения, как «Разглашение конфиденциальной информации», «Перекалывание вины за свои ошибки на невиновного коллегу» и «Приписывание себе заслуг за чужую работу». П. К. Джонасоном с соавторами (Jonason, Luevano & Adams, 2012) было установлено, что Темная триада положительно связана с предпочтениями краткосрочных романтических отношений и отрицательно коррелирует с предпочтениями долгосрочных отношений. Изучение особенностей общения людей на работе показало, что представители Темной триады предпочитают использовать манипулирование в различных его формах. Было установлено, что психопатия коррелирует с предпочтением жестких форм манипуляции, а макиавеллизм и нарциссизм – мягких форм (Jonason, Slomski & Partyka, 2012). Выявлено также, что Темная триада по-разному связана с проявлениями аффективной и когнитивной эмпатии. В работе М. Вая и Н. Тилиопулоса (Wai & Tiliopoulos, 2012) выявлено, что все личности Темной триады продемонстрировали дефицит аффективной эмпатии, но показали недостаточно большое число признаков нарушения эмпатии когнитивной.

Следует констатировать, что Темная триада не способствует установлению позитивных связей и налаживанию положительных взаимоотношений людей.

Светлая триада

Выделение и исследование Темной триады личности закономерно поставило вопрос: если есть Темная триада, почему не может быть и Светлой триады? Светлая триада была открыта коллективом авторов в составе С. Б. Кауфмана, Д. Б. Ядена, Э. Хайда, Э. Цукаяма в 2019 году (Kaufman, Yaden, Hyde & Tsukayama, 2019). В состав Светлой триады личности вошли три характеристики: **вера в человечество, гуманизм и кантианство** (от фамилии немецкого философа И. Канта). Вера в человечество – вера в то, что люди в своей основе хорошие; гуманизм – убежденность, что люди заслуживают уважения и признания; кантианство – отношение к человеку как к самоценности, самоцели, а не как к средству достижения целей. С целью диагностики качеств Светлой триады авторами был разработан специальный опросник, который приобрел популярность среди специалистов-исследователей. Русскоязычная версия опросника Светлой триады была апробирована Н. Р. Ильичевым и А. А. Золотаревой, которые для измерения веры в человечество, гуманизма и кантианства использовали шкалу, состоящую

из 8 пунктов (Ильичев, Золотарева, 2023). Своя версия была предложена В. Вязовкиной, Д.С. Корниенко и А.Н. Неврюевым (Вязовкина, Корниенко, Неврюев, 2023), они попытались адаптировать все шкалы опросника С. Б. Кауфмана для нужд российской психологии.

В настоящее время в большей степени исследуется Темная триада личности, чем Светлая триада. Некоторые авторы пытаются найти светлые стороны в Темной триаде. В частности, Ю. В. Красавцева и Т. В. Корнилова (Красавцева, Корнилова, 2019) нарциссизм рассматривают как «светлый» аспект Темной триады.

Справедливости ради следует отметить, что концепция выделения черт Светлой триады С. Б. Кауфмана с соавторами не является единственной. Имеются и другие подходы. Дж. Мусек и Д. К. Грум (Musek & Grum, 2021) в качестве альтернативы чертам Темной триады выделяют три черты, заимствованные из арсенала пятифакторной модели личности – это **эмоциональная устойчивость (низкий нейротизм), доброжелательность и добросовестность**. Эти черты были положены в основу Светлой триады. Черты Светлой триады положительно связаны с общей удовлетворенностью жизнью и традиционными, социальными, когнитивными, демократическими ценностями и, как правило, отрицательно связаны с ценностями статуса или власти. Свой подход к выделению черт Светлой триады предлагают В. Гувейя с соавторами (Gouveia et al., 2021), в качестве черт Светлой триады они рассматривают **альтруизм, прощение и благодарность**.

В то же время большинство исследователей в выделении черт Светлой триады придерживается концепции С. Б. Кауфмана, которая становится доминирующей. В контексте этого подхода установлено, что люди с преобладанием Светлых черт личности характеризуются способностью к партнерскому взаимодействию, доверием к другим людям, высоким уровнем удовлетворенности жизнью, позитивной самооценкой (Neumann et al., 2020). Выявлено также, что в романтических отношениях эти черты предсказывают долгосрочные связи (Sevi & Dođruyol, 2020), а в контексте исследования производственных коллективов – способствуют более высокой оценке работниками своего социального благополучия (Javanmard, Borjali, Eskandari & Farokhi, 2020). В исследовании де Холанда Коэльо с соавторами (De Holanda Coelho, Hanel, Monteiro et al., 2021) установлено, что, в целом, Светлые черты были более тесно связаны с ценностями, чем Темные черты. Р. Геримский и Д. Крок (Gerymski, Krok, 2019) выявили связь Светлой триады с состраданием, добротой и дружелюбием.

Имеющиеся исследования не дают нам полной картины о роли Темной и Светлой триад личности в выборе людьми, в нашем случае студентами, позиций взаимодействия. Тем не менее, полученные различными авторами разрозненные данные, во-первых, убеждают нас в целесообразности проведения специального исследования, и, во-вторых, дают основание для выдвижения ряда гипотез.

Цель исследования

Цель нашего исследования – выявление роли Темной и Светлой триад личности в выборе студентами позиций взаимодействия.

Гипотезы исследования:

1. Темная триада будет в большей степени связана с выбором позиций принуждения и манипулирования, при этом психопатия в большей степени будет оказывать влияние на выбор позиции принуждения, а макиавеллизм – на выбор позиции манипулирования;
2. Светлая триада личности, все ее три компонента (вера в человечество, гуманизм, кантианство) в большей степени будут способствовать выбору позиции ненасилия;
3. позиция невмешательства не должна обнаружить положительных связей ни с Темной, ни со Светлыми триадами личности, ее выбор определяется, как показывают специальные исследования, другими факторами (Маралов и др., 2022).

Методы

Выборка

Исследование проводилось в апреле-мае 2023. В нем приняло участие 206 студентов педагогического, психологического и психолого-педагогического профилей подготовки Череповецкого государственного университета (г. Череповец Вологодской области, Российская Федерация) в возрасте от 17 до 24 лет, средний возраст 18,4 года ($SD = 1,09$), женщин – 176 человек (85,44%), мужчин – 30 человек (14,56%).

Методики

Методологической основой настоящего исследования выступил системный подход, когда каждая триада рассматривается как система, находящаяся в определенной взаимосвязи с позициями взаимодействия.

В качестве конкретных методик исследования выступили:

1. **Короткий опросник Темной триады личности Д. Джонса и Д. Паулхуса (Jones & Paulhus, 2014) в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой (2015).** Опросник включает в себя 27 вопросов. Студентам давалась следующая инструкция: «Уважаемые студенты, вашему вниманию предлагается ряд утверждений, касающихся жизни и деятельности людей.

Вам необходимо выразить степень своего согласия с каждым из приведенных утверждений, используя измерительную шкалу, которая приведена на специальном бланке, следующего типа: полностью не согласен – 1 балл; не согласен – 2 балла; согласен и не согласен в равной степени – 3 балла; согласен – 4 балла, полностью согласен – 5 баллов». По каждому изучаемому свойству подсчитывалась сумма баллов, которая затем переводилась в универсальную стандартную десятибалльную шкалу.

2. **Шкала Светлой триады личности С. Б. Кауфмана с соавторами (Kaufman, Yaden, Hyde & Tsukayama, 2019).** Опросник представляет собой перечень из 12 вопросов, на которые предусматриваются ответы в диапазоне от полностью не согласен до полностью согласен. Студентам давалась аналогичная предыдущей инструкция. По каждому свойству (вера в человечество, гуманизм, кантианство) подсчитывалась сумма баллов. Полученные баллы переводились в универсальную стандартную десятибалльную шкалу.

3. **Авторский опросник на выявление позиций взаимодействия (Маралов, Ситаров, 2018).** Представляет собой 40 вопросов-утверждений. На каждое утверждение предлагалось по 4 варианта ответа, что давало возможность дифференцированно выявить предпочтение испытуемыми тех или иных позиций взаимодействия: принуждения, манипулирования, ненасилия, невмешательства. Каждая шкала предполагает подсчет общего балла, который затем переводится в стандартную десятибалльную шкалу.

Статистический анализ

Обработка результатов проводилась с применением методов математической статистики с использованием возможностей программы Excel. Вычислялись средние значения, стандартные отклонения, линейные коэффициенты корреляции Пирсона, осуществлялся регрессионный анализ.

Результаты

В таблице 1 приведены средние значения и стандартные отклонения позиций взаимодействия, Темной и Светлой триад личности.

Как видно из таблицы 1, студенты чаще используют во взаимодействии позиции невмешательства и ненасилия ($M = 6,08$, $SD = 1,84$; $M = 5,92$, $SD = 1,89$). Выбор позиции невмешательства свидетельствует о повышенной осторожности студентов в принятии решения, выбор позиции ненасилия – о желании разрешать имеющиеся противоречия мирным путем посредством использования компромисса и сотрудничества. Реже других используется позиция принуждения ($M = 5,18$, $SD = 2,27$), предполагающая использование различных форм давления на личность. Сравнительный анализ Темной и Светлой триад показал, что студенты

отдают явное предпочтение Светлой триаде. Здесь по всем показателям получены результаты существенно выше среднего. Доминирует гуманизм ($M = 7,85$, $SD = 1,31$), затем следует кантианство ($M = 7,65$, $SD = 1,31$), замыкает тройку вера в человечество ($M = 7,32$, $SD = 1,35$). Значения по Темной триаде личности получены на порядок ниже, что вполне закономерно для людей, получающих высшее образование и готовящихся работать в сфере «человек-человек». Чаще других используется макиавеллизм ($M = 6,08$, $SD = 1,21$), далее следует нарциссизм ($M = 5,72$, $SD = 1,07$) и реже других используется психопатия ($M = 4,40$, $SD = 1,09$).

Таблица 1

Средние значения и стандартные отклонения позиций взаимодействия, Темной и Светлой триад личности

	Позиции:			
	Принуждения	Манипулирования	Ненасилия	Невмешательства
M	5,18	5,41	5,92	6,08
SD	2,27	2,14	1,89	1,84
Темная триада:				
	Макиавеллизм	Нарциссизм	Психопатия	
M	6,08	5,72	4,40	
SD	1,21	1,07	1,09	
Светлая триада:				
	Вера в человечество	Гуманизм	Кантианство	
M	7,32	7,85	7,65	
SD	1,35	1,31	1,31	

Обратимся к решению основной задачи настоящего исследования – выявлению взаимосвязей позиций взаимодействия с Темной и Светлой триадами личности и особенностей влияния последних на осуществление этого выбора. Результаты корреляционного анализа с использованием линейного коэффициента корреляции Пирсона отражены на рис. 1–4.

Рисунок 1

Взаимосвязь позиции принуждения с Темной и Светлой триадами личности*.

Примечание. Здесь и далее в рисунках сплошной линией обозначены прямые связи, пунктирной – обратные.

На рисунке 1 в графической форме отображены взаимосвязи позиции принуждения с Темной и Светлой триадами личности. Со всеми показателями Темной триады обнаружены положительные связи, а со всеми показателями Светлой триады – отрицательные. Слабая положительная связь позиции принуждения выявлена с макиавеллизмом ($r = 0,28, p \leq 0,001$.) и нарциссизмом ($r = 0,2, p \leq 0,001$), умеренная – с психопатией ($r = 0,52, p \leq 0,001$). С верой в человечество ($r = -0,26, p \leq 0,001$), гуманизмом ($r = -0,26, p \leq 0,001$) и кантианством ($r = -0,33, p \leq 0,001$) связи носят слабый отрицательный характер.

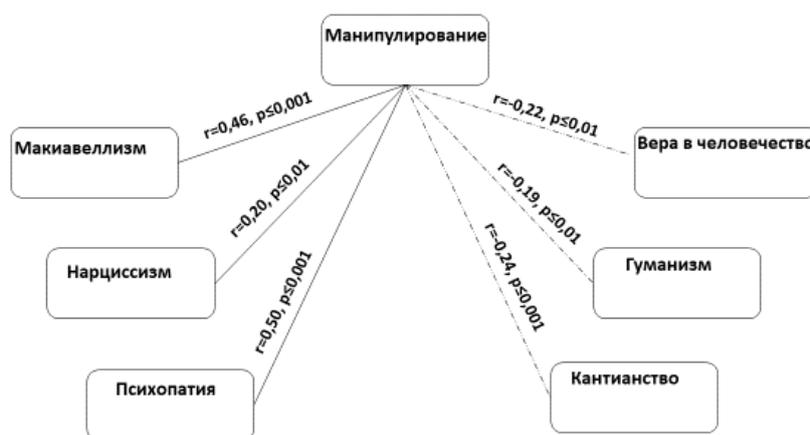
Результаты корреляционного анализа были дополнены регрессионным анализом. Исследование показало, что наилучшие результаты дает выстраивание не общей модели, объединяющей Темную и Светлую триады личности, а моделей, в которых отражается влияние на выбор позиции принуждения Темной триады и Светлой триады отдельно. Этот принцип анализа по отдельным триадам личности нами использовался и во всех дальнейших исследованиях влияния триад личности на выбор позиций взаимодействия.

В результате были получены статистически значимые регрессионные модели ($p = 0,000$) и определены факторы, выступающие в роли предикторов выбора студентами позиции принуждения. Было установлено, что на выбор позиции принуждения наибольшее влияние оказывает неклиническая психопатия ($\beta_3 = 0,96$, $p = 0,000$), несколько меньшее влияние – макиавеллизм ($\beta_1 = 0,24$, $p = 0,04$) и достаточно слабое влияние – нарциссизм ($\beta_2 = 0,2$, $p = 0,067$). Из черт Светлой триады наибольшее отрицательное влияние оказывает кантианство ($\beta_6 = -0,43$, $p = 0,002$).

Обратимся к рисунку 2, на котором отображены взаимосвязи позиции манипулирования с Темной и Светлой триадами личности.

Рисунок 2

Взаимосвязь позиции манипулирования с Темной и Светлой триадами личности

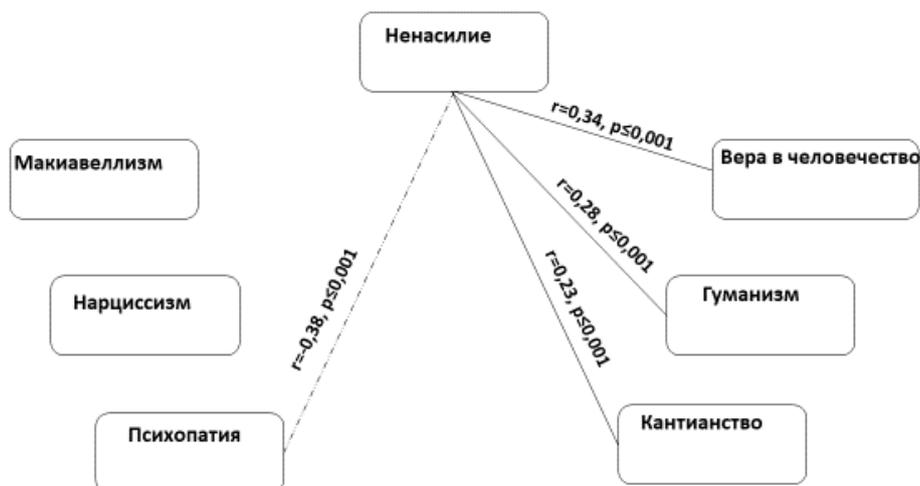

Здесь, как и в предыдущем случае, манипулирование обнаружило положительные связи с Темной триадой и отрицательные – со Светлой триадой личности. Как и следовало ожидать, в соответствии с гипотезой исследования, наряду с психопатией ($r = 0,50$, $p \leq 0,001$) обнаруживается умеренная связь еще и с макиавеллизмом ($r = 0,46$, $p \leq 0,001$) и слабая положительная связь с нарциссизмом ($r = 0,20$, $p \leq 0,01$). Из черт Светлой триады слабая отрицательная связь с манипулированием была выявлена у гуманизма ($r = -0,19$, $p \leq 0,01$), веры в человечество ($r = -0,22$, $p \leq 0,01$) и кантианства ($r = -0,24$, $p \leq 0,01$). Регрессионный анализ дал следующие результаты. Так же, как и в случае с выбором принуждения, ведущую роль играет неклиническая психопатия ($\beta_3 = 0,76$, $p = 0,000$), в то же время возрастает доля макиавеллизма ($\beta_1 = 0,57$, $p = 0,000$) и остается на том же уровне влияние нарциссизма ($\beta_2 = 0,20$, $p = 0,08$), при отрицательном воздействии кантианства ($\beta_6 = -0,31$, $p = 0,02$).

На рисунке 3 нашли отражение результаты корреляционного анализа позиции ненасилия с чертами Темной и Светлой триад личности.

Рисунок 3

Взаимосвязь позиции ненасилия с Темной и Светлой триадами личности

Как видно из рисунка 3, позиция ненасилия положительно коррелирует со всеми показателями Светлой триады личности. Наиболее тесная связь обнаружена между ненасилием и верой в человечество ($r = 0,34, p \leq 0,001$), затем следуют гуманизм ($r = 0,28, p \leq 0,001$) и кантианство ($r = 0,23, p \leq 0,001$). Отрицательный коэффициент корреляции получен между ненасилием и психопатией ($r = -0,38, p \leq 0,001$).

Регрессионный же анализ показал, что принципиальную роль в выборе позиции ненасилия играют два фактора, один из них оказывает положительное влияние, другой – отрицательное. К положительному фактору относится вера в человечество ($\beta_4 = 0,38, p = 0,002$), к отрицательному – психопатия ($\beta_3 = -0,68, p = 0,000$). Иными словами, позицию ненасилия будут предпочитать студенты без проявлений черт психопатии, которые позитивно настроены к людям, считая их в своей основе хорошими, справедливыми и достойными уважения.

Аналогичным образом рассмотрим взаимосвязи с Темной и Светлой триадами личности позиции невмешательства.

Рисунок 4

Взаимосвязь позиции невмешательства с Темной и Светлой триадами личности

Позиция невмешательства (рис. 4) обнаружила всего по одной слабой отрицательной связи с параметрами Темной триады – с нарциссизмом ($r = -0,19, p \leq 0,01$), и Светлой триады – с гуманизмом ($r = -0,18, p \leq 0,01$). В то же время, регрессионный анализ выявил интересный момент, который не был предусмотрен гипотезами настоящего исследования. Было выявлено положительное влияние макиавеллизма на принятие позиции невмешательства. Это влияние не относится к категории сильных, но, тем не менее, оно имеет место быть ($\beta_3 = 0,21, p = 0,05$) несмотря на то, что в процессе корреляционного анализа не было получено значимого коэффициента корреляции между названной позицией и макиавеллизмом ($r = -0,11$, не значимо). Было также установлено, что высокий уровень нарциссизма препятствует выбору названной позиции ($\beta_2 = -0,35, p = 0,004$).

Обсуждение результатов

В современной психологии предпринимаются попытки установить взаимосвязи Темной и Светлой триад с поведением людей в различных сферах жизнедеятельности: в области политики (Peterson & Palmer, 2021), в предпринимательской деятельности (Cooke, 2020; Baldacchino, 2023), в сфере интимных межличностных связей (отношение к неверности) (Sevi, Urganci & Sakman, 2020; Grigoropoulos, 2023), изучается взаимосвязь черт Темной и Светлой триад с ценностными ориентациями (Ucar, Malatyali, Planali & Kanik, 2023). Особое внимание обращается на выявление

роли Темной и Светлой триад в проявлениях агрессии, манипулирования и ненасильственных форм поведения.

Темная триада связана с межличностными манипуляциями, которые требуют навыков ориентировки в социальных ситуациях (Rauthmann, 2011). Психопатия связана с жестким манипулированием, а макиавеллизм и нарциссизм – с мягким (Jonason, Slomski & Partyka, 2012). Carton & Egan (2017), доказали, что низкая доброжелательность оказалась положительно связана с психопатией, а психопатия, в свою очередь, обнаружила сильную связь как с психологическим, так и с физическим/сексуальным насилием. Более того, согласно Jones & Neria (2015), психопатия является предиктором физической агрессии; нарциссизм отрицательно, а макиавеллизм положительно связаны с враждебностью.

Полученные в настоящем исследовании результаты дали возможность существенно уточнить имеющиеся факты о влиянии параметров Темной триады на выбор позиций принуждения и манипулирования. Установлено, что ведущую роль играют два фактора – психопатия и макиавеллизм. Причем при выборе манипулирования, как это и было предусмотрено гипотезой, несколько возрастает значение макиавеллизма, а вот влияние психопатии снижается незначительно. Проявление психопатии и макиавеллизма сопровождается низким уровнем выраженности такого личностного качества, как кантианство. То есть студенты, отдающие предпочтение в процессе взаимодействия позициям принуждения и манипулирования, чаще всего других людей рассматривают в качестве средства для достижения собственных целей.

Светлая триада положительно коррелирует с высоким уровнем духовности, сочувствием, состраданием, доброжелательностью, то есть теми параметрами, которые могут характеризовать позицию ненасилия (Kaufman, Yaden, Hyde & Tsukayama, 2019). Согласно проведенным исследованиям (Ильичев, Золотарева, 2023), шкалы Светлой триады положительно связаны, кроме нейротизма, с личностными факторами большой пятерки. В работе (Dickinson, 2023) доказано, что Темные черты, по сравнению со Светлыми чертами, предсказывают более низкий уровень просоциальности, повышенную готовность к осуществлению аморального выбора.

В настоящем исследовании выявлено, что при ярко выраженной Светлой триаде и одновременно при отсутствии психопатии личность будет отдавать предпочтение позиции ненасилия, которая проявляется в доброжелательном отношении, максимальном учете личности противоположной стороны, использовании различных ненасильственных действий в виде помощи, поддержки, сотрудничества. При этом ведущая роль, как показали результаты регрессионного анализа, принадлежит вере в человечество. В реальной жизни эта черта проявляется в ориентации на позитивные стороны людей, в терпимости, понимании, умении прощать.

Позиция невмешательства не обнаружила положительных связей ни с Темной, ни со Светлой триадами личности. Здесь выявлены всего две отрицательные связи – с нарциссизмом и гуманизмом. В то же время регрессионный анализ выявил факт незначительного, но, тем не менее, статистически значимого влияния на выбор позиции невмешательства макиавеллизма при отрицательном воздействии нарциссизма. Это можно интерпретировать как способность некоторых людей макиавеллистического склада использовать невмешательство как особую форму манипулирования. Как показывают специальные исследования (Маралов и др., 2022), невмешательство в большей степени положительно связано ни с Темной или Светлой триадами личности, а с нейрпсихологической системой торможения поведения (Behavioral Inhibition System – BIS) и с нейротизмом, то есть с эмоциональной неустойчивостью и с повышенной тревожностью.

Таким образом, выдвинутые гипотезы нашли лишь частичное подтверждение.

Темная триада оказалась в большей степени связанной с выбором позиций принуждения и манипулирования, где ведущую роль играют психопатия и макиавеллизм при низком уровне выраженности кантианства, чего не было предусмотрено первой гипотезой.

Светлая триада оказалась положительно связанной с позицией ненасилия, однако ведущую роль играет всего один фактор – вера в человечество, а не все черты Светлой триадой личности, как предполагалось во второй гипотезе. Условием ее выбора является отсутствие у студентов черт неклинической психопатии.

Позиция невмешательства не обнаружила положительных связей ни с Темной, ни со Светлыми триадами личности. В то же время она может быть использована людьми, склонными к проявлениям макиавеллизма, но не нарциссизма, в качестве специфической формы манипулирования, что также не было предусмотрено гипотезой.

Ограничения исследования

В качестве основного **ограничения** настоящего исследования выступает преобладание женского пола в контингенте испытуемых, что связано со спецификой российского образования, когда педагогическое, психолого-педагогическое и психологическое образование получают преимущественно женщины. Соответственно, рекомендации в основном адресованы работе с женским контингентом. С другой стороны, полученные статистически значимые связи дают основания экстраполяции полученных данных на весь контингент студенческой молодежи.

Заключение

Выбор студентами позиций взаимодействия во многом взаимосвязан с Темной и Светлой триадами личности.

Доминирование Темной триады, особенно таких ее составляющих, как психопатия и макиавеллизм, оказывается взаимосвязанным с выбором позиций либо принуждения, либо манипулирования, либо той и другой вместе в зависимости от конкретной ситуации взаимодействия. Их влияние на выбор названных позиций опосредованно низким уровнем кантианства, проявляющимся в стремлении рассматривать других людей в качестве средства достижения собственных целей.

Доминирование Светлой триады личности взаимосвязано с выбором позиции ненасилия. Причем первостепенное значение приобретает одна черта Светлой триады – вера в человечество, которая сочетается с отсутствием наклонностей к проявлениям неклинической психопатии.

Позиция невмешательства не обнаружила положительных связей ни с Темной, ни со Светлыми триадами личности, в то же время выявлено, что в ряде случаев ее будут предпочитать студенты макиавеллистического склада личности в качестве специфической формы манипулирования.

Перспективой дальнейших исследований является выявление влияния на проявления черт Темной и Светлой триад личности ценностных ориентаций и базисных убеждений студентов.

Полученные результаты могут быть использованы как в научных, так и в практических целях, в частности, в процессе формирования у студентов гуманистических установок и способности к ненасильственному взаимодействию.

Литература

- Андреева, Г. М. (2014). Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. Аспект-Пресс.
- Вязовкина, В., Корниенко, Д. С., Неврюев, А. Н. (2023). «Светлая триада»: адаптация и психометрические показатели. *Психологический журнал*, 44(5), 66–75. <https://doi.org/10.31857/S020595920027725-3>
- Егорова, М., Ситникова, М., Паршикова, О. (2015). Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*, 8(43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Ильичев, Н.Р., Золотарева, А.А. (2023). Пилотажная оценка и предварительные психометрические свойства русскоязычной версии шкалы Светлой триады. *Национальный психологический журнал*, 2(50), 3–13. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0201>
- Корнилова, Т. В., Корнилов, С. А., Чумакова, М. А., Талмач, М. С. (2015). Методика диагностики личностных черт «Темной триады». Адаптация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*, 36(2), 99–112.
- Красавцева, Ю. В., Корнилова, Т. В. (2019). Нарциссизм как «светлый» аспект в Темной Триаде. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(4), 65–80. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270405>
- Маралов, В. Г., Кудака, М. А., Смирнова, О. В., Ситаров, В.А., Корягина, И. И., Романюк, Л. В. (2022). Взаимосвязь нейропсихологических и личностных факторов с выбором студентами социэкономической сферы стратегий принуждения или ненасилия. *Интеграция образования*, 26(2), 247–265. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.247-265>

- Маралов, В. Г., Ситаров, В. А., Романюк, Л. В., Корягина, И. И., Кудака, М. А. (2023). Взаимосвязь психологического капитала и выбора студентами позиций взаимодействия и стратегий самоутверждения. *Российский психологический журнал*, 20(2), 137–154. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.9>
- Маралов, В. Г., Ситаров, В. А. (2018). Разработка диагностического опросника по выявлению позиций взаимодействия у студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения. *Знание. Понимание. Умение*, 1, 167–177. <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.1.13>
- Aghababaei, N., & Błachnio, A. (2015). Well-being and the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*, 86, 365–368. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.06.043>
- Baldacchino, L. (2023). *The effects of entrepreneurs' dark and light traits on their coping strategies and psychological well-being*. In: EURAM (European Academy of Management) Annual Conference. Dublin.
- Carton, H., & Egan, V. (2017). The dark triad and intimate partner violence. *Personality and Individual Differences*, 105, 84–88. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.09.040>
- Cooke, P. (2020). Dark entrepreneurship, the 'dark triad' and its potential 'light triad' realization in 'green entrepreneurship'. *Urban Sciences*, 4(4), 45. <https://doi.org/10.3390/urbansci4040045>
- De Holanda Coelho, G., Hanel, P., Monteiro, R., Vilar, R., & Gouveia, V. (2021). The Dark Side of Human Values: How Values are Related to Bright and Dark Personality Traits. *The Spanish Journal of Psychology*, 24(11). <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.58>
- Dickinson, D. L. (2023). Dark Versus Light Personality Types and Moral Choice. In: *IZA Discussion Paper*, 16338. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4526263>
- Gerymski, R., & Krok, D. (2019). Psychometric properties and validation of the Polish adaptation of the Light Triad Scale. *Current Issues in Personality Psychology*, 7(4), 341–354. <https://doi.org/10.5114/cipp.2019.92960>
- Gouveia, V., Vasconcelos de Oliveira, I. C., Moura Grangeiro, A.S.d. et al. (2021). The Bright Side of the Human Personality: Evidence of a Measure of Prosocial Traits. *Journal of Happiness Studies*, 22(3), 1459–1480. <https://doi.org/10.1007/s10902-020-00280-2>
- Grigoropoulos, I. (2023). Unraveling the Intrapersonal Factors Related to Infidelity: The Predictive Value of Light and Dark Personality Traits in a Convenient Greek Women Sample. *Sexuality & Culture*, 28, 400–424. <https://doi.org/10.1007/s12119-023-10123-w>
- Hadházi, E. B., Filep, R., Kőmíves, P. M., Kun, A. I., Ujhelyi, M., & Dajnoki, K. (2023). Examination of the Correlation Between Ethical Attitudes and Dark Triad Personality Traits Among University Students. *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*, 16(3), 159–172. <https://doi.org/10.7160/eriesj.2023.160301>
- Javanmard, S., Borjali, A., Eskandari, H., & Farokhi, N. A. (2020). The Structural Model of Social Well-being in workplace based on Bright-side Personality, Dark Triad and Collectivism Culture, Considering the Mediating Role of Social Influence. *International Journal of Applied Behavioral Sciences*, 7(4), 34–49. <https://doi.org/10.22037/ijabs.v7i4.31187>
- Jonason, P. K., Luevano, V. X., & Adams, H. M. (2012). How the Dark Triad traits predict relationship choices. *Personality and Individual Differences*, 53(3), 180–184. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.03.007>
- Jonason, P. K., Slomski, S., & Partyka, J. (2012). The Dark Triad at work: How toxic employees get their way. *Personality and Individual Differences*, 52(3), 449–453. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.11.008>
- Jonason, P. K., & Tost, J. (2010). I just cannot control myself: The dark triad and self-control. *Personality and Individual Differences*, 49(6), 611–615. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.05.031>

- Jonason, P. K., & Webster, G. D. (2010). The dirty dozen: A concise measure of the dark triad. *Psychological Assessment, 22*(2), 420–432. <https://doi.org/10.1037/a0019265>
- Jones, D. N., & Figueredo, A. J. (2013). The core of darkness: Uncovering the heart of the Dark Triad. *European Journal of Personality, 27*(6), 521–531. <https://doi.org/10.1002/per.1893>
- Jones, D. N., & Neria, A. L. (2015). The Dark Triad and dispositional aggression. *Personality and Individual Differences, 86*, 360–364. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.06.021>
- Jones, D. N., & Paulhus, D. L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. *Assessment, 21*(1), 28–41. <https://doi.org/10.1177/1073191113514105>
- Kaufman, S. B., Yaden, D. B., Hyde, E., & Tsukayama, E. (2019). The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature. *Frontiers in Psychology, 10*, 467.
- Musek, J., Grum, D. K. (2021) The bright side of personality. *Heliyon, 7*(3), e06370. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06370>
- Neumann, C. S., Kaufman, S. B., ten Brinke, L., Yaden, D. B., Hyde, E., & Tsukayama, E. (2020) Light and dark trait subtypes of human personality – A multi-study person-centered approach. *Personality and Individual Differences, 164*. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110121>
- Paulhus, D. L., & Williams, K. M. (2002) The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Research in Personality, 36*(6), 556–563. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
- Pailing, A., Boon, J., & Egan, V. (2014) Personality, the Dark Triad and violence. *Personality and Individual Differences, 67*, 81–86. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.11.018>
- Peterson, R. D., & Palmer, C. L. (2021). The dark is rising: Contrasting the dark triad and light triad on measures of political ambition and participation. *Frontiers in Political Science, 3*, 657750. <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.657750>
- Rauthmann, J. F. (2011). Acquisitive or protective self-presentation of dark personalities? Associations among the Dark Triad and self-monitoring. *Personality and Individual Differences, 51*(4), 502–508. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.05.008>
- Sevi, B., & Doğruyol, B. (2020) Looking from the bright side: The Light Triad predicts Tinder use for love. *Journal of Social and Personal Relationships, 37* (7), 2136–2144. <https://doi.org/10.1177/0265407520918942>
- Sevi, B., Urganci, B., & Sakman, E. (2020). Who cheats? An examination of light and dark personality traits as predictors of infidelity. *Personality and Individual Differences, 164*, Article 110126. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110126>
- Ucar, G. K., Malatyali, M. K., Planali, G. Ö., & Kanik, B. (2023). Personality and pro-environmental engagements: the role of the Dark Triad, the Light Triad, and value orientations. *Personality and Individual Differences, 203*, 112036. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.112036>
- Wai, M., & Tiliopoulos, N. (2012). The affective and cognitive empathic nature of the dark triad of personality. *Personality and Individual Differences, 52*(7), 794–799. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.008>

Поступила в редакцию: 23.10.2023

Поступила после рецензирования: 15.12.2024

Принята к публикации: 25.04.2024

Заявленный вклад авторов

Владимир Георгиевич Маралов – формулирование основной концепции исследований; разработка методологии исследования; подбор диагностического

инструментария, вторичная обработка результатов, подготовка выводов и окончательного варианта текста статьи.

Марина Александровна Кудака – участие в анализе литературы, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Череповецкого государственного университета, подготовка первичного варианта текста статьи.

Ольга Валериевна Смирнова – участие в анализе литературы, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Череповецкого государственного университета, подготовка первичного варианта текста статьи.

Информация об авторах

Владимир Георгиевич Маралов – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Российская Федерация; WoS Researcher ID: X-5925-2018, Scopus ID: 57128513900, Author ID: 633771, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>; e-mail: vgmaralov@yandex.ru

Марина Александровна Кудака – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Российская Федерация; WoS Researcher ID: V-2277-2018; Author ID: 371039; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>, e-mail: kydakam@mail.ru

Ольга Валериевна Смирнова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Российская Федерация; Author ID: 396763; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>, e-mail: novale@inbox.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.14>

Самоуничижительный юмор в жизни и интернет-среде: онтологические предикторы и связь с самооощением у молодых людей

Виктория Д. Вороная^{1*}, Евгений А. Проненко²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: voronaya@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Самоуничижительный юмор – унижение человеком самого себя через шутки или действия – распространенное явление как в межличностном, так и в интернет-общении молодежи. Юмор – зеркало самооощения, и мы предполагаем, что предпочтение самоуничижительного стиля юмора связано с негативным самооощением, поиском защитных «масок», в том числе масок «Ложного Я», или с наличием актуальных личностных проблем. Цель нашего исследования – выявить онтологические предикторы выбора самоуничижительного стиля юмора и его связи с самооощением и самооощкой личности. **Методы.** Количество респондентов – 174 человека, средний возраст – 19,2 года. Методики: опросник стилей юмора Р. Мартина; психометрическая методика «Онтологическая уверенность» Н. В. Коптевой; тест-опросник самооощения В. В. Столина, С. Р. Пантिलеева; шкала самооощки Розенберга в адаптации А. А. Золотаревой; и анкета, направленная на уточнение использования самоуничижительного юмора в общении и поведении. Для обработки результатов применены расчет корреляций и регрессионный анализ. **Результаты.** Самоуничижительный юмор имеет отрицательные связи с общим уровнем онтологической уверенности, самооощенностью и показателем самооощки. Самоуничижительный юмор положительно связан со шкалой «Ложное Я», с внутренней конфликтностью и самообвинением. Регрессионный анализ показал, что: первая модель с переменной «Ложное Я» объясняет изменчивость использования самоуничижительного юмора на 34,6%, вторая модель с переменной

«Ложное Я» и переменной самообвинения имеет более высокий коэффициент детерминации и объясняет изменчивость самоуничижительного юмора на 37,4%. **Обсуждение результатов.** Выбор самоуничижительного стиля юмора обусловлен низким уровнем онтологической уверенности, негативным отношением и пониженной самооценкой. Самоуничижительный юмор действительно может выступать маркером наличия переживаний, связанных с отсутствием самооценки и самообвинением, неприятием себя, с отсутствием внутренней опоры и связей с другими людьми. Самоуничижительный юмор через шутки или интернет-мемы может выступать как средство разрядки накопившегося внутреннего напряжения.

Ключевые слова

самоуничижительный юмор, стили юмора, онтологическая уверенность, отношение, самооценка, самообвинение, самооценка, Ложное Я

Для цитирования

Вороняя, В. Д., Проненко, Е. А. (2024). Самоуничижительный юмор в жизни и интернет-среде: онтологические предикторы и связь с отношением у молодых людей. *Российский психологический журнал*, 21(2), 240–262. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.14>

Финансирование

Статья выполнена при поддержке РФФИ (Проект 22-78-10107): «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы»

Введение

Самоуничижительный стиль юмора имеет разрушительный характер для личности человека, хотя момент шутки над собой может казаться ему лучшим вариантом сохранить свою идентичность

Юмор – важная составляющая жизни (Wilkins & Eisenbraun, 2009) и довольно многогранная конструкция: с помощью юмора можно подбодрить других, самого себя, преодолеть трудности и конфликтные ситуации, транслировать систему ценностей, строить и поддерживать (или, напротив, разрушать) отношения с другими людьми, выразить себя через творчество – юмор связан со всеми сферами жизни (Ivanova, Enikolopov & Mitina, 2014; Leist & Müller, 2013; Мартин, 2009;

Лаврешина, Дикая, 2016). Среди типов юмора Р. Мартин (2009) выделяет адаптивные: аффилиативный и самоподдерживающий, и дезадаптивные: агрессивный и самоуничижительный типы юмора. Дезадаптивные стили юмора наносят ущерб отношениям индивида – и с обществом, как в случае агрессивного, и с самим собой – как в случае самоуничижительного.

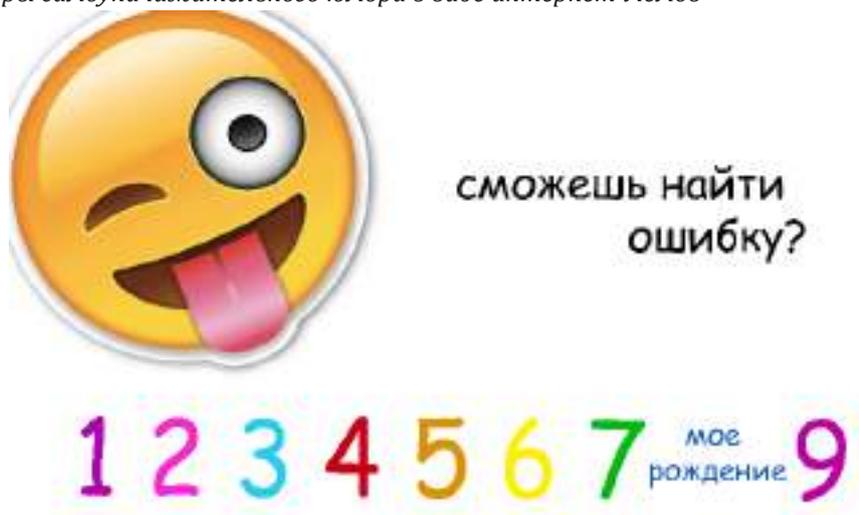
Самоуничижительный юмор

Самоуничижительный (self-defeating) стиль юмора – юмор «в ущерб самому себе» (Cortello, 2019). При самоуничижительном стиле юмора шутки или действия личности направлены против самой себя (Иванова и др., 2013). Так, человек, предпочитающий самоуничижительный стиль юмора, может:

1. Рассказывать окружающим что-нибудь смешное о своих слабостях, ошибках, личных качествах или промахах, чтобы вызвать их эмоциональную реакцию;
2. Провоцировать ситуации, подвергаящие его насмешкам, намеренно выставляя себя объектом шуток;
3. «Клоунничать», выставляя себя «шутком» в коллективе: поддерживать напускное приподнятое настроение в момент самоуничижительных шуток или действий.
4. Поддерживать критические замечания или агрессивные шутки других людей в его сторону;
5. Сохранять на персональных страницах и рассылать в Интернете мемы и шутки самоуничижительного характера. Пример таких Интернет-мемов представлен на рисунке 1.

Рисунок 1

Примеры самоуничижительного юмора в виде интернет-мемов

Что общего у меня с
моим ноутбуком:
1. Мы оба медленно работаем.
2. Тяжело отходим от спящего
режима.
3. Не можем выполнить базовые
задачи.

**Я самая настоящая
жемчужина!**

ведь я
на самом
дне

Самоуничижительный юмор – унижение личностью самой себя (Cortello, 2019), «заискивание» перед другими с целью получения их признания (Zhang et al, 2021; Мартин, 2009) и одобрения за счет собственной репутации (Сергеев и др., 2012). Самоуничижительный стиль юмора дезадаптивен и препятствует установлению близкого и искреннего контакта с другими людьми (Meyer et al., 2017; Tucker et al., 2014). Однако в отличие от других стилей юмора, самоуничижительный юмор может выступать как защитная реакция, позволяющая избежать решения определенной проблемы или скрыть негативные чувства, задеты при общении (Kester, 2021, Shaikh & Vyas, 2022; Сергеев и др., 2012).

Хоть самоуничижительные шутки и помогают снять напряжение, возникающее при общении, в краткосрочной перспективе (Хазова, 2012), в дальнейшем самоуничижительный юмор может усиливать ощущение одиночества и незначимости, негативно влиять на самооценку и самоотношение личности (Zhang et al., 2021). Самоуничижительный юмор может усиливать суицидальную

идеацию – фактически, это стиль юмора, приводящий к саморазрушению (Tucker et al., 2014), хоть и непреднамеренному (Baumeister & Scher, 1988).

Онтологическая уверенность

Как так выходит, что ради поиска одобрения других человек прибегает к самоуничижительному юмору – форме саморазрушающего поведения? Р. Лэйнг пишет о том, что причина заискивания перед другими – это страх: *«ибо почему еще будет действовать кто-либо в соответствии не со своими намерениями, а с чужими?»* (Лэйнг, 1995, с. 46). Истинное ли это желание человека: принижать себя шутками, чтобы строить отношения с другими людьми, или мы имеем дело с фасадной частью личности, защищающую истинное «Я» человека?

Использование защитного отрицания, нехватка самооценности, утрата витального контакта с людьми и миром, переживание глубоких тревог, ощущение себя «скорее мертвой, чем живой» – характеристики онтологически неуверенной личности (Коптева, 2009, с. 1; Baumeister & Scher, 1988). Онтологическая уверенность же – это переживание человеком «себя» живым и ценным в этом безопасном мире «вместе», в единстве с другими людьми, это аксиома переживания целостности своего бытия (Коптева, 2009). «Истинное Я» онтологически уверенной личности переживает свою целостность и автономию; «Ложное Я» переживает дереализацию, отчужденность от других людей, потерю контакта с миром (Oakes, 2021).

Ложное Я

«Ложное я» – один из способов личности не быть собой (Лэйнг, 1995); оно закрепляется, когда вместо самопредъявления и проявления себя в мире личность выбирает действовать в соответствии с желаниями и потребностями других людей; возможно, из-за страха или попытки защититься. «Ложное Я» отчуждено от других людей и отстранено от себя. «Система ложного Я» пытается вступить в контакт с другими людьми, выступая «маской», но никогда не достигнет общности с людьми и миром (Коптева, 2017). «Ложное Я» – маркер невоплощенности человека и неподлинности его существования.

Проблематика исследования

Если юмор человека – это «зеркало» его самооотношения (Жамбулова, 2019, с. 64), то можем ли мы говорить, что за выбором стиля юмора стоят скрытые внутриличностные процессы? Мы хотим проверить, действительно ли самоуничижительный стиль юмора связан с негативным самооотношением и низкой самооценкой личности и является ли низкий уровень онтологической уверенности его предиктором.

И если самоуничижительный юмор – это форма «защитного отрицания», позволяющего скрывать отрицательные чувства или избегать конструктивного

решения проблем» (Сергеев и др., 2012, с. 75), связан ли он с конструктом «Ложного Я»? Мы предполагаем, что предпочтение самоуничижительного стиля юмора отрицательно связано с самооценкой и самоотношением, а предиктор выбора стиля юмора – повышенное проявление «Ложного Я», которое является отражением низкого уровня онтологической уверенности.

Цель нашего исследования – определить, является ли низкая онтологическая уверенность предиктором выбора самоуничижительного стиля юмора и выявить его связи с самооценкой и самоотношением.

Методы

Выборка

Общее количество респондентов – 174 человека. Средний возраст 19,2 года. В общей выборке: 17 мужчин (10% выборки), 157 женщин (90% выборки). Респонденты принимали участие в опросе добровольно.

Методики

В исследовании были использованы следующие диагностические методики:

1. Анкета, направленная на уточнение аспектов использования самоуничижительного юмора молодыми людьми. Анкета была составлена на основе анализа литературных источников и предварительного интервью молодых людей, предпочитающих самоуничижительный стиль юмора в межличностном или Интернет-общении. По каждому из пунктов респондент выражал степень проявления каждого состояния по шкале от 1 («Редко») до 10 («Часто»). Составление собственной анкеты было вызвано желанием установить, с какими конкретными проявлениями в общении и поведении может быть связано стремление молодых людей использовать самоуничижительный юмор.

Утверждения анкеты

1. В компании друзей или одноклассников я шучу над своими действиями, чертами личности или особенностями;
2. В компании друзей или одноклассников я шучу над собой ради привлечения внимания;
3. Когда шутка над собой привлекает внимание компании и благодаря ней удается наладить контакт, мне хорошо;
4. Чтобы избежать разговора с кем-то о моих истинных чувствах или мыслях, мне проще отшутиться, посмеявшись над собой;

5. Иногда мне кажется, что я уничтожаю себя своими шутками;
6. Лучше я подшучу над собой, чем надо мной подшутят другие;
7. Я специально выставляю себя шутком или клоуном;
8. Образ клоуна помогает расположить к себе других людей;
9. На самом деле, мне становится плохо, когда я понимаю, что все мои шутки над собой и веселость в течение дня были притворством;
10. Пошутив над собой, даже жестоко или грубо, я смогу повеселить компанию;
11. Я ужасный человек;
12. Не будь я собой, жить было бы проще;
13. Меня привлекают самоуничтожающие, депрессивные мемы;
14. Когда мне плохо, я еще больше унижаю себя.

2. Опросник стилей юмора Р. Мартина (Humor Styles Questionnaire, HSQ) для определения доминирующего стиля юмора;

3. Психометрическая методика «Онтологическая уверенность», ОУ (ПМ) (Н. В. Коптева);

4. Тест-опросник самооотношения С. Р. Пантилеева;

5. Шкала самоуважения (самооценки) Розенберга (Rosenberg Self-Esteem Scale, RSES) в адаптации А. А. Золотаревой.

Сбор данных проводился на платформе Google Forms. Расчёт количественных данных был проведен в программе Excel; математическая обработка данных – в программе SPSS Statistica 27. Для расчета корреляций был применен непараметрический критерий Спирмена. Для оценки влияния параметров был применен регрессионный анализ.

Результаты

Самоуничижительный юмор и онтологическая уверенность: результаты корреляционного анализа

Первый этап анализа – выяснение силы взаимосвязи между использованием самоуничижительного юмора и показателями онтологической уверенности.

Корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена показал, что со всеми шкалами психометрической методики «Онтологическая уверенность» и шкалой самоуничижительного стиля юмора имеются статистически значимые взаимосвязи. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляционные связи шкалы «Самоуничижительный юмор» опросника стилей юмора со шкалами методики «Онтологическая уверенность»

Переменные	Самоуничижительный юмор
Общий уровень онтологической уверенности	-,377**
Витальные контакты с миром	-,264**
Витальные контакты с людьми	-,187*
Автономия	-,304**
Ложное я	,560**

Примечание: ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Была выявлена умеренная отрицательная взаимосвязь самоуничижительного стиля юмора с общим уровнем онтологической уверенности ($-0,377$, $p \leq 0,01$) и уровнем автономии ($-0,304$, $p \leq 0,01$). Слабые взаимосвязи самоуничижительного юмора установлены со шкалами «Витальные контакты с миром» ($-0,264$, $p \leq 0,01$), и «Витальные контакты с людьми» ($-0,187$, $p \leq 0,05$).

Главным результатом корреляционного анализа стала положительная взаимосвязь средней силы самоуничижительного юмора со шкалой «Ложное Я» ($0,560$, $p \leq 0,01$).

Результаты корреляционного анализа показывают, что чем более выражена онтологическая неуверенность, тем больше человек будет использовать самоуничижительный юмор. Чем более проявлены во внутреннем опыте человека ощущение бессмысленности, нехватка самооценности, ощущение себя «скорее мертвым, чем живым» – тем более унижения самого себя будет проявляться в шутках или действиях. Разобщенность с другими людьми, зависимость от обстоятельств (низкая автономия) также будут способствовать предпочтению деструктивного стиля юмора. Хотя шкалы «Витальные контакты с миром» и «Витальные контакты с людьми» имеют статически значимые корреляции со шкалой самоуничижительного юмора, эти корреляции довольно слабы. Можно сказать, что переживание «чувства себя в мире как у себя дома», переживание себя «вместе с другими людьми в этом мире» тесно не связано с использованием самоуничижительного юмора.

Связь самоуничижительного юмора с конструктом «Ложного Я» довольно сильна. Чем более во внутреннем опыте личности проявляется ощущение внутренней пустоты и отстраненности от собственного тела, поведения и собственно «Я», несоответствие между своей настоящей сущностью и транслируемым вовне

поведением, тем с большей вероятностью он будет выбирать для своих шуток самоуничижительный юмор.

Самоуничижительный юмор и самооотношение: результаты корреляционного анализа

Второй этап – исследование силы взаимосвязей между шкалой самоуничижительного юмора и показателями самооотношения по тесту-опроснику самооотношения С. Р. Пантелеева. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Корреляционные связи шкалы «Самоуничижительный юмор» опросника стилей юмора и шкал методики «Тест-опросник самооотношения»

Переменные	Самоуничижительный юмор
Внутренняя честность	-,359**
Самоуверенность	-,402**
Саморуководство	-,353**
Отраженное Самоотношение	-,400**
Самоценность	-,439**
Самопринятие	-,223**
Самопривязанность	-,222**
Внутренняя Конфликтность	,447**
Самообвинение	,460**

Примечание. **Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), *Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена показал, что использование самоуничижительного юмора имеет умеренные отрицательные корреляции с такими положительными аспектами самооотношения, как:

- внутренняя честность (-0,359, $p \leq 0,01$),
- самоуверенность (-0,402, $p \leq 0,01$),
- саморуководство (-0,353, $p \leq 0,01$),
- отраженное самооотношение (-0,400, $p \leq 0,01$),
- самооценность (-0,439, $p \leq 0,01$).

Обнаружены слабые отрицательные взаимосвязи с такими показателями, как самопринятие ($-0,223, p \leq 0,01$) и самопривязанность ($-0,222, p \leq 0,01$).

Умеренные положительные взаимосвязи самоуничижительного стиля юмора также обнаружены с такими отрицательными аспектами самооценки, как внутренняя конфликтность ($0,447, p \leq 0,01$) и самообвинение ($0,460, p \leq 0,01$).

Склонность использовать самоуничижительный стиль юмора в общении, таким образом, связана с особенностями самооценки. Чем меньше человек ощущает ценность собственной личности, жизни и продуктов деятельности, и чем меньше верит в ценность своего «Я» для других, тем больше он будет склонен к использованию самоуничижительного юмора. Отрицательная связь с самооценкой в нашем исследовании наиболее значима – чрезмерное использование самоуничижительного юмора может быть маркером деструктивных переживаний собственной незначимости и отсутствия ценности. Чем чаще у человека проявляется внутреннее описание себя как неуверенного, несамостоятельного, ленивого человека – тем чаще человек может использовать самоуничижительные шутки. Далее, чем меньше человек верит, что его личность, характер и деятельность способны вызвать у других уважение, симпатию, одобрение и понимание – тем чаще он будет прибегать к самоуничижению через юмор, например, к обесцениванию своего опыта и достижений и унижению своей личности. Пассивность и отсутствие веры в собственную способность изменить свою жизнь также будут способствовать более частому проявлению самоунижения.

«Ворон негативных переживаний» в сторону своего «Я» связан с использованием самоуничижительного юмора: чем выше у человека степень внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, тревожно-депрессивных состояний, сопровождаемых переживанием чувства вины, тем больше он будет склонен использовать самоуничижительный юмор. С повышенным его использованием связано и самообвинение: готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки.

Соответственно, антиподы самопринятия – неприятие себя, комплекс негативных переживаний в свой адрес – также могут проявляться через использование самоуничижительного юмора. Однако, связь самопринятия и самоуничижительного стиля юмора не так значима, как связь юмора и самооценки. Можно предположить, что психологическая работа с молодыми людьми, чрезмерно использующими самоуничижительный стиль юмора, должна в первую очередь строиться на укреплении или формировании базовой самооценки человека, и уже в дальнейшем на работе с самопринятием.

Самоуничижительный юмор и самооценка: результаты корреляционного анализа

Далее мы определили силу связи между использованием самоуничижительного юмора и показателем самооценки по методике «Шкала самооценки» Розенберга.

Стоит отметить, что чаще встречается перевод данной шкалы как «Шкалы самоуважения», однако мы опираемся на адаптацию (Золотарева, 2020), где применен перевод шкалы как «Шкалы самооценки».

Корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена показал, что использование самоуничижительного юмора имеет умеренную отрицательную связь с показателем самооценки ($-0,473$, $p \leq 0,01$). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Корреляционные связи шкалы «Самоуничижительный юмор» опросника стилей юмора и шкалы самооценки

Переменные	Самоуничижительный юмор
Самооценка	$-0,473^{**}$

Примечание. ****** корреляция значима на уровне $0,01$ (двухсторонняя), ***** корреляция значима на уровне $0,05$ (двухсторонняя).

То есть, чем ниже общий показатель самооценки, тем более человек склонен использовать самоуничижительный юмор.

Самоуничижительный юмор и особенности его применения (вопросы анкеты): результаты корреляционного анализа

Задачей корреляционного анализа шкалы самоуничижительного юмора и вопросов авторской анкеты было определение того, как использование самоуничижительного юмора проявляется непосредственно в жизни. В качестве косвенной оценки нами был использован метод корреляций – с помощью критерия Спирмена была определена связь между степенью использования самоуничижительного юмора и оценкой респондентами утверждений анкеты-опросника.

Как видно из таблицы 4, все оценки утверждений имеют статически значимые положительные взаимосвязи при $p \leq 0,01$. Можно сказать, что утверждения, сформулированные в анкете, являются отражением реального поведения людей, использующих самоуничижительный юмор.

Таблица 4

Корреляционные связи шкалы «Самоуничижительный юмор» и оценкой утверждений анкеты

Переменные / Утверждения анкеты	Самоуничижительный юмор
1. В компании друзей или одноклассников я шучу над своими действиями, чертами личности или особенностями	,548**
2. В компании друзей или одноклассников я шучу над собой ради привлечения внимания	,529**
3. Когда шутка над собой привлекает внимание компании и благодаря ней удается наладить контакт, мне хорошо	,506**
4. Чтобы избежать разговора с кем-то о моих истинных чувствах или мыслях, мне проще отшутиться, посмеявшись над собой	,440**
5. Иногда мне кажется, что я уничтожаю себя своими шутками	,463**
6. Лучше я подшучу над собой, чем надо мной подшутят другие	,389**
7. Я специально выставляю себя шутком или клоуном	,523**
8. Образ клоуна помогает расположить к себе других людей	,573**
9. На самом деле, мне становится плохо, когда я понимаю, что все мои шутки над собой и веселость в течение дня были притворством	,451**
10. Пошутив над собой, даже жестоко или грубо, я смогу повеселить компанию	,565**
11. Я ужасный человек	,386**
12. Не будь я собой, жить было бы проще	,413**
13. Меня привлекают самоуничтожающие, депрессивные мемы	,430**
14. Когда мне плохо, я еще больше унижаю себя	,448**

Примечание. ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Мы можем обобщить первые 3 утверждения и утверждение 10: что человек, использующий самоуничижительный юмор в знакомой компании, использует в качестве предмета насмешек свои действия, черты личности или особенности ради привлечения внимания. Когда такой насмешкой удастся рассмешить участников компании – шутник чувствует себя субъективно «хорошо», получает удовлетворение, хотя он может шутить над собой и жестоко, и грубо. Корреляции средней силы с утверждениями 7 и 8 показывают, что человек, использующий самоуничижительный юмор, готов сознательно выбрать роль шута или «клоуна» для того, чтобы расположить к себе других людей. Шутливость и веселость в итоге могут оказаться притворством (утверждение 9), и, постепенно уничтожая самого себя (утверждение 5), шутник остается в конце дня с ощущением себя ужасным человеком (утверждение 11), которому хотелось бы перестать быть собой (утверждение 12) – и это ведет только к еще более глубокому самоунижению (утверждение 14).

С другой стороны, если рассмотреть, оценки каких утверждений имеют больше всего взаимосвязей, то это следующие утверждения: 5) Иногда мне кажется, что я уничтожаю себя своими шутками, 9) На самом деле, мне становится плохо, когда я понимаю, что все мои шутки над собой и веселость в течение дня были притворством, 11) Я ужасный человек, 12) Не будь я собой, жить было бы проще, 13) Меня привлекают самоуничтожающие, депрессивные мемы, 14) Когда мне плохо, я еще больше унижаю себя.

Особенности применения самоуничижительного юмора (вопросы анкеты) и самооотношение, самооценка, онтологические аспекты: результаты корреляционного анализа

Следующим этапом анализа было проанализировать взаимосвязи между оценками 14 утверждений нашей анкеты и шкалами методик: теста-опросника самооотношения, психометрической методики «Онтологическая уверенность» и шкалы самооценки Розенберга.

Корреляционный анализ, проведенный с помощью критерия Спирмена, показал наличие большого количества взаимосвязей. В таблице 5 показаны только статистически значимые корреляции с коэффициентом больше 0,3.

По количеству и силе связей видно, что больше всего с оценками утверждений анкеты связаны такие шкалы, как внутренняя конфликтность, самообвинение, общий показатель онтологической уверенности, ложное Я, и шкала самооценки. Эти результаты подтверждают, что вопросы анкеты уточняют и обогащают особенности применения самоуничижительного юмора в повседневном опыте молодых людей, а также раскрывают психологические переживания, которыми сопровождается его использование.

Таблица 5

Корреляционные связи и оценкой утверждений анкеты с аспектами самооотношения, онтологической уверенности и уровнем самооценки

Переменные/ утверждения анкеты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Методика исследования самооотношения														
Внутренняя честность									-,369**		-,312**		-,326**	
Самоуверенность									-,309**		-,317**	-,387**	-,335**	-,392**
Самоуправление											-,327**	-,361**	-,339**	-,373**
Отраженное самооотношение						-,317**			-,330**		-,335**	-,360**	-,358**	-,302**
Самоценность					-,323**				-,362**		-,430**	-,360**	-,378**	-,421**
Самопринятие														-,339**
Самопривязанность									-,315**		-,334**	-,352**		-,367**
Внутренняя конфликтность				,321**	,316**				,414**		,390**	,451**	,392**	,484**
Самообвинение				,367**	,345**	,352**	,309**		,505**		,569**	,534**	,483**	,582**
Психометрическая методика «Онтологическая уверенность»														
Общий показатель онтологической уверенности				-,385**	-,433**	-,375**	-,426**	-,327**	-,458**	-,352**	-,475**	-,556**	-,516**	-,541**
Витальные контакты с миром					-,340**		-,342**		-,352**		-,385**	-,493**	-,476**	-,463**
Витальные контакты с людьми							-,340**		-,309**		-,320**	-,414**	-,402**	-,367**
Автономия		-,307**			-,318**	-,336**	-,373**		-,348**	-,333**	-,334**	-,444**	-,398**	-,495**
Ложное Я			,442**		,442**	,360**	,348**	,340**	,516**	,361**	,528**	,538**	,533**	,525**
Шкала самооценки Розенберга														
Самооценка	-,317**			-,377**	-,394**	-,380**	-,365**	-,393**	-,429**	-,347**	-,501**	-,519**	-,447**	-,538**

Примечание. ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

**Онтологическая уверенность, самоотношение и самооценка:
 результаты корреляционного анализа**

Заключительным этапом проведения корреляционного анализа с помощью критерия Спирмена было выявление взаимосвязей между шкалами онтологической уверенности, самоотношением и самооценкой, в таблице 6 показаны статистически значимые корреляции с коэффициентом больше 0,3.

Таблица 6
 Корреляционные связи шкал психометрической методики «Онтологическая уверенность», шкалами методики исследования самоотношения и самооценкой

Переменные	Общий показатель онтологической уверенности	Витальные контакты с миром	Витальные контакты с людьми	Автономия	Ложное Я
Внутренняя честность					-,425**
Самоуверенность	,518**	,515**	,378**	,449**	-,547**
Самоуправление	,523**	,543**	,405**	,467**	-,414**
Отраженное самоотношение	,470**	,403**	,418**	,357**	-,502**
Самоценность	,489**	,352**	,385**	,418**	-,529**
Самопринятие					
Самопривязанность	,374**	,445**		,345**	-,347**
Внутренняя конфликтность	-,467**	-,407**		-,406**	,633**
Самообвинение	-,466**	-,410**		-,411**	,569**
Самооценка	,710**	,673**	,488**	,694**	-,607**

Примечание. ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Было обнаружено множество статистически значимых взаимосвязей практически между всеми шкалами теста-опросника самооценения и методики «Онтологическая уверенность», за исключением шкалы «Самопринятие».

В данном исследовании нас больше всего интересует шкала «Ложное Я». «Ложное Я» имеет следующие самые сильные взаимосвязи: отрицательные связи средней силы с самоуверенностью ($-0,547, p \leq 0,01$), самооценностью ($-0,529, p \leq 0,01$), положительные связи средней силы с внутренней конфликтностью ($0,633, p \leq 0,01$) и самообвинением ($0,569, p \leq 0,01$).

Результаты регрессионного анализа

Для поиска онтологических предикторов самоуничижительного юмора и проверки гипотезы о том, что на самоуничижительный юмор оказывает влияние повышенное «Ложное Я», а также повышенное самообвинение и внутриличностная конфликтность, был применен множественный регрессионный анализ с помощью метода пошагового включения. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 7.

Таблица 7

Результаты регрессионного анализа

№	R ²	Модель	Коэффициенты ^а			t	Знч.
			Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
			B	Стд. Ошибка			
1	,346	(Константа)	11,054	1,714		6,448	,000
		Ложное Я	,793	,083	,588	9,545	,000
2	,374	(Константа)	9,513	1,771		5,371	,000
		Ложное Я	,640	,098	,475	6,497	,000
		Самообвинение	,866	,313	,203	2,772	,006

а. Зависимая переменная: Самоуничижительный юмор

В результате двух итераций было установлено, что значимое влияние на самоуничижительный юмор оказывают такие показатели, как ложное «Я» и самообвинение, в то время как показатель внутриличностной конфликтности не продемонстрировал значимого результата и был исключен из обеих полученных моделей. Первая из них содержит только одну переменную – «Ложное Я», при изменении которой на одну единицу самоуничижительный юмор изменяется на 0,793. Данный вариант модели имеет коэффициент детерминации 0,346 и объясняет изменчивость зависимой переменной на 34,6%. Вторая модель включала в себя помимо переменной «Ложное Я» также показатель самообвинения, при изменении которого на одну единицу зависимая переменная изменяется на ,866. В то же время, вес «Ложного Я» в данной модели снизился – теперь он составляет ,640. Это означает, что при наличии у субъекта самообвинения его «Ложное Я» оказывает меньшее влияние на самоуничижительный юмор. При этом данная модель имеет более высокий коэффициент детерминации в сравнении с моделью, содержащей лишь переменную «ложное Я», – 0,374. Из этого следует, что она объясняет изменчивость самоуничижительного юмора на 37,4%.

Обсуждение результатов

Самоуничижительный юмор и онтологическая уверенность

Полученные в ходе исследования данные подтвердили связь использования самоуничижительного юмора с онтологической уверенностью. Наличие положительной связи средней силы между шкалой «ложного Я» и шкалой самоуничижительного юмора подтверждает нашу гипотезу: чрезмерное использование самоуничижительного стиля юмора отражает переживание онтологической неуверенности, отчужденности человека от самого себя, выступая способом отрицания или избегания проблем. Регрессионный анализ подтвердил, что «Ложное Я» как компонент онтологической уверенности вносит существенный вклад в выбор именно самоуничижительного стиля юмора. Можно сказать, что человек, использующий самоуничижительный юмор в межличностном общении или интернет-коммуникации, обладает низким уровнем онтологической уверенности.

В ходе предварительного интервью (необходимого нам для составления анкеты) один из респондентов писал:

«Мое "Истинное я" слабее "Ложного", и показывать я его особо и не хочу никому. Мало кому интересно оно, а каждый раз, когда я его открываю, я получаю лишь боль, поэтому и появился образ [шута]».

Можно предположить, что использование самоуничижительного юмора вызывается именно внутриличностными проблемами, динамикой самоотношения самой личности, но не проблемами взаимоотношений с другими людьми (шкала «Витальные контакты с людьми» не показала настолько значимых корреляционных

связей; она же имеет меньше, чем другие шкалы, взаимосвязей с проявлениями самоуничижительного юмора в вопросах анкеты). Утверждения анкеты, в которых выясняется отношение человека к самому себе, имеют значимые связи практически со всем шкалами опросников самооотношения, онтологической уверенности и самооценки. А утверждения, связанные с использованием самоуничижительного юмора в компании, имеют гораздо меньше взаимосвязей с этими шкалами. Можно предположить, что социальный аспект взаимодействия самоуничижительным юмористам не важен сам по себе. На самом деле, те молодые люди, которые прибегают к самоуничижительному юмору, не стремятся действительно социализироваться или получить социальное одобрение с помощью удачной шутки. Использование самоуничижительного юмора – это средство стабилизации психики в условиях, когда «Ложное Я» не справляется с задачей компенсации низкого уровня онтологической уверенности; это способ защиты от низкой самооценки, самообвинения и внутренней конфликтности.

Как показало исследование Greenberg et al. (1992), самооценка (измеренная по шкале Розенберга) выполняет функцию буферизации тревоги при стрессовых состояниях. Учитывая обнаруженные в нашем исследовании высокие взаимосвязи онтологической уверенности с самооценкой, можно построить такую цепочку: низкий уровень онтологической уверенности порождает фоновое тревожное состояние, «Ложное Я» в целом справляется с ним, но в стрессовых ситуациях тревога захватывает, самообвинение усиливается и самоуничижительный шутник, чтобы ее унять, снижает свою самооценку во внешнем мире, обесценивая себя, как бы «спуская пар». Однако такое обесценивание не проходит бесследно: оно порождает новый круг самообвинения.

В речи самоуничижительный юмор, в том числе, может реализовать коммуникативные стратегии саможалости, шутовства, самоумаления, самобичевания в качестве отрицательной манипулятивной коммуникативной демонстративности (Тисленкова, 2024). В нашем исследовании мы обнаружили положительные взаимосвязи средней силы использования самоуничижительного юмора и утверждений анкеты, в которых говорится о шутках над своими действиями и чертами личности, о том, чтобы специально выставить себя шутком или клоуном ради того, чтобы рассмешить других.

Самоуничижительный юмор и самооотношение

Онтологическая уверенность связана с самооотношением; самооотношение – «общее глобальное чувство "за или против себя"» (Коптева, 2009, с. 7), и онтологическая уверенность – показатель степени ощущаемой безопасности человека в этом мире и привязанности к нему. В нашем исследовании проявилась связь общего уровня онтологической уверенности и всех параметров самооотношения.

Сила связи самоуничижительного юмора неоднородна для различных аспектов самооотношения. Самая сильная отрицательная связь выявлена с самооценностью, а

положительные – с внутренней конфликтностью и самообвинением. Регрессионный анализ подтвердил, что самообвинение имеет большой вклад в предпочтение самоуничижительного юмора.

При наличии сильной отрицательной связи самоуничижительного юмора с самооценностью, связь с самопринятием оказалась довольно низкой. В психологической работе будет важно опираться на базовое, безусловное ощущение самооценности человека и формировать на его основе устойчивый «Образ Я». Опора на «принятие» может не дать результатов, пока не будет сформировано устойчивое, объективное «Истинное Я».

Самоуничижительный юмор «имеет плохую репутацию» (Cortello, 2019). Для людей, использующих самоуничижительный юмор, характерны неуверенность в своих силах, дистанцирование от проблем, фиксация на переживании собственной беспомощности, повышенное самообвинение (Хазова, 2012). Исследование самооотношения среди подростков с разными стилями юмора (Жамбулова, 2019) показало преобладание у лиц, использующих самоуничижительный юмор, негативного самооотношения. Эти данные согласуются с результатами нашего исследования. В другом исследовании обнаружены отрицательные корреляции самоуничижительного юмора с творческими способностями (Cortello, 2019), качеством жизни, психологическим благополучием (Иванова и др., 2013). Результаты нашего исследования также соотносятся с работами, в которых выявлено, что самоуничижительный юмор имеет отрицательную связь с самооценностью (Иванова и др., 2013, Shaikh & Vyas, 2022), качеством жизни и благополучием и положительную с самоосуждением, нейротизмом, депрессией, внешним локусом контроля (Иванова и др., 2013, Мартин, 2009, Kester, 2021, Shaikh & Vyas, 2022), а также тревожностью, в том числе социальной (Tucker et al., 2013). С самоуничижительным стилем юмора положительно связаны чувство собственной незначительности, неважности и одиночества (MacDonald, Kumar & Schermer, 2020). Когда человек чувствует, что он не имеет значения для окружающих в их жизни (Deas et al., 2023), он может прибегать к этому стилю юмора. С самоуничижительным юмором связывают целый «ворох» негативных эмоций в адрес своего «Я», вплоть до ненависти к себе (Омарова, 2021). Постоянное использование самоуничижительного стиля юмора со временем только усиливает «негативную самооценку» юмориста из-за фокусировки на своих недостатках и слабостях (Meyer et al., 2017; Rnic et al., 2016), неважно, веселят других эти шутки или нет.

Самоуничижительный юмор связан с суицидальным поведением (Tucker et al., 2014; Говоров, Иванова, 2023; Hart & Richman, 2020). С одной стороны, шутки о суициде позволяют «обойти» стигматизацию и выразить свои переживания. С другой стороны, дезадаптивность самоуничижительного юмора ведет к усилению чувства одиночества и социальному неприятию (Wilkins & Eisenbraun, 2009). Более того, повышается интерес к поиску связи использования самоуничижительного юмора и аффективных расстройств (Ivanova, Enikolopov & Mitina, 2014), в особенности «улыбающейся депрессии»: в обоих явлениях улыбка выступает «маской»,

позволяющей снизить значимость внутренних переживаний или полностью отгородить свое «истинное Я» от окружающих (Говоров, Иванова, 2024).

Чрезмерное использование самоуничижительного юмора – это, фактически, признание собственных недостатков и разрядка ощущаемой неполноценности во время общения. Сравнение себя с другими, особенно при несформированности образа «Я», приводит к дискомфорту, стрессу и замешательству. Отсутствующие самопринятие, самоосознание и аутентичность провоцируют прибегать к самоуничижительному юмору – он защищает и скрывает истинные чувства (Martin et al., 2003; Barnett & Deutsch, 2016).

Связь с утверждениями анкеты

Проведенный корреляционный анализ между оценками утверждений и шкалой «Самоуничижительный юмор» показал, что все утверждения могут использоваться для диагностики наличия склонности к использованию самоуничижительного юмора, являются её проявлениями. В свою очередь проявления самоуничижения через юмор могут быть значимыми признаками низкого уровня онтологической уверенности. Для самоуничижительных юмористов может быть характерно переживание «уничтожения себя» шутками, особенно когда и так плохо; «притворства» дневной веселости в коллективе, а также проявления «Ложного Я» («Не будь я собой, жить было бы проще») на фоне ослабленного «Истинного Я» («Я ужасный человек»).

В современных условиях стремительной цифровизации значительно растет количество времени, которое молодые люди проводят в социальных сетях (Астапенко, 2021), где становится возможным выразить переживания через интернет-мемы или соответствующие посты на личных страницах – и молодых людей, предпочитающих самоуничижительный стиль юмора, также привлекают депрессивные мемы

Заключение

Сегодня среди молодых людей можно встретить увлечение самоуничижительным юмором: существуют сообщества в социальных сетях с интернет-мемами, которые подчеркивают недостатки, принижают условия жизни или личностные качества. В реальном общении в молодежных компаниях часто можно встретить людей, которые берут на себя роль «клоуна»: выставляют в качестве предмета шуток аспекты своей жизни, охотно рассказывают о своих неудачах в юмористическом ключе, всячески принижают свои способности и достижения.

Как показало наше исследование, за увлечением самоуничижительными мемами и выставлением себя «клоуном» в компании стоят низкий уровень онтологической уверенности, развитое «Ложное Я», высокая степень самообвинения и низкая самооценка. Самоуничижительный юмор показал себя как «симптом» негативного самоотношения и низкой самооценки.

Использование самоуничижительного юмора создает замкнутый круг: когда человеку становится плохо – он еще больше унижает себя, в том числе в компании, но потом неизбежно понимает, что шутки над собой были не *настоящими* шутками, а средством компенсации деструктивных переживаний низкой самооценки, отчужденности и собственной внутренней конфликтности, и от этого он чувствует себя субъективно еще хуже. По нашему мнению, выход из замкнутого круга возможен. Необходима психологическая работа по признанию своей *самоценности* и снижению степени самообвинения. Итогом может стать состояние переживания своей истинной воплощенности, ощущение ценности себя по самому факту жизни и рождения, а собственной личности и деятельности – по факту их уникальности и воплощения личности в мир. Это состояние можно описать так:

«Да, я могу существовать и проявляться в этом мире без осуждения, я ценен, и, хоть это и трудно, но я буду стараться жить в соответствии со своим истинным Я!»

Благодарности

Мы благодарны всем молодым людям, принявшим участие в исследовании – и отдельно тем, кто участвовал в предварительном интервью! Вы помогли нам найти важные связи и внесли значимый вклад в психологическую науку!

Литература

- Barnett, M. D., & Deutsch, J. T. (2016). Humanism, authenticity, and humor: Being, being real, and being funny. *Personality and Individual Differences, 91*, 107–112.
- Baumeister, R. F., & Scher, S. J. (1988). Self-defeating behavior patterns among normal individuals: review and analysis of common self-destructive tendencies. *Psychological Bulletin, 104*(1), 3.
- Cortello, C. M. (2019). The joke's on me: The relation between self-defeating humor, gelotophilia, and gelotophobia. *Intuition: The BYU Undergraduate Journal of Psychology, 14*(1), 4.
- Deas, N., Kowalski, R., Finnell, S., Radovic, E., Carroll, H., Robbins, C., ... & Brewer, L. (2023). I just want to matter: Examining the role of anti-mattering in online suicide support communities using natural language processing. *Computers in Human Behavior, 139*, 107499.
- Fu, H., Lin, Y., Shao, Y., & Zhang, Z. (2024). Using Self-Directed Humor to Regulate Emotion: Effects Comparison of Self-Enhancing Humor and Self-Defeating Humor. *Journal of Happiness Studies, 25*(5), 47.
- Greenberg, J., Solomon, S., Pyszczynski, T., Rosenblatt, A., Burling, J., Lyon, D., Simon, L., Pinel, E. (1992). Why do people need self-esteem? Converging evidence that self-esteem serves an anxiety-buffering function. *Journal of Personality and Social Psychology, 63*(6), 913–922.
- Hart, J. C., & Richman, S. B. (2020). Why do we joke about killing ourselves? Suicide, stigma, and humor. *Modern Psychological Studies, 25*(2), 4.
- Heintz, S. (2017). Do others judge my humor style as I do? *European Journal of Psychological Assessment*.
- Heintz, S., & Ruch, W. (2018). Can self-defeating humor make you happy? Cognitive interviews reveal the adaptive side of the self-defeating humor style. *Humor, 31*(3), 451–472.
- Ivanova, A. M., Enikolopov, S. N., & Mitina, O. V. (2014). Sense of humor disorders in patients with schizophrenia and affective disorders. *Psychology in Russia: State of the Art, 7*(1), 146–157.

- Kester, B. M. (2021). Self-Defeating Humor and Negative Emotionality. *Psi Beta Journal of Research*, 1(1), 28–33.
- Leist, A. K., & Müller, D. (2013). Humor types show different patterns of self-regulation, self-esteem, and well-being. *Journal of Happiness Studies*, 14, 551–569.
- MacDonald, K. B., Kumar, A., & Schermer, J. A. (2020). No laughing matter: How humor styles relate to feelings of loneliness and not mattering. *Behavioral Sciences*, 10(11), 165.
- Meyer, N. A., Helle, A. C., Tucker, R. P., Lengel, G. J., DeShong, H. L., Wingate, L. R., & Mullins-Sweatt, S. N. (2017). Humor styles moderate borderline personality traits and suicide ideation. *Psychiatry research*, 249, 337–342.
- Oakes, M. B. (2021). Ontological insecurity and psychic suffering: a contrapuntal reading of RD Laing's theory [1960–1970] in the neoliberal landscape (Doctoral dissertation, Birkbeck, University of London).
- Shaikh, M., & Vyas, M. (2022). Do Humour Styles have a Relation with Self-esteem? A Scoping Review. *Indian Journal of Positive Psychology*, 13(3).
- Tucker, R. P., Judah, M. R., O'Keefe, V. M., Mills, A. C., Lechner, W. V., Davidson, C. L., ... & Wingate, L. R. (2013). Humor styles impact the relationship between symptoms of social anxiety and depression. *Personality and individual differences*, 55(7), 823–827.
- Tucker, R. P., Wingate, L. R., Shish, M. L., O'Keefe, V. M., Cole, A. B., & Hollingsworth, D. W. (2014). Rumination, suicidal ideation, and the mediating effect of self-defeating humor. *Europe's Journal of Psychology*, 10(3), 492–504.
- Twenge, Jean M.; Catanese, Kathleen R.; Baumeister, Roy F. (2002). *Social exclusion causes self-defeating behavior. Journal of Personality and Social Psychology*, 83(3), 606–615. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.3.606>
- Wilkins, J., & Eisenbraun, A. J. (2009). Humor theories and the physiological benefits of laughter. *Holistic Nursing Practice*, 23(6), 349–354.
- Yue, Xiao Dong; Liu, Katy Wing-Yin; Jiang, Feng; Hiranandani, Neelam Arjan. (2014). Humor styles, self-esteem, and subjective happiness. *Psychological Reports*, 115(2), 517–525. <https://doi.org/10.2466/07.02.pr0.115c18z6>
- Zhang, W., Zhuang, K., Chen, Q., Shi, B., Qiu, J., & Wang, N. (2021). Relationship between self-defeating humor and the Gray matter volume in the orbital frontal cortex: the moderating effect of divergent thinking. *Brain Imaging and Behavior*, 15, 2168–2177.
- Астапенко, Д. В. (2021). Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 4(5), 23–36.
- Говоров, С. А., & Иванова, Е. М. (2023). Феноменология и функции суицидального юмора: теоретический обзор. *Клиническая и специальная психология*, 12(2), 94–117.
- Говоров, С. А., Иванова, Е. М. (2024). Изменения чувства юмора при аффективных расстройствах: «дефицит», «патологическая защита», «маска». *Консультативная психология и психотерапия*, 32(1), 58–78.
- Жамбулова, Г. Б. (2019). Особенности самоотношения подростков с разным чувством юмора. *Студенческий*, (39-3), 64–66.
- Золотарева, А. А. (2020). Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 2, 52–57.
- Иванова, Е. М., Митина, О. В., Зайцева, А. С., Стефаненко, Е. А., & Ениколопов, С. Н. (2013). Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 6(2), 71–85.
- Коптева, Н. В. (2009). Онтологическая уверенность и самоотношение. *Вестник Забайкальского государственного университета*, (5), 110–117.
- Коптева, Н. В. (2010). Концепция онтологической неуверенности-уверенности Р. Лэйнга. *Сибирский психологический журнал*, (37), 66–70.

- Коптева, Н. В. (2010). Онтологическая уверенность и психологическая суверенность. *Мир науки, культуры, образования*, (3), 223–227.
- Коптева, Н. В. (2011). Понятие онтологической уверенности в феноменологической концепции Р. Лэйнга. *Психология. Психофизиология*, (18(235)), 20–27.
- Коптева, Н. В. (2017). Отчуждение как альтернатива онтологической уверенности. *Мир науки, культуры, образования*, (4(65)), 229–234.
- Лаврешина, А. Ю., Дикая, Л. А. (2016). Психологические характеристики и психофизиологические корреляты творчества и юмора. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 14(1), 36–42.
- Лэйнг, Р. Д. (2021). *Расколотовое «Я»*. Litres.
- Мартин Р. (2009). *Психология юмора*. Питер.
- Тисленкова, И. А. (2024). Дискурсивные характеристики отрицательной манипулятивной коммуникативной демонстративности. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 30(1), 167–174.
- Хазова, С. А. (2012). Юмор как ресурс совладающего поведения. *Сибирский педагогический журнал*, (3), 177–182.

Поступила в редакцию: 05.01.2024

Поступила после рецензирования: 24.03.2024

Принята к публикации: 25.05.2024

Заявленный вклад авторов

Виктория Дмитриевна Вороная – планирование исследования, анализ литературы, подготовка и написание текста статьи, подготовка разделов «Введение» и «Обсуждение результатов», перевод статьи на английский язык.

Евгений Александрович Проненко – критический пересмотр методологии статьи, критический пересмотр содержания статьи, подготовка и написание текста статьи, статистическая обработка данных, описание и анализ результатов, окончательное утверждение версии для публикации.

Информация об авторах

Виктория Дмитриевна Вороная – студент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 58132287100; SPIN-код РИНЦ: 9896-5451; <https://orcid.org/0000-0002-9984-2245>; e-mail: voronaya@sfedu.ru

Евгений Александрович Проненко – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57351954200, SPIN-код РИНЦ: 9896-5451, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6032-6059>; e-mail: heimag@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024

ТОМ 21 № 2

Сдано в набор 20.06.2024 Подписано в печать 25.06.2024

Дата выхода в свет 30.06.2024

Цена свободная

Формат 210×297.

Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Подготовлено к печати и отпечатано: "Особое приглашение"
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Metallургическая 102/2, корпус «ИЛК»,
офис 305, E-mail: k@os-pr.ru